ПИОНЕР

МАЙ 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1970 г.

Мурманск
Архангельск
Селенга
Киришн
Котлас
Сыктывкар
Эстонская ГРЭС
Новгород
Череповец
Москва
Полоцк
Дорогобуж
Гродно
Могилев
Солигорск
Гомель
Курск
Липецк
Узгорово
Воскресенск
Новомосковск
Ульяновск
Чебоксары
Казань
Нижнекамск
Стерлитамак
Салават
Волжский
Новокуйбышевск
Нововоронежская АЭС
Лебедин
Черкассы
Кривой Рог
Шахта № 1-2 „Нагольчанская"
Саратовский канал
Рисовые инженерные системы
Астрахань
Гурьев
Каховская оросительная система
Краснодарское водохранилище и рисовые системы
Большой Ставропольский канал
Невинномысск
Чиркейская ГЭС
Сумгаит
Газопровод Север-Центр
Газопровод Пунга-Надым
Березники
Камск
Качканар
Свердловск
Тюмень
Челябинск
Магнитогорск
Ириклинская ГРЭС
Бейнеу
Кзыл-Орда
Кунград
Рисовые инженерные системы
Магистральный канал и оросительные системы
Каракумский канал
Карши
Чимкент
Джамбул
Токтогульская ГЭС
Нурекская ГЭС
Яван-Обикиикская оросительная система
Норильск
Белый Яр
Сургут
Сургутская ГРЭС
Александровское
Асино
Томск
Омск
Анжеро-Судженск
Шахта „Распадская"
Кемерово
Павлодар
Барнаул
Рудный
Караганда
Красноярск
Ачинск
Красноярская ГЭС
Шушенское
Кызыл
Актовракский асбестовый комбинат
Саяно-Шушенская ГЭС
Коршуново
Усть-Илимская ГЭС
Усть-Илим
Братск
Билибинская АЭС
Комсомольск-на-Амуре
Рисовые инженерные системы
Приморская ГРЭС

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
Черная и цветная металлургия.
Химическая и нефтеперерабатывающая промышленность.
Целлюлозно-бумажная промышленность.
Нефтяная и газовая промышленность.
- Нефтепровод.
Мемориальные комплексы.

В рабочих спецовках простые ребята
Всю карту меняют в короткие сроки,
Сметают холодные белые пятна,
Возводят горячие новые стройки.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

МАЙ 5

Издательство «Правда»

Москва 1970 г.

Е. РУБЦОВА

ШЕСТНАДЦАТЫЙ

ПИОНЕРЫ! Здесь пойдет разговор о старшем брате, о комсомоле, о его делах, о важнейшем событии в его сегодняшней жизни.

Вы знаете, какое это событие?

Это съезд комсомола, XVI съезд.

Когда проходил прошлый съезд — в 1966 году,— самые старшие из теперешних пионеров только-только надели пионерский галстук, а самые младшие из них еще даже в школу не ходили.

Четыре года в жизни мальчиков и девочек — это немалый срок. Многое, что волновало взрослых коммунистов и комсомольцев четыре года назад, было еще непонятно или, может, неизвестно тогдашним октябрятам и тем более малышам. А теперь они пионеры, они — это вы сами, и вам важно знать то, что вы просто не могли бы понять тогда.

Слово «съезд» знакомо, конечно, почти всем ребятам. Но иногда слышишь знакомое слово, а над тем, что за ним стоит, как-то не задумываешься.

Давайте попробуем проникнуть в глубь двух слов: «съезд комсомола». Давайте попробуем почувствовать, увидеть, узнать, что в этих двух словах вмещается.

Двадцать три миллиона комсомольцев в нашей стране. Они везде — от северных льдов до южных степей. Они варят сталь и добывают уголь, они пашут землю и сеют хлеб, они стоят дозором на границах, учатся в школах, строят города и заводы, ищут нефть и алмазы, перекрывают плотинами реки, прокладывают дороги в тайге. Это огромная семья сильных, отважных и дружных молодых коммунистов.

Даже маленькой человеческой семье время

от времени нужно собраться вместе и обсудить общие дела. А если в семье — миллионы? Как много им надо вместе обдумать и решить!

Вся многомиллионная комсомолия не может, бросив свою огромную работу, вдруг собраться в одном месте. Но может по-другому. С фабрик, заводов, полярных станций, из таежных городов и горных селений комсомол посылает своих избранных, своих делегатов. И когда собираются комсомольские делегаты со всего Советского Союза на свой комсомольский съезд, это держит совет весь огромный, могучий комсомол.

В 1920 году в Москве проходил третий съезд комсомола. На этот съезд пришел к комсомольцам Владимир Ильич Ленин, чтобы сказать, чего ждут от молодежи Коммунистическая партия, народ.

В своей речи Ленин сказал, что комсомольцы каждым шагом в своей работе должны служить народу, приносить пользу стране, находить самые важные дела и браться за них, помогая коммунистам.

Эти ленинские слова навсегда стали компасом для комсомола. Уже почти пятьдесят лет прошло. От года к году, от съезда к съезду новые задачи решал комсомол, новые дела поручала ему партия. Он брал их на себя и выполнял, и всегда дела комсомольцев служили народу, были на пользу стране. Комсомольцы строили доменные печи Магнитогорска, город Комсомольск-на-Амуре, апатитовые рудники в Хибинских тундрах, шли по путевкам своего Центрального Комитета на военные корабли и самолеты, потому что все это тогда, в тридцатых годах, было очень важно и очень нужно.

В сороковых годах комсомольцы шли в смертельный бой против немецких фашистов, а потом отстраивали разрушенное войной. И не было ничего более важного в те годы: выстоять, победить, залечить раны на родной земле.

В пятидесятых годах они покоряли целину, и это тоже было делом первейшей важности.

Шестидесятые годы... Только за последние четыре из этого десятилетия вошли в строй полторы тысячи крупных промышленных предприятий—почти все они возведены руками комсомольцев, молодежи.

И вот скоро откроется шестнадцатый съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза молодежи.

Мы сегодня не знаем, кто из делегатов возьмет слово. Мы не знаем, что именно тот или иной делегат будет говорить, выступая в прениях на Большом Совете большой комсомольской семьи.

Но ведь на комсомольском съезде говорят о самом главном. О том, **что** надо делать и **как** надо делать. Куда повернуть свои молодые силы. Где они нужнее всего.

Достаточно перелистать газеты за несколько месяцев, чтобы увидеть, какие великолепные дела творят комсомольцы.

ТТМ... Что значат эти буквы? Если мы спросим у молодых токарей, фрезеровщиков, монтажников, конструкторов Московского автозавода имени Лихачева, нам ответят: ТТМ — техническое творчество молодежи. Комсомольцы автозавода создали у себя отряды ТТМ.

Около трех тысяч молодых рабочих и специалистов участвуют в техническом творчестве. Их лозунг — «Знать новое, создавать новое, внедрять новое». Это способ как бы удвоить могущество каждого рабочего с помощью высоких технических знаний, высокого мастерства.

Больше чем полмиллиона рублей за восемь месяцев сэкономил автозавод благодаря усовершенствованиям, придуманным молодежью, благодаря ТТМ.

А теперь заглянем в старинный город Ярославль, на шинный завод, где рождаются автомобильные протекторы. Девиз молодых шинников такой: «Каждая рабочая минута — народное достояние».

Понимаете, что это значит? Всякому ясно, что станок — народное достояние, его нельзя ломать и портить. И фляга с краской — это тоже народное достояние. Ее нельзя вылить на пол цеха или подарить приятелю. И электроэнергия. Ее нельзя тратить зря («Уходя, гасите свет!»).

А вот время, рабочая минутка, она может пропасть зря не только у лодыря, но и у самого прилежного рабочего, если плохой порядок в цеху, не налажено идеально производство.

«Комсомольский прожектор» ярославских шинников взял под защиту рабочую минутку, объявил войну беспорядку, убивающему эти драгоценные минутки.

Третье место, где мы побываем с помощью газетных страниц,— совхоз «Мирный труд», Липецкой области, молодежная молочнотоварная ферма. Еще не так давно здесь работали вручную. Комсомольцы своими силами смонтировали электродоильные установки, потом постепенно механизировали другие работы. И вот результаты: коровы начали давать больше молока, молоко улучшилось. А прибыль от фермы возросла на одну пятую.

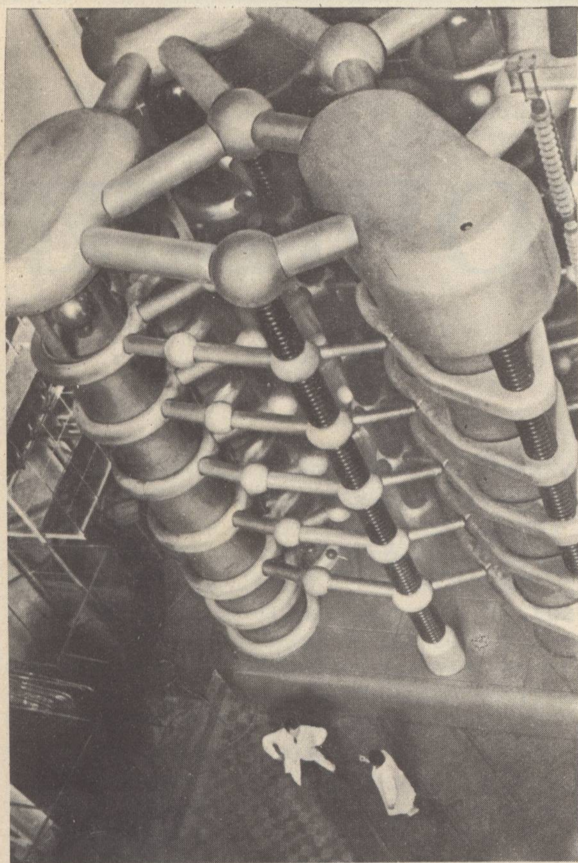
В трех местах, всюду по-своему, но цель одна. И, как всегда у комсомола, она связана с общим, всенародным делом.

Дело это такое: переход на новую, более высокую ступень построения коммунизма.

Завтра стране понадобятся целые армии молодых, с горячей душой мечтателей, с трезвым умом инженеров.

Они будут нужны везде. У диспетчерских атомных электростанций, у пультов быстродействующих электронно-вычислительных машин, командующих целыми заводами, на контроле автоматических линий и цехов-автоматов. На «капитанском мостике» гигантских энергосистем, которые уже сегодня включают в себя не одну только нашу, а многие социалистические страны.

Вот заботы комсомола. Вот заботы съезда, заботы сегодняшнего и завтрашнего дня молодежи.

Два отважных монтажника-верхолаза. Они из тех, кто ставит в дремучей тайге гигантские стальные опоры, крепит на высоте изоляторы, тянет длиннейшие в мире провода. Высоковольтная линия, создаваемая руками этих комсомольцев, этих умелых и сильных парней, приведет могучую электроэнергию к новым нефтяным промыслам Западной Сибири.

Внизу, на снимке слева,— каскадный генератор. Он дает постоянный ток напряжением больше миллиона вольт. Здесь молодые инженеры и ученые испытывают электротехнику завтрашнего дня — приборы и оборудование будущих линий электропередач.

А справа — изыскатели-геодезисты. Эти юноши и девушки всегда впереди!

Туда, где должно родиться новое — будь то город, железная дорога, высоковольтная линия, нефтепровод, — они приходят первыми...

Алексей МУСАТОВ

НОЧНОЙ

ПОВЕСТЬ

В палате

Таня пришла в себя только на третьи сутки.

«Где же это я?..» — подумала она, оглядывая просторную комнату: высокий потолок, выбеленные голые стены, одинаковые железные койки, и на них, укрытые одеялами, незнакомые женщины.

«Так это ж третья больница... наша, городская,— догадалась Таня, увидев монастырскую стену за окном.— Никуда, значит, я не уехала... Где была, там и осталась».

Она пошевелилась и вдруг ощутила болезненную неловкость в левой руке. Казалось, что кто-то не дает освободить руку.

Таня сбросила ворсистое шерстяное одеяло и, приподняв голову, скосила глаза. Ее рука от локтя до кисти была запелената в белую марлевую повязку.

Теперь, кажется, все прояснилось. Значит, ее все же ранило тогда...

Пионервожатая Таня Скворцова и трое ребят из ее дружины выехали из детского дома с последней подводой, увозя сейф с ребячьими документами, пионерское знамя, горн, барабан и кубки, полученные за победы в спортивных соревнованиях.

Они очень торопились, чтобы попасть к поезду, который должен был увезти детдомовцев на восток, но лошадь, пугаясь грохота взрывов, то и дело шарахалась в стороны и поворачивала назад.

До вокзала подвода так и не доехала. Оттуда в беспорядке бежали люди, и Таня узнала, что станцию бомбят, на путях горят цистерны с горючим, поезд с эвакуиро-

ОБОЗ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

ванными отошел раньше срока, и его можно перехватить только на следующей станции.

Таня направила подводу на шоссейную дорогу и сразу попала в суматошный поток беженцев.

Но и на шоссе уходящих из города людей не оставили в покое.

Сначала вражеский самолет прошил живую человеческую ленту пулеметными очередями, затем из облаков вынырнули два тупоносых стервятника, и от них отделились зловещие черные капли.

— Ложись!— не помня себя, закричала Таня и принялась стаскивать с подводы малышей и толкать их в придорожную канаву.

Грохнул взрыв, тугая воздушная волна швырнула Таню в сторону, и последнее, что запечатлелось в ее памяти, была детдомовская лошадь Жужелица, которая с диким ржанием перемахнула через придорожную канаву и помчала телегу по картофельному полю. Потом все провалилось, словно в бездонный омут...

Сейчас Таня почувствовала, что лежать ей больше невмоготу: жарко, не хватает воздуха.

Приподнявшись с койки, она нетерпеливо оглядела больничную палату. Хоть бы спросить кого, что же случилось за эти дни, кто сейчас в городе, наши или немцы. Эвакуировался ли детский дом? Где ребята, с которыми она ехала на телеге?

Но спросить некого: в палате нет ни врача, ни сестер.

И тут она уловила осторожный стук в стекло — так стучат в дни лютых моро-

зов в теплый дом голодные, промерзшие синицы. Таня оглянулась и увидела в окне два расплющенных детских носа, а над ними встревоженные, вопрошающие глаза.

«Это же Шурка с Настей,— обрадовалась Таня, узнав детдомовцев, ехавших с ней на телеге. — Значит, живы они, живы! А где же Яша Самусенко?»

Не успев сунуть ноги в тапочки, она подошла к окну.

Детдомовцы отлепили от стекла расплющенные носы, и они приняли свой нормальный вид: у Насти он оказался маленький, миловидный, у Шурки — широкий, вздернутый, усыпанный крупными веснушками.

Начался мимический разговор. Детдомовцы улыбались, переглядывались друг с другом, размахивали руками и чуть ли не приплясывали, видимо, радуясь, что Таня уже может стоять на ногах, ходить по палате, улыбаться им в ответ.

Потом все оборвалось. Мальчик с девочкой за окном внезапно исчезли, словно их не было.

— Вот это уж никуда не годится,— услышала Таня позади себя. — Мало того, что ребята под окном крутятся, еще и тебя с постели подняли.

Таня оглянулась и увидела в дверях врача Первухину. Позади нее стояла пожилая сестра с набором лекарств на подносике.

— Я, Елена Александровна, сама поднялась...— сказала Таня,— ребята тут ни при чем.

— Тем более... тебе еще лежать да лежать... Сейчас же в постель.

— Очень я рада, что ребята объявились,— призналась Таня, забираясь под одеяло.— Ведь мы с ними в такую перепалку попали... — И она вопросительно заглянула в лицо Елены Александровны, которую знала не первый год. Врач частенько бывала у них в детском доме, делала прививки, осматривала перед выездом в лагерь детей. Но как же ее скрутило за эти дни!

Всегда модно одетая, оживленная, разговорчивая, сейчас она как будто стала меньше ростом, ссутулилась, лицо выглядело постаревшим, озабоченным, губы без помады поблекли, за толстыми стеклами очков проступали покрасневшие веки.

— Значит, они здесь, в городе? — шепотом спросила Таня, стараясь не произносить страшного слова «фашисты». — А где наши? Что с детским домом?

— После боя наши отошли, — тяжело вздохнув и так же вполголоса сообщила Елена Александровна.— Город захвачен. На улице полно немецких солдат. Ведут себя, как хозяева. Хватают коммунистов, советских работников.

За окном вновь появились лица Шурки и Насти. Елена Александровна погрозила им пальцем, и лица исчезли.

— А вообще-то они молодцы, твои ребята.— Слабая улыбка тронула губы врача, и она рассказала, как детдомовцы после того, как Таню контузило взрывной волной и ранило в руку, не растерялись, не бросили на дороге. Они поместили ее вместе с другими ранеными на подводу и привезли в городскую больницу.

— Твое положение, надо сказать, не из легких, — продолжала Елена Александровна. — Рана не опасна, но ты потеряла много крови... К тому же сильная контузия... Почти трое суток не приходила в сознание.

Но слова эти, казалось, не дошли до Тани.

— А где же ребята живут? — встревоженно спросила она. — Где ночуют, как питаются?

— Несколько раз кормила их обедом, дала кое-что про запас. А где живут, понятия не имею... Ты не представляешь, сколько сейчас по городу бродит детей... голодных, бесприютных, потерявших дом, родителей!

— А где... Виктор ваш? — осторожно и чуть запнувшись, спросила Таня.

— Не знаю, ничего не знаю.— Елена Александровна опустила голову. — Исчез, как в воду канул.

Сына врача Таня хорошо знала по школе, которая шефствовала над детским домом. Когда началась война, Виктор все ждал повестки из военкомата, чтобы попасть на фронт, но повестка не приходила. Тогда он записался в молодежный истребительный батальон. Он перешел жить на казарменное положение и начал изучать военное дело.

— Что же с батальоном стало? — допытывалась Таня.

— Как только начались бои за город, истребительный батальон бросили против вражеских парашютистов, — сказала Елена Александровна.— Но немцы их сразу же разбили... И где сейчас Виктор, ума не приложу.

— А может, он в лес ушел, к партизанам? — высказала предположение Таня. — Мы ведь вместе с ним туда собирались.

— Это было бы самое разумное.— Вздохнув, Елена Александровна пристально посмотрела на девушку. — Ты тоже должна уйти из города... И как можно скорее... Ты ведь комсомолка, пионервожатая.

Таня хотела было сказать, что положение у Елены Александровны не лучше: в городе ее хорошо знают, муж с первых дней войны на фронте, сын был в истребительном батальоне, — но смолчала и только спросила, когда ее отпустят из больницы.

Елена Александровна сняла повязку, осмотрела Танину руку и удовлетворенно заметила, что рана подживает.

— Пожалуй, недели через две можно будет выписать.

В последний час

Поместив раненую Таню в больницу, ребята вышли на крыльцо и с тревогой стали прислушиваться к отдаленным выстрелам за городом — там, видно, шел бой.

— Вы-то куда теперь? — озабоченно спросила их пожилая няня.— Спрячьтесь хоть в щель или в погреб. Скоро, поди, шарахать начнут.

Шурка Кропачев посмотрел на небо — оно было высоким, белесым, без единого облачка, и ни один вражеский самолет не нарушал его покоя.

— Нет, мы, пожалуй, к себе, в детдом,— не очень уверенно сказал он, а про себя подумал: «Куда уж там к себе, коль у них ничего не осталось». Потом покосился на Яшу Самусенко и Настю Веселкину — девочка дрожала мелкой дрожью, куталась в вязаный платок.— А если хотите — оставайтесь здесь,— предложил Шурка.

— Домой, домой, — заторопился рассудительный Яшка. — У нас там стены покрепче, чем в погребе. И лошадь надо укрыть. Она еще нам пригодится...

Ребята подошли к усталой Жужелице.

К монастырю пробирались окраиной города, не сворачивая к центру. На улицах было тихо, пустынно. Окна, заклеенные крест-накрест бумажными полосами, наглухо закрыты, будто жители попрятались или выехали.

Только у калитки одного чистенького домика с затейливыми наличниками на окнах сухонькая бабка Фомичиха сражалась с упрямой козой.

— Дура ты, Манька, дура и обормотка. Вот придут серы волки, оставят от тебя рожки да ножки.

Но коза никак не хотела входить во двор и с завидной жадностью сощипывала сочную траву у придорожной канавы.

— Мальчишки, да помогите вы ей! — требовательно попросила Настя.

— А ну, Яков, давай! — Шурка толкнул приятеля в бок. — Последнее тимуровское задание!.. Выручим бабку.

Мальчишки спрыгнули с телеги и, схватив козу за рога, довольно бесцеремонно втащили ее во двор.

— Спасибо, хлопчики, выручальщики вы мои! — запричитала Фомичиха, узнав детдомовцев, которые не раз приходили помогать ей по хозяйству. — Вы чего у себя дома не сидите?

Шурка махнул рукой:

— Был дом, да весь вышел... Поехали, Яшка.

Миновав щербатый деревянный мост через реку, которая делила город на две неравные части, Жужелица потащила телегу на изволок, к старинному монастырю.

Неожиданно из-за поворота показался детдомовский завхоз Барсуков — мрачноватый пожилой мужчина. Сначала ребята даже не узнали его. Обычно завхоз ходил в аккуратно вычищенном костюме или в вельветовой куртке, при галстуке, в соломенной шляпе, в начищенных штиблетах, а сейчас был в жестком, как лист железа, брезентовом плаще, в потрепанных порыжевших сапогах, в старой кепке.

Приблизившись, он взял Жужелицу тяжелой рукой за узду и с недоумением уставился на ребят.

— Вы откуда? Почему от своих отстали?

Обрадованная встречей с завхозом Настя привстала на колени и, торопясь, рассказала, как попали под бомбежку, как ранило Таню...

Не сводил глаз с Барсукова и Шурка. И что это стало с завхозом: то во всем любил порядок, всегда ходил чистеньким, аккуратным, за каждую утерянную пуговицу и порванную рубаху без конца мог читать нотации и вдруг сам так опустился.

— Иван Данилыч, а вы почему с детдомом не уехали? — спросил Шурка.

— Вот по тому же самому, что и вы, — хмуро ответил Барсуков. — На погрузке задержался, отстал от поезда. А теперь уж поздно, не выберешься.— Он оглянулся по сторонам, прислушался. — Слышите, бой идет. Немцы город стороной обошли, все дороги отрезали... Сейчас здесь такое начнется — потрохов не соберешь. Слезайте зараз с телеги и прячьтесь куда-нибудь.

— А мы же лошадь решили укрыть, — признался Шурка.— Сейчас они заведут Жужелицу через пролом в стене в угловую Шатровую башню. И никто ее там не найдет.

— Ладно, без вас все сделаю,— распорядился Барсуков. Он решительным жестом забрал из рук Шурки вожжи и сел на край телеги. — А ну, не задерживай!.. Вытряхивайся. И марш в убежище.

Ребята неохотно слезли с подводы. Барсуков развернул ее, хлестнул лошадь вожжами, быстро переехал мост и, не оглядываясь, направил Жужелицу в боковую улочку.

— Смотрите! — вскрикнула Настя. — К своему дому заворачивает!..

— И почему он лошадь у нас забрал? — удивился Шурка.— И разговаривал, как с чужими. Чудно прямо!

— А может, Барсуков из города хочет выбраться?—предположил Яша Самусенко.

Издали донесся вой моторов, к городу приближались бомбардировщики.

— Сейчас опять трам-тарарам начнется... Давайте ходу! — Яша, втянув голову в плечи, ринулся было к монастырю.

— Не успеем мы. Переждем лучше здесь, — удержал его Шурка, потом схватил за руку Настю и потащил ее к монастырскому холму, у подножия которого были выкопаны глубокие щели-укрытия.

Ребята спрыгнули на дно щели. Там уже сидели женщины, ребятишки, должно быть, из беженцев, не успевших выбраться из города.

Грохнули первые взрывы.

«Опять станцию бомбят», — решил Шурка, выглядывая из щели. И тут он заметил какого-то бегуна. Тот приближался к городу не по дороге, а прямо через поле вдоль картофельных борозд, затем по колючей стерне. Вот он добежал до оврага, кубарем скатился вниз по обрывистому склону, на мгновение исчез из глаз, потом вновь появился на противоположном склоне оврага. Пересек чей-то огород, дважды перелез через изгородь и, наконец, вырвался на булыжную мостовую.

— Вот чешет, чудак!.. От самолетов, что ли, решил удрать, — фыркнул Шурка и замахал руками.— Да ложись ты, ложись!

Но «чудак», изредка оглядываясь и взбивая с дороги клубы пыли, продолжал бежать. Вот он уже почти приблизился к мосту. Шурка выскочил из щели и свирепо заорал:

— Очумел, что ли!.. Сейчас бомбить начнут. Лезь к нам!

Бегун остановился, ухватился руками за перила моста, и Шурка увидел мальчишку лет четырнадцати, скуластого, приземистого, с разбитыми в кровь босыми ногами.

— Откуда ты такой? От кого драпаешь? — с удивлением спросил Шурка.

— Слышь, парень...— Бегун с трудом отдышался.— Ты местный? Из города? Мне срочно к военным надо... К начальству. Ты показать можешь? — Он кивнул в сторону поля, откуда только что прибежал.— Там... там немцы!

— Тю! — фыркнул Шурка. — А без тебя, думаешь, военные об этом не знают?.. Слышь, что за городом делается.

— Но они же совсем рядом. И почти все на танках, — сбивчиво забормотал мальчишка. — Знаешь, как хитро придумано. Мы колхозных коров угоняли на восток. А немцы нас перехватили и поставили танки в середину стада. И приказали гнать коров к городу... Понимаешь теперь?.. Только я все равно немцев опередил! Веди скорее к начальнику, — взмолился он, с тоской прислушиваясь к артиллерийской перестрелке за городом.

Шурка пристально оглядел возбужденного мальчишку. Нет, тот, пожалуй, ничего не выдумывал.

— Ладно, пошли! — махнул он рукой, вспомнив, что за монастырем расположилась воинская артиллерийская батарея. — Найдем кого-нибудь.

Шатровая башня

К утру бой утих, и в город вступили немцы. С лязгом и грохотом, высекая из булыжников мостовой искры, пошли танки, потом потянулись орудия, грузовики с солдатами, промчались мотоциклисты.

Шурка с Родькой Седых — так звали босоногого мальчишку-бегуна — после того, как предупредили батарейцев о танках,

вернулись в щель у подножия монастырского холма и всю ночь просидели в промозглой яме.

А когда выбрались на свет, увидели, что в городе уже хозяйничали немцы. Они врывались в магазины, занимали лучшие дома, размещались в школах, в клубах, в учреждениях. Какая-то воинская часть захватила и помещение детского дома, которое находилось в монастыре.

Мальчишки попытались было пройти внутрь помещения, заглянуть в спальни, в столовую, но рослый часовой у входа, поправив на груди автомат, погрозил им пальцем.

— Куда ж нам теперь? — озадаченно спросил Яшка.

Шурка пожал плечами. Нет родного детдома, нет воспитателей, учителей, и неизвестно, как теперь ребята будут жить и что делать.

Ведь он, Шурка, и так был почти круглым сиротой. Отец бросил их с матерью, когда мальчишке не было и пяти лет, мать вскоре вышла замуж за другого и после первого класса устроила сына в детский дом, а сама уехала на Дальний Восток.

И вот он, как в новой семье, пять лет прожил в детдоме, перешел этой весной в седьмой класс, мечтал после окончания десятилетки пойти учиться в военную школу...

А теперь начиналась совсем иная, какая-то непонятная, немыслимая жизнь. Но жить все-таки было надо... Ведь он, Шурка, не один в таком положении, уже подобралась целая компания: Настя, Яша, пастушонок Родька Седых, еще какой-то латышский парнишка со своей сестренкой, которые всю ночь просидели с ними в щели-убежище. Латыша, кажется, зовут Витолом.

— Спрашиваешь: куда нам теперь? — обратился Шурка к Яшке Самусенко и, обведя глазами толстые монастырские стены, задержался взглядом на угловой высокой башне, которую все называли Шатровой. Она чуть накренилась набок, и по стенам ее проходили извилистые трещины.

— Вот нам и жилье! — сказал Шурка.

— Так она ж завалится скоро, — опешила Настя.

— Еще сто лет простоит, — отмахнулся Шурка. — Зато в нее ни один фриц носа не сунет.

Но Настя заявила, что она в такую башню-развалюху не полезет, а лучше поищет прибежище во флигеле, у тети Лизы Бурлановой, детдомовской уборщицы. Потом посмотрела на худенькую девочку, сестру Витола, и позвала ее с собой.

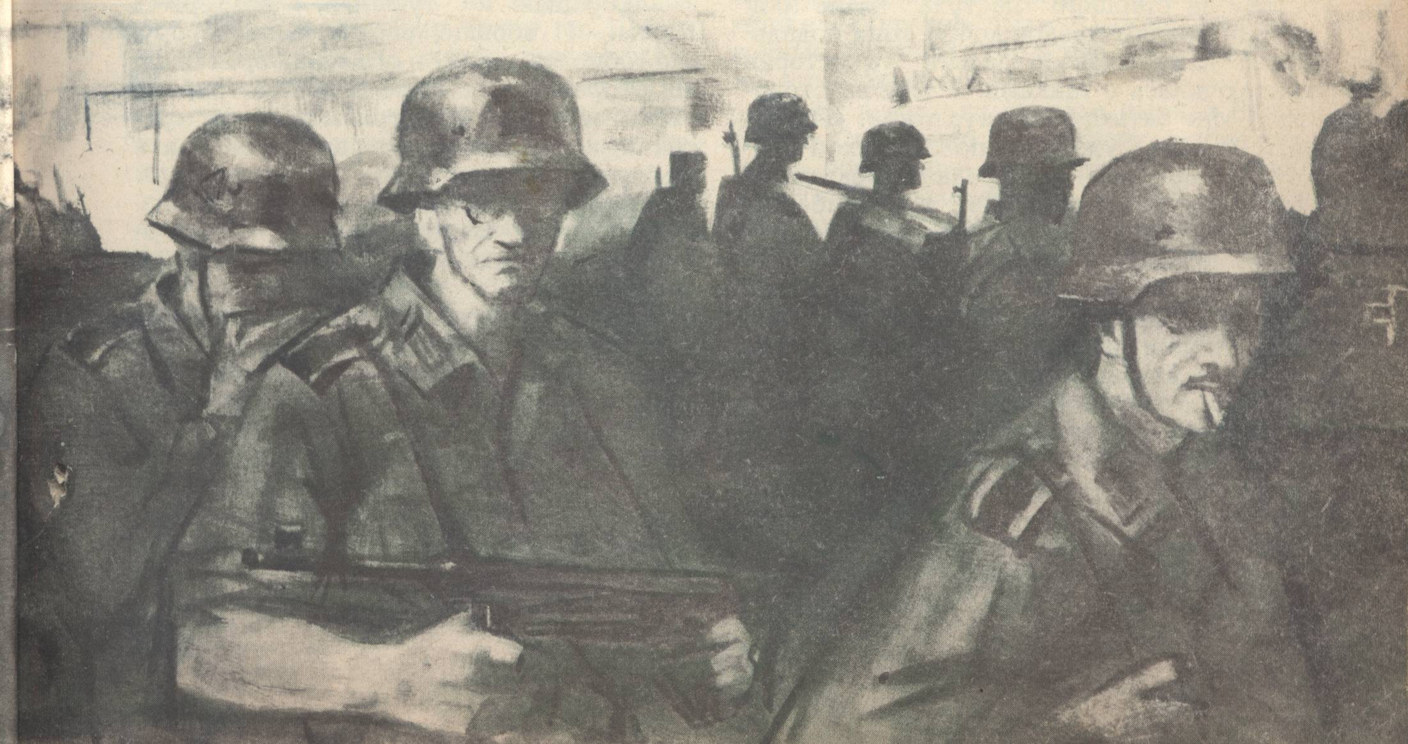
— Иди, Лайма, — грустно кивнул Витол. — Там тебе лучше будет.

С этого дня Шуркина компания устроилась в Шатровой башне. Но сидеть в четырех стенах ребята подолгу не могли. Тянуло в город, хотелось знать, что делается кругом.

По улицам расхаживали солдатские патрули, на углах и перекрестках дежурили полицаи в грязно-зеленых шинелях с белыми повязками на рукавах.

Менялись названия улиц: Первомайская стала Дворянской, проспект Ленина — Европейским. При входе в двухэтажное с белыми колоннами здание горсовета появилась вывеска: «Городская управа».

К утру бой утих, и в город вступили немцы.

Питались ребята чем попало. Иногда удавалось поживиться и у соседей — немецких солдат, занявших помещение детского дома. Вид оборванных, грязных, диковатых мальчишек, ютившихся в монастырской стене, забавлял офицеров. Они охотно их фотографировали и устраивали себе развлечения — заставляли ребят бороться, бегать наперегонки.

Особенно ловко приспособился Яшка. Он лихо отплясывал перед солдатами «русского», пел озорные частушки, затевал с кем-нибудь из ребят кулачную драку или приносил солдатам грибы, ягоды, яблоки, и за все это ему иногда давали банку тушенки или разрешали пользоваться объедками с кухни.

— Не зевай, хлопцы, запасайся,— подбадривал Яшка друзей.— Может, нам в той башне зимовать придется.

— Тебе бы только запасаться, — как-то рассердился Шурка. — Да еще к фрицам подлаживаться... цирк для них устраивать.

— А что ж такого? — удивился Яшка. — Ну, пляшу для них, песни пою. Ноги же не отвалятся, язык не отсохнет. Зато нам тушенка перепадает...

— Да подавись ты своей тушенкой, — вышел из себя Родька Седых. — Этих фрицев лупить надо, а не шутовать перед ними... Нет, надо уходить отсюда, к партизанам пробираться... — И он принялся уверять ребят, что партизаны находятся где-то недалеко от города, за Крутицкими болотами. Он-то знает эти места...

— Чего ж ты не ушел, если знаешь? — недоверчиво спросил Яшка.

— Да все из-за этих коров,— смущенно признался Родька.— Наш председатель колхоза целый отряд подобрал. Мой батька тоже в партизаны записался. И меня со старшим братом в отряд хотели взять. А тут приказ—коров и телят на восток гнать. Батьку за старшего пастуха назначили: спасай, мол, колхозное добро, гони подальше от немцев. А по дороге эта история приключилась с танками. Я уже вам говорил... Мне батька и шепнул тогда: «Исхитрись, Родька... ужом проползи, мухой пролети, а доберись до города. Предупреди там насчет ловушки». Вот я и прибежал сюда. — Он вздохнул. — А только все равно без пользы... город-то сдали...

— Нет, ты не зря прибежал, — сказал Шурка. — Знаешь, сколько наши бронебойщики танков разворотили. Я потом бегал на шоссейку, сам видел. Целое кладбище.— Он с уважением посмотрел на Родьку. Вот это мальчишка! А он, Шурка Кропачев, сидит в этой башне, прячется от фрицев, запасается продуктами, топливом.

— А где теперь твой отец? — осторожно спросил он у Родьки.

— Кто его ведает. Может, к партизанам ушел, а может... — Родька не договорил и отвернулся. Потом, помолчав, твердо сказал: — Вы как знаете, а я уйду от вас.

— Куда там, — махнул рукой Яшка. — Сейчас из города не выберешься. Полицаи повсюду, патрули. Без пропуска ни шагу.

— Так-то оно так, — тоскливо вздохнул Шурка.— А все же чего-то надо делать... Неправильно мы живем. Запрятались, как кроты в норы, боимся всего...

Дня через два в Шатровую башню поднялся возбужденный Родька и, достав из-за пазухи смятый листок бумаги, показал его ребятам.

— Над лугом наш самолет пролетал. Листовки сбросил. Я вот подобрал одну. Читайте...

Шурка бережно развернул смятую листовку. Она была адресована населению оккупированной фашистами области.

«Организуйте партизанские отряды и группы, — вполголоса прочел Шурка. — Захватывайте оружие и боеприпасы у врага. Беспощадно уничтожайте его днем и ночью, из-за угла и в открытом бою!»

— Слыхали? — торжествуя заговорил Родька. — А я что говорил... К партизанам надо идти. Драться... оружие собирать!..

В этот же день Родьке с Шуркой неожиданно повезло. Они выследили, когда около детдома остановился грузовик, набитый какими-то ящиками.

«Наверное, с тушенкой»,— подумали ребята. Улучив удобный момент, они вытащили из-под брезента зеленый ящик, спрятали его в крапиве, а вечером принесли в Шатровую башню.

Но вместо банок с тушенкой они обнаружили в ящике ракеты.

— Вот так поели-поужинали, — ахнул Яшка.

— А что, ребята, это ведь здорово! — обрадовался Родька.— Если уж к партизанам идти, так не с пустыми руками...

— Хорошая тушенка, — поддержал Шурка.— И вообще, ребята, давайте оружие собирать... — И он объяснил свой план: они отправляются в лес будто за грибами и ягодами, сами осматривают места сражений, копаются в траншеях, в окопах и подбирают все пригодное и стоящее.

— А приказ комендатуры читал? — напомнил Яша. — Нашел оружие — сдай. А за утайку, знаешь, что будет... В гестапо потянут!

— А мы не жадные, — усмехнулся Шурка. — Все, что разбито, испорчено — сдадим, конечно, а что к делу пригодное — припрячем подальше, а тайник схороним.

— План принят, — согласился Родька. — Завтра же и начнем. — И он вновь обратился к Шурке. — А может, у тебя какой человек есть? Надежный, из взрослых. Может, он подскажет, как с партизанами связаться?

Шурка задумался.

Руки ребят тянулись к оружию, хотелось действовать, мстить. И нужен был старший товарищ, который бы помог во всем разобраться, дал совет, повел за собой.

— Есть такой человек,— сказал наконец Шурка. — Таня Скворцова.

У Анучина омута

С утра Шуркина компания отправилась на поиски оружия.

— Куда двинем? — спросил у Шурки Родька Седых, самый удачливый охотник за оружием и более других понимавший толк в системах винтовок и автоматов.— Если на высотку, к окопам, так там все уже подобрано.

— Пошукаем в другом месте. Есть у меня такое на примете.— И Шурка рассказал про Анучин омут, в котором перед сдачей города попавшая в окружение красноармейская часть утопила какие-то ящики.

— Откуда ты знаешь? — спросил Витол.— Сам видел?

— Нет, дедушка Силантий говорил. Он тогда красноармейцам брод через реку показывал. Только не успели они перебраться.

К полудню ребята выбрались за город. Как обычно, взяли с собой корзины, кошелки.

Посоветовавшись с дедом Силантием, бывшим детдомовским сторожем, Шурка прихватил еще тонкую длинную веревку, а на дно корзины положил железную «кошку», притрусив ее сверху травой.

Мальчишки решили, не задерживаясь, пробираться к Анучину омуту, но Шурка все же предупредил, чтобы они не забывали про грибы и ягоды. Не ровен час — нарвутся на полицейский патруль, и грибы с ягодами очень пригодятся для маскировки.

К Анучину омуту ребята подошли часа через полтора тенистым топким оврагом. Место оказалось глухим, безлюдным, грибники сюда почти не заглядывали.

Родька подошел к берегу, опустил в воду руку и покачал головой: вода была холодная, обжигающая, наверное, со дна омута били родниковые ключи.

— Да, не поныряешь... Это вам не парное молоко, не летняя водица.— Он кивнул Шурке.— Давай твою снасть.

Шурка привязал к концу веревки ржавую когтистую «кошку» и забросил ее в воду. Проборовдил дно омута в одном направлении, в другом, в третьем и все без толку. А на пятый или шестой раз она так припаялась ко дну, что сколько ребята ни тянули, ни дергали за веревку, «кошка» не подавалась.

— Так дело не пойдет! — остановил Шурка приятелей.— Еще веревку порвем.— Он посмотрел на свинцовую гладь омута и, вздохнув, начал снимать пиджак.— Ничего не попишешь... придется искупаться.

— А почему ты первый? — вмешался Витол.— Я все же на море жил... всякими стилями плаваю... и нырять умею...

— Чего там хвалиться,— примиряюще сказал Родька.— Будем нырять по очереди.— Попридержав Шурку, он быстро собрал сушняк и развел небольшой костер. Потом быстро разделся и бросился в омут.

Вынырнул он через некоторое время с «кошкой» в руках, дрожа и отфыркиваясь, вылез на берег и, подбежав к костру, запрыгал перед огнем.

— Твоя правда,— кивнул он Шурке.— Действительно, на дне омута лежат какие-то ящики. И даже с ручками. Но «кошка» зацепилась за самый нижний ящик, а его не стронешь с места. Видно, засосало в тину. Вот если попробовать прихватить верхний...

Но Родька не успел еще раз броситься в омут, его опередил Шурка.

— По очереди так по очереди! — выкрикнул он, мигом разделся и кинулся в воду. Пробыл там совсем недолго и, вынырнув, хрипло скомандовал:

— Тяни! Разом!

Мальчишки ухватились за веревку и вскоре вытянули на берег закрюченный «кошкой» тяжелый темно-зеленый ящик.

Пока Шурка грелся у костра, а потом одевался, ребята оторвали топориком крышку ящика и взвыли от радости. В ящике аккуратно были уложены винтовочные патроны, тронутые зеленоватым налетом окиси.

Потом в воду по очереди ныряли Витол и Яша Самусенко. На берегу набралось целое богатство — три ящика с патронами. Но это было еще не все. Мальчишки уверяли друг друга, что со дна омута можно извлечь еще с десяток таких ящиков.

— Хороша добыча! Знатный у вас улов...— раздался за спинами ребят глуховатый голос.

От неожиданности мальчишки пригнулись и шарахнулись в заросли лозняка, и только Яша Самусенко, запутавшийся в штанах, все еще прыгал на одной ноге около костра.

Первым опомнился Шурка и выглянул из-за куста. И у него сразу отлегло от сердца.

На берегу омута, вытянув шею и заглядывая в открытые ящики с патронами, стоял знакомый ему еще по школе десятиклассник, Танин приятель, Виктор Первухин.

Был он рослый, плечистый, с белесым пушком на щеках и подбородке; за плечами болтался тощий рюкзак, порыжевшие сапоги разбиты, под курткой заношенная, грязная рубаха, в руках суковатая палка. Видно, парень шел издалека.

— Первуха... ты!—обрадованно вскрикнул Шурка.— А мы уж думали...

— Плохо, видно, думали,— усмехнулся Виктор, оглядываясь по сторонам.— Что ж это вы, братья-конспираторы? Занимаетесь таким делом,— он кивнул на ящики с патронами,— а дозорных не выставили... И костер зачем-то запалили.

— Так ребята ж все свои, надежные. И место тихое.— Шурка сделал мальчишкам знак, чтобы подошли поближе.

— Тихое-то тихое, а я вот все же набрел на вас. На дымок вышел.

Виктор задержал взгляд на Шурке и Яше.

— А вы почему в городе? Почему с детдомом не уехали?

— Не удалось.— Шурка сообщил, что произошло в день эвакуации детского дома, как ребята с пионервожатой Скворцовой попали под бомбежку, как Таню контузило.— Сейчас она в третьей больнице, у твоей матери... Уже поправляется...— Он хотел было еще сказать, как Таня ждет Виктора, как он нужен и ей и всем ребятам, чтобы помочь им переправиться в партизанский отряд, но не успел.

Виктор, кивнув на ящик с патронами, спросил:

— А этого добра здесь много?

— Хватит. Только таскай да таскай. Мы ведь это по заданию Тани собираем... Для вас.

— Это что значит «для вас»? — насторожился Виктор.

— Ты ведь откуда? Из партизанского отряда? — Шурка неопределенно махнул в сторону леса.— И с каким-нибудь важным заданием. Ведь правда?

Виктор нахмурился, подозрительно посмотрел на мальчишек.

— Ну вот что,— недовольно заговорил он.— Ты чего-то путаешь. Никакого отряда я не знаю. И никакого задания не имею. Просто не сумел уйти с эвакуированными и вот возвращаюсь домой. И ты не вздумай чего-нибудь болтать про меня.

— А чего в городе собираешься делать? — не утерпев, спросил Шурка.

— Экий ты дотошный...— отмахнулся Виктор.— Ну, жить буду, как все... На какую-нибудь работу устроюсь.

Сбитый с толку Шурка растерянно переглянулся с ребятами — вот так встреча. Наболтал парню невесть что, рассказал про оружие, про патроны, про пионервожатую, а Первухе, может, нет никакого дела ни до оружия, ни до Тани.

— Ну, так будь здоров, Шурка,— кивнул Виктор, еще раз поглядев на ящики с патронами.— А куда вы это добро подеваете?

— Это уж наше дело.

— Ну и правильно! Я вас не видел и ничего не знаю. И вы меня не встречали... Только все же эти орешки надо бы в порядок привести.— Виктор взял из ящика патрон, другой, до блеска протер их рукавом ватника и аккуратно положил обратно.— Вот так... таким манером. Ну, бывай, ребятки! — Он шагнул было на тропинку, ведущую в заросли лозняка, но потом обернулся и вновь обратился к Шурке: — Кстати, где тебя разыскать, если понадобишься?

— Чего нас искать,— буркнул Шурка.— Надо, мы и сами объявимся.

— А все же? Где вы обитаете?

— У нас дом пока без адреса... Ищи между небом и землей — не ошибешься.

Усмехнувшись и пожав плечами, Виктор скрылся за кустами.

— Видали такого,— фыркнул Яша.— Работать он пришел... на фрицев трудиться.

— А может, он того... перетрухал,— заметил Родька.— И совсем он не партизан. И никакого задания у него нет. Просто он домой прибежал, к мамке.

— Не должно вроде,— сказал Шурка.— Виктор в истребителях был... бой принял.— И все же ему было не по себе. Ведь он так надеялся, что Первухин поможет ребятам и Тане уйти в лес, в партизанский отряд! А тот вдруг заявил, что ничего о партизанах не знает. Но почему же тогда Виктор заинтересовался патронами, оружием, спросил, где они, мальчишки, проживают. Нет, чего-то он петляет, темнит.

— А дальше чего делать будем? — прервал раздумья Шурки Витол.— Нырять или как?

— На сегодня хватит...— Шурка посмотрел на ящики и распорядился протирать патроны.

— Видали, как Первуха делал?.. Вот и вы так.

Мы нужны здесь

Утром, закончив обход больных, Елена Александровна позвала Таню к себе в кабинет и, прикрыв дверь, сказала, что третьего дня домой вернулся Виктор.

— Вернулся? Оттуда? Из партизанского отряда? — вскрикнула Таня.

Елена Александровна слабо махнула рукой и, помолчав, призналась.

Оказывается, ее сын ни в каком партизанском отряде не был. Просто после того, как истребительный батальон был разбит, Виктор почти три недели бродил по округе. Его дважды забирали патрули и полицаи, допрашивали, держали под арестом, пока наконец ему не удалось пробраться домой.

— Честное слово, Таня, я ничего не понимаю,— пожаловалась Елена Александровна.— Виктор был за линией фронта, мог остаться в армии или присоединиться к партизанам, а он ни с того ни с сего вернулся обратно в город.

Нет, он совсем поглупел, ее сын. Зачем только лезет на рожон! Десятиклассник, комсомолец, первый спортсмен в школе... Да в городе его каждая собака знает, сразу же схватят...

Таня невольно просияла.

«А ведь это он из-за меня вернулся, из-за меня...» Они же клятву дали друг другу, что никогда не расстанутся и вместе уйдут в армию или к партизанам. Значит, он не забыл клятвы!

— А про меня он что-нибудь спрашивал? — ревниво осведомилась Таня.

— Как же, как же! Первый разговор о тебе. Почему ты в больницу попала, как себя чувствуешь... Да он сегодня и сам к тебе зайдет. Жди его после обеда в саду.

— Мы теперь вместе из города будем выбираться,— помолчав, сказала Таня.

— Да, да, непременно,— кивнула Елена Александровна.— Только меня одно беспокоит: Виктор почему-то никуда не хочет уходить из города. Говорит, что будет здесь жить, работать...

— Работать? На них, на немцев?

— Представь себе. Он уже что-то узнает, заводит знакомства.

— Да нет... Не может быть...— опешила Таня.— Вы, наверное, чего-то не поняли.

— Если бы так,— вздохнула Елена Александровна.— Прошу тебя, Танюша, объясни ему, уговори.— И она сообщила, что примерно через неделю группа выздоравливающих красноармейцев будет тайно переправляться из больницы в партизанский отряд. Так что пусть Таня с Виктором готовятся и ждут сигнала.

*

Наспех пообедав, Таня направилась в дальний угол больничного сада, к шалашу, чтобы встретиться с Виктором.

— Что ж это вы, братья-конспираторы... Занимаетесь таким делом,— Виктор кивнул на ящики с патронами,— а дозорных не выставили...

Ветви деревьев прогнулись и надламывались от обилия плодов, перезревшие яблоки глухо стукались о землю, похрустывали под ногами.

Заметив девушку, Виктор поднялся с копны слежавшегося сена.

Таня бросилась ему навстречу.

— Наконец-то!..— вырвалось у нее.— А я думала, что ты уже не вернешься... забыл про меня...

— Как видишь, объявился...

Таня пристально оглядела своего друга. За месяц разлуки он заметно повзрослел, вытянулся, черты его лица обострились, кожа обветрилась, посмуглела.

И все же Виктор совсем не был похож на человека, который чуть ли не месяц скитался по округе, пробираясь в город. Сейчас, в белой сорочке, при галстуке, в лучшем своем выходном костюме и модных строченых туфлях, он выглядел неуместно щеголеватым, даже пижонистым.

— Ты что это? — насторожилась Таня.— Будто на танцы собрался.

Виктор усмехнулся.

— Можешь меня поздравить. Устроился в парикмахерскую при офицерском клубе. С завтрашнего дня приступаю к работе. А там, знаешь, и манеры нужны, и вид, и обхождение.

Внутри у Тани все напряглось.

— Будешь обрабатывать офицерские рожи? — зло спросила она.— Стричь, брить, одеколончиком брызгать...

— Буду... Надо это! Раз послали, значит, надо.

— Погоди, погоди,— опешила Таня.— Кто послал? А как же партизанский отряд? Ты же за мной вернулся? Когда мы в лес тронемся?

Витя вздохнул и, помолчав немного, тихо признался:

— Нет, Таня, не за тобой я пришел. И вообще в отряд мы пока не пойдем. Мы нужны здесь, в городе.

Оглянувшись по сторонам, он взял девушку за руку и усадил рядом.

— Слушай меня. Я ведь матери не мог обо всем рассказать. Не положено. А тебе могу.— И он сообщил, что в городе осталось много комсомольцев, молодежи. Из них должна быть создана боевая подпольная группа. Это дело поручено Игорю Терехову, второму секретарю горкома комсомола, который уже тайно проживает в городе. Таково решение подпольного обкома партии и партизанского отряда... А он, Виктор, послан сюда из отряда на помощь Терехову.

— А как же мои ребята? — растерянно сказала Таня.— Их же спасать надо... от голода, от фашистов. Я обещала их в лес увести, к партизанам. Они даже оружие для них собирают.

— Знаю,— кивнул Виктор.— И это неплохо. Оружие всегда пригодится. А в партизанах им пока делать нечего. Да и не проберешься туда.

— Что ж мне теперь? Отказаться от ребят, бросить их на произвол судьбы?

Виктор покачал головой.

— Наоборот... Есть и для тебя самое неотложное задание. Ты же сама сказала: детей необходимо спасать... от голода, от фашистов.

— Но как? Каким образом? — вырвалось у Тани.

— Надо, конечно, подумать, пошевелить мозгами,— сказал Виктор.— Но главное сейчас — остаться в городе, быть поближе к ребятам, устроиться к немцам на работу, чтобы знать о каждом их шаге.

И тут Таня не утерпела и спросила Виктора, как же он сумеет работать парикмахером, если ничего не понимает в этом деле.

— Почему же не понимаю,— усмехнулся Виктор.— Натаскали меня в отряде. Две недели у мастера практиковался. И не только стрижке-брижке, еще коечему обучился.

В монастыре

Через неделю повязка с руки была снята, а еще через три дня Таня уговорила Елену Александровну выписать ее из больницы.

На прощание врач пожелала ей удачи, предупредила, чтобы она не перетруживала левую руку и, главное, вела бы себя в городе осторожно и осмотрительно.

— Я понимаю, с Виктором вы ни о чем не договорились,— вздохнула она.— Так попробуй хоть одна из города вырваться.

— А вы знаете, сколько в городе бездомных ребят? — спросила Таня.— Более пятидесяти человек. Живут в башнях, в подвалах, на чердаках...

— Откуда такие сведения?

— Разведка донесла... И все неухоженные, грязные, голодные... Разве вы после этого ушли бы куда-нибудь?

— Но чем ты можешь помочь им? — удивилась Елена Александровна.— Вашего детского дома в городе нет. Весь персонал выехал. Помещение занято немцами. Школа закрыта...

— Да, ничего пока нет,— вздохнула Таня, расставаясь с врачом.

В сумерки, сопровождаемая встретившим ее Шуркой Кропачевым, она направилась домой.

— На дорогу лучше не лезть,— предупредил Шурка.— Можно на патруль нарваться. Я теперь в монастырь своим маршрутом хожу.

Издали виднелась каменная монастыр-

ская стена. Широкая, хоть на тройке катайся, обомшелая от древности, с проросшими из трещин молодыми березками, с узкими окошечками-бойницами, с причудливыми башнями по углам, она уступами поднималась на пригорок и охватывала монастырь неправильным пятиугольником.

К монастырю подошли со стороны оврага, поднялись по крутому взгорку и через пролом в стене, около Шатровой башни, оказались внутри монастыря.

Вдоль стен теснились разномастные монастырские постройки, флигели, службы. Вот в этом двухэтажном мрачноватом здании с узкими окнами, примыкающем к Голубиной башне, помещался их детский дом. Над входом висела нарядная вывеска, на клумбе, сделанной в форме пятиконечной звезды, до поздней осени цвели белые астры, стояла скульптура Ильича, на высокой мачте развевался на ветру красный флаг.

Ничего этого сейчас не было. Клумба изрыта колесами грузовиков, мачта свалена, липы, затеняющие окна, срублены.

Но что это? Шурка попридержал Таню и вгляделся вперед. Во всех окнах горит свет, входные двери распахнуты, к зданию один за другим подъезжают рычащие грузовики, снуют немецкие солдаты в лягушиного цвета шинелях.

— Чего они забегали? — вслух подумал Шурка.— Неужели еще кто прибывает?...

По еле заметной тропинке, пробитой в зарослях бузины, он провел вожатую вдоль монастырской стены к кирпичному флигелю, в котором до эвакуации жили работники детдома.

Пройдя узким коридором, Таня открыла дверь в свою комнату и замерла: здесь вовсю хозяйничали Настя Веселкина и незнакомые ей девочки. Кто чистил картошку, кто подкладывал в печку дрова, кто чинил туфли. На веревке, протянутой через комнату, сохла девчачья одежда.

Увидев невысокую скуластую девушку, девочки растерянно приподнялись.

— Ой, наша Таня вернулась! — кинулась к ней Настя и объявила подругам: — Это Таня... Татьяна Ивановна! Я вам говорила про нее.

— Ну и правильно, что хозяйничаете,— поздоровавшись с девочками, сказала Таня.— Так и надо! Только почему дыму полно?

— Дрова сырые... осина,— вытирая слезы, буркнула лохматая девчонка, шуровавшая в печке железным прутом.

— А к дровяному складу не подойдешь...— заметила ее соседка.— Часовой там...

Таня спросила, что у девочек сегодня на ужин.

— То же, что и вчера... грибы да картошка — объеденье... пионеров идеал,— усмехнулась чернявая повариха, заглядывая в чугунок на плите.

— Я же велела моими запасами пользоваться... Возьмите в шкафу. Крупа там, макароны.

— А мы уж того...— переглянувшись с девочками, сконфуженно призналась Настя.— Прикончили их...

Таня покачала головой. Вот уж не думала, что все ее запасы израсходуются так быстро. Верно говорят, что голод не тетка.

— Тогда обождите... Сейчас что-нибудь раздобуду.— Таня поспешно вышла из комнаты и направилась к детдомовской кастелянше Ефросинье Тихоновне Ткачевой, которая жила в соседнем флигеле. Перед войной пожилую кастеляншу, всю жизнь проработавшую в детских домах и приютах, разбил паралич. За больной одинокой женщиной, как могла, ухаживала ее подруга, уборщица тетя Лиза. Месяца через три Ефросинья Тихоновна несколько поправилась — восстановился голос, окрепла рука, и только правая нога волочилась, как плеть. Эвакуироваться с детдомом кастелянша все же не могла. Вместе с ней осталась и тетя Лиза.

Сейчас, войдя в квартиру кастелянши, Таня и здесь увидела детей. Две худенькие девочки лет шести-семи, тихо переговариваясь, лежали под одним одеялом на диване; в углу, на матрасике, постанывая и тяжело дыша, спал мальчик; еще один мальчик и девочка сидели за столом и при тусклом свете семилинейной лампы что-то сшивали из цветных тряпочек.

— Тетя Фрося! Пришел кто-то,— слабым голосом позвала худенькая, словно просвечивающаяся насквозь девочка-швея.

Из соседней комнаты, тяжело опираясь на костыль, вышла грузная, с сединой в волосах, с отекшим мучнистым лицом Ефросинья Тихоновна.

Таня прижалась лицом к ее плечу.

— Выдюжила, доченька,— грустно сказала Ефросинья Тихоновна.— Вот ведь как война-то тебя сразу опалила...

— А вы как себя чувствуете? — осторожно спросила Таня.

— Ползаю мало-помалу. Лиза вот мне подпорки раздобыла... вроде опять человеком становлюсь.

Ефросинья Тихоновна спросила, куда Таня думает теперь податься. Конечно, лучше всего пробиться к своим, к выехавшим детдомовцам. Ее там, наверное, ждут не дождутся.

— Хорошо сказать — к своим,— усмехнулась Таня.— А куда, как? Да и надо ли пробиваться? Здесь ведь тоже дети...

— Дети, доченька, дети,— кивнула Ефросинья Тихоновна.— Мы вот с Лизой уже скольких приютили... Здесь у меня малы-

(Продолжение см. на стр. 28.)

Верховное Главнокомандование и Генеральный штаб Красной Армии разработку последних операций войны — в том числе и Берлинской — начали еще в середине 1944 года.

Тот год был годом великолепного успеха нашего оружия. Советские войска прошли с боями на запад от 550 до 1100 километров и очистили землю Родины от врага.

После долгих проволочек союзники по войне с гитлеровцами — Англия и США — открыли второй фронт. Летом их войска высадились в Европе и продвигались к Германии с юга и запада.

Война с фашистами приближалась к концу.

ВЗЯТИЕ

А. МИТЯЕВ

Планы врага и наши планы

Гитлер и немецкое командование видели, как неотвратимо надвигается возмездие, и всеми силами старались уйти от расплаты. На что же надеялись фашисты? Надеялись на то, что остановят советские войска у границ Германии, затянут войну и дождутся, когда по какой-нибудь причине осложнятся наши отношения с союзниками. Тогда бы Германия заключила мир только с Англией и США.

А могло случиться такое? Тогда не случилось. Но теперь-то все знают, что именно английские и американские капиталисты оказались лучшими друзьями капиталистов западногерманских.

Чтобы затянуть войну, Гитлер предполагал даже оставить север страны, увести армию в Южную Германию и там, в выгодных для обороны условиях, среди гор и лесов продолжать сопротивление. В последнее время газеты часто пишут о поисках сокровищ и нацистских документов, затопленных в австрийских озерах. Вывозом ценностей в «Альпийскую крепость» и началось осуществление этого плана Гитлера...

Военная мудрость состоит в том, чтобы не делать ничего такого, что совпадает с желаниями неприятеля. Гитлер хотел затянуть войну, следовательно, мы должны были как можно скорее закончить ее.

В конце 1944 года советские войска стояли на правом берегу польской реки Вислы. Отсюда до Берлина был самый короткий путь. На этом направлении наше Верховное Главнокомандование и решило нанести завершающий удар.

Немецкие генералы и Гитлер считали, что советские войска пойдут на Берлин не с востока, а с юга — через Венгрию и западную Чехословакию. Готовясь к этому, немцы сосредоточили на юге много своих армий, в том числе танковых.

Но почему немецкое командование ждало удара на Берлин с юга? Вот почему: на севере линия фронта в 1944 году подошла к границе Восточной Пруссии. А этот район немцы укрепили настолько сильно, что сравнивали его с французской линией «Мажино» и со своей «Зигфрид». Ставка Гитлера «Вольфшанце» — «Волчье логово» была как раз в Восточной Пруссии. Естественно, что в укрепленном районе сосредоточились и сильные войска противника. Так вот, когда клин советских армий устремился бы от Вислы на Берлин, из Восточной Пруссии немцы ударили бы по нему со страшной силой, разрубили бы его ударом с фланга...

Выходит, мы не чувствовали грозной опасности? Чувствовали, конечно. Только наши маршалы и генералы решили сильную сторону противника сделать его слабостью.

Прежде чем началось наше наступление на центральном направлении, другие советские войска прошли вдоль южной границы Восточной Пруссии и окружили ее полукольцом, края которого уперлись в Балтийское море. Уничтожение фашистов, окруженных в Восточной Пруссии, затянулось до конца войны, бои там были упорные, кровопролитные — не случайно учреждена медаль «За взятие Кенигсберга». Но самым важным было то, что немцы уже не могли ударить с севера во фланг наших войск, начавших наступление на главном направлении.

Всего 23 дня понадобилось советским войскам, чтобы пройти от реки Вислы до реки Одер — больше пятисот километров. Наше наступление было необыкновенно мощным, а удары сокрушительными.

Бывший гитлеровский генерал Меллентин писал об этом так: «Русское наступление развертывалось с невиданной силой и стремительностью. Невозможно

Советские «катюши» на Одере

БЕРЛИНА

РАССКАЗЫ О ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ

описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Европа не знала ничего подобного со времени гибели Римской империи».

Фашисты часто сравнивали свою Германию с великой Римской империей, они хвастались сходством государств-паразитов. Меллентин же вынужден был провести параллель совсем другую. Действительно, до краха фашистской Германии оставалось теперь совсем немного времени. И от Одера до Берлина было всего 60 километров.

Приготовления к сражению

Шестьдесят километров! Как это мало — полтора часа хода для танков, час для мотопехоты! Но эта короткая дорога оказалась очень и очень трудной. Когда она была пройдена, подсчитали, что на каждый погонный километр пути в Берлинской операции расходовалось 1 430 тонн горючего и 2 000 тонн боеприпасов. А в Висло-Одерской операции каждый километр потребовал 333 тонны горючего и боеприпасов 250 тонн.

Гитлер и его приближенные теперь уже поняли, что советское наступление на Берлин развернется не с юга, а с Одера.

По западному берегу этой реки и реки Нейсе фашисты возвели мощный оборонительный рубеж. Районы, прилегающие к Берлину, покрыли противотанковыми рвами, надолбами, завалами деревьев, проволочными заграждениями, минными полями. Все населенные пункты превратили в очаги сопротивления, каменные дома и подвалы — в долговременные огневые точки. Сам Берлин опоясали тремя оборонительными линиями, его улицы перегородили баррикадами, на перекрестках в землю врыли танки и бронеколпаки. Больше 400 железобетонных дотов обороняли улицы и площади.

Все население — от юнцов до стариков — было мобилизовано на защиту фашистской столицы. Из членов молодежной организации «Гитлерюгенд» формировались группы по борьбе с нашими танками. Они были вооружены фаустпатронами. Три миллиона фаустпатронов подготовили гитлеровцы для уличных боев.

Немецкому командованию удалось для обороны Берлина собрать около миллиона человек, больше 10 тысяч орудий и минометов, 1 500 танков, 3 300 боевых самолетов.

Наших войск было два с половиной миллиона, они имели более 42 тысяч орудий и минометов, свыше 6,2 тысячи танков и самоходных орудий, больше 8 тысяч боевых самолетов.

Никогда за годы войны наша армия не была такой сильной, как в те дни. Никогда еще мы не создавали такого плотного, такого густого сосредоточения танков и артиллерии. Что же говорить о боевом духе солдат и командиров! Они ждали этого счастливого времени три долгих военных зимы и четыре долгих военных лета. Сколько родных и друзей потеряли, сколько перенесли лишений! Бросок на Берлин, с которым кончалась война, был для каждого самым страстным желанием, исполнением сокровенной мечты.

В начале апреля Ставка Верховного Главнокомандования рассмотрела и утвердила окончательный план операции. Ее начало было намечено на шестнадцатое число.

Разговор у карты

Чтобы разобраться в плане операции и в том, как она проходила, давай рассмотрим карту на 18-й странице.

Севернее других расположились войска 2-го Белорусского фронта. Командовал ими Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. Непосредственно на Берлин войска этого фронта не наступали: видишь три стремительные стрелы, уходящие в глубину Германии? Обрати внимание, они чуть повернуты

БЕРЛИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1945 г.

15 0 15 30 45 км

Населенные пункты
Железные дороги

Линия фронта к 16.4.45 г.

Удары советских войск с 16.4 по 19.4.45 г.

и линия фронта к 19.4

Удары советских войск с 20.4 по 25.4.45 г.

и линия фронта к 25.4

Удары советских войск с 26.4 по 8.5.45 г.

и линия фронта к 8.5

Контрудары немецко-фашистских войск

2 БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ

1 БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ

1 УКРАИНСКИЙ ФРОНТ

ГРУППА АРМИЙ „ВИСЛА“ (3 ТА и 9 А)

ГРУППА АРМИЙ „ЦЕНТР“ (4 ТА и 17 А)

3 ТА

9 А

12 А

4 ТА

17 А

9 А и части 4 ТА

Котел 13 А

АМЕРИК. ЧАСТИ 3.5

АМЕРИК. ЧАСТИ

Каров, Нейбранденбург, Пазевальк, Щецин (Штеттин), оз. Мюриц, Нейстрелиц, Пренцлау 27.4, Грюнц, Штарзов, Вартин, Прицвальк, Зуков, Пириц, 3.5 Виттенберге, Гранзе, Ангермюнде, Фербеллин, кан. Гогенцоллерн, Ланге, Биркенвердер, Клиц, Стендаль, Ратенов 27.4, Претцель, Наузн, Кетцин 25.4, БЕРЛИН, Зелов, Гольцов (Кюстрин) 12.3, Костшинь, Потсдам 27.4, Лебус, Бранденбург 1.5, Бонсдорф, Тельтов, Шпре, Франкфурт, Бург, Цизар, Гольцов, Белиц, Цоссен 23.4, Меккерн 3.5, Брюк, Вендиш-Бухгольц 30.4, Тейпиц, Трейенбритцен, Луккенвальде, Ютербог, Любен, Губен, Гросс-Гастрозе, 27.4 Виттенберг, Дессау, Калау, Котбус 23.4, Форст, Шлибен, Финстервальде, Штремберг 20.4, Мускау, Торгау 25.4, Руланд, Лоза, Ротенбург, Риза, Диза, Мейсен 8.5, Бауцен, Дреза, Дрезден, Эльба, Хафель, Одер, Варта, Вест-Одер, Ост-Одер, Одра (Одер)

в Гамбург, в Ганновер, в Магдебург, в Лейпциг, в Прагу, в Гдыню, в Гданьск, в Познань, в Вроцлав, в Бреслау

Рисунки А. БОРИСОВА.

острыми на север. Что это значит? Немецкое командование не оставляло мысли о фланговом ударе по нашим войскам, наступавшим на Берлин, по войскам 1-го Белорусского фронта, которым командовал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. То, что немецким генералам не удалось сделать из Восточной Пруссии, они намеревались осуществить теперь из Померании. Но снова наши военачальники разгадали замысел неприятеля и применили старый прием: 2-й Белорусский фронт оттеснит своими ударами неприятеля к морю и надежно прикроет соседа, идущего на Берлин.

Стрела против надписи «1-й Белорусский фронт» замысловатая. Против надписи «1-й Украинский фронт» тоже замысловатая. Не стрелы, а оленьи рога! Это потому, что много задач у фронтов.

Во-первых, надо обойти Берлин с севера и с юга и окружить его, чтобы с запада немцы не могли помочь городу.

Во-вторых, надо рассечь всю группировку вражеских войск, разъединить ее на две части: по частям противника бить легче.

В-третьих, надо нашим войскам выйти на рубеж реки Эльбы, встретиться там с союзными войсками. Американцы уже движутся к заранее условленному рубежу, и противник не оказывает им сопротивления, с охотой сдается в плен. Особенно важно войскам 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза И. С. Конева поспешить к городу Торгау (найди его на карте). Соединившись там с американцами, мы отгородим от Берлинского котла фашистские армии, которые находятся на юге Германии.

По карте можно многое узнать. Около некоторых населенных пунктов стоят черные цифры. Например, у Котбуса стоит «23.4». Это значит, что Котбус был взят нами 23 апреля. Зеленый цвет обозначает наши действия. Желтый — все, что относится к неприятелю. «4ТА» — 4-я танковая армия немцев... Есть на карте (на юге и на западе) две жирные желтые стрелы с загнутыми остриями: это попытка немецких войск помочь своим войскам, окруженным у Берлина. Но кончики стрел загнуты — значит, эти войска были отброшены нами и из их попытки прорвать кольцо ничего не вышло.

Карта рассказывает о многом, но не обо всем. Мы дополним карту рассказом.

Наши трудности

Войска 1-го Белорусского фронта тщательно готовились к предстоящим боям. Однако сделать все необходимое было сложнее, чем когда-либо. Возьмем разведку боевых порядков и укреплений врага... Берлин занимал площадь в 900 квадратных километров — лабиринты улиц, каналов, дорог. В них и берлинцу-то легко заблудиться! Шесть раз наши самолеты фотографировали город и его окрестности, наземная разведка захватывала «языков», добывала документы, карты врага. Работа была кропотливая, но к началу наступления каждый командир роты имел в своем планшете карту района боевых действий. Больше того, был сделан точный макет Берлина. 7 апреля военачальники провели на макете игру — прорепетировали действия войск, чтобы потом, когда каждое окно ощетинится пулеметом, когда будут рушиться стены домов, когда в дыму и кирпичной пыли не будет видно ближней улицы, вести полки и батальоны в нужном направлении и точно выполнить поставленную задачу.

А как скрыть от неприятеля сосредоточение и численность наших войск! Маршал Жуков в своих воспоминаниях рассказывает: «Через всю Польшу двигалось множество эшелонов с артиллерийскими, минометными, танковыми частями. На вид это были совсем невоенные эшелоны: на платформах перевозили лес, сено... Но как только эшелон прибывал на станцию разгрузки, маскировка быстро убиралась, с платформы сходили танки, орудия, тягачи и тут же отправлялись в укрытия...

Днем на плацдарме обычно было пустынно, а ночью он оживал. Тысячи людей с лопатами, кирками бесшумно рыли землю. Работа усложнялась близостью подпочвенных вод и начавшейся распутицей. Свыше миллиона восьмисот тысяч кубометров земли было выброшено в эти ночи. А наутро никаких следов этой колоссальной работы нельзя было заметить. Все тщательно маскировалось».

Ты уже знаешь, какое огромное количество войск готовилось к наступлению. Только в первый день операции намечалось выпустить по врагу 1 147 659 снарядов и мин, 49 940 реактивных снарядов. Чтобы подвезти это, требовалось 2 382 вагона.

Снабжение наших войск было хорошо налажено. Грузы из Советского Союза через Польшу доставлялись по железным дорогам. Но пришла беда. Началось бурное таяние снега. Вскрылась Висла. Ледоходом снесло мосты в полосе 1-го Украинского фронта. На мосты 1-го Белорусского фронта двигался теперь уже не только лед, но и груды бревен. Большего несчастья, чем потерять накануне наступления железнодорожные переправы, нельзя представить.

Еще не стреляли наши пушки по Берлину, а уже были первые герои Берлинской операции. Ими стали бойцы 20-го мостового батальона, получившие все до одного ордена и медали за спасение Варшавского железнодорожного моста. На дальних подступах к нему саперы фугасками взрывали льдины, лед бомбили и летчики. Сам мост, как вспоминает генерал Н. А. Антипенко, заместитель командующего фронтом по тылу, «...был привязан к обоим берегам тросами по 4—5 «ниток» в каждую сторону. Поверх моста поставили около ста платформ, груженных булыжником, чтобы повысить устойчивость опор. В критический момент лед так надвинулся на этот мост, что образовался прогиб в центре его. Поезд, стоявший на мосту, растянулся и, казалось, вот-вот разорвется...

Бесстрашные люди карабкались по льдинам у самого моста, проталкивая их шестами в пролетные проходы. Иногда глыбы льда, громоздясь, достигали высоты мостового настила, и не каждый мог удержаться на этой подвижной, грохочущей ледяной массе — некоторые срывались в воду. Но, хватаясь за брошенные им веревки, они без промедления взбирались на льдины и снова вступали в борьбу». Трое суток продолжалась схватка с рекой, и мосты, восстановленные после отступления немцев на временных опорах, удалось отстоять.

Медаль «За взятие Берлина».

За два дня до наступления

О снабжении фронта теперь беспокоиться нечего, и мы с тобой вернемся к карте Берлинской операции. Посмотри линию фронта к началу наступления, к 16.4.

2-му Белорусскому фронту нужно форсировать Одер, точнее Одер Восточный и Одер Западный — в полосе фронта река течет по двум руслам. Можно наверняка предположить, что это будет нелегким делом.

1-му Украинскому фронту тоже надо форсировать реку — Нейсе, которая впадает в Одер.

Только войска 1-го Белорусского фронта будут наступать с западного берега, с плацдарма у города Кюстрин (теперь это польский город Костшинь). Плацдарм был захвачен еще в Висло-Одерскую операцию. Тогда нашим войскам удалось с ходу форсировать реку и закрепиться на ее западном берегу. Немцы несчетное число раз пытались выбить наших с этого клочка земли, но не смогли. Ярко-зеленая короткая стрела говорит нам, что фронт свой первый основной удар нанесет именно с плацдарма.

Рядом с этой стрелой надпись «9А» — 9-я немецкая армия, усиленная танками и артиллерией. Плененный гитлеровский генштабист генерал Йодль потом скажет: «Для генерального штаба было понятно, что битва за Берлин будет решаться на Одере, поэтому основная масса войск 9-й армии, оборонявшей Берлин, была выведена на передний край».

Противник знал, откуда мы будем наносить главный удар, определить это было нетрудно: плацдарм-то один. На этом направлении он создал множество прочнейших укреплений. Вот ведь какое положение создалось — нашим войскам надо ломиться напролом. Никакой хитрости, чтобы уменьшить потери и облегчить солдатский труд, в такой ситуации не придумаешь... Но маршал Жуков все же придумал!

За два дня до настоящего наступления советская артиллерия на всем протяжении фронта вдруг открыла мощный огонь. В артподготовке участвовали орудия даже крупных калибров. Как и полагается, за артподготовкой последовала атака пехоты—тридцати двух специальных отрядов. В нескольких местах им удалось выбить немцев из траншей и закрепиться там.

Но не в этом была суть маневра. Немецким генералам наша сильная разведка боем показалась началом наступления. Они ввели в действие всю артиллерию и этим выдали расположение своих батарей. Больше того, они передвинули к переднему краю из тыла свои резервы — подставили их под наш предстоящий артиллерийский и бомбовый удар.

Еще была одна придумка. Артподготовка всегда начиналась на рассвете, а кончалась, когда становилось светло, чтобы пехота и танки видели местность. И в этот раз немцы наше наступление, естественно, ждали утром. Но командующий решил начать атаку затемно, а неприятельские позиции осветить прожекторами. На возвышенности перед участком прорыва незаметно установили 143 мощных прожектора — через каждые двести метров...

По сигналу «Родина»!

Очевидцы рассказывают, что за всю войну они не видели более грозной и впечатляющей картины, чем начало нашего наступления на 1-м Белорусском фронте. В пять часов утра 16 апреля радист с командного пункта передал в эфир сигнал артиллеристам: «Родина»!

Тысячи орудий и минометов тут же открыли огонь. Дали первый залп «катюши». Над нашими позициями небо заполыхало багровым светом, будто прежде времени взошло грозовое солнце. Немецкие позиции потонули в пороховом дыму, тучах пыли и земли. По дальним целям, которые не доставала артиллерия, нанесли удар сотни бомбардировщиков. Тридцать минут град снарядов, бомб, мин сыпался на укрепления фашистов. За эти полчаса со стороны неприятеля не раздалось ни одного ответного выстрела. Враг был в растерянности, замешательстве — наступил наилучший момент для начала атаки.

В 5.30 вспыхнули прожекторы. Их лучи вырвали из темноты позиции неприятеля, ослепили его. Наша артиллерия перенесла огонь в глубину немецкой обороны. Пехота, самоходные пушки, танки ринулись на прорыв. Когда наступил рассвет, советские войска уже прошли первую позицию и начали штурм второй.

К сожалению, уцелела оборона противника на Зееловских высотах (найди на карте город Зеелов). Страшный, упорный бой завязался там. Нам пришлось ввести в бой дополнительно две танковые армии. Только после этого, 19 апреля, враг начал отходить к Берлину. Правда, за эти трое суток немецкое командование несколько раз перебрасывало на высоты резервы из Берлина. И они были уничтожены нашими войсками, а сделать это было проще в полевом сражении, чем в уличных боях.

Как только танковые армии вышли из лабиринта минных полей, дотов и бронеколпаков, дело наладилось, все пошло своим чередом. 20 апреля войска 1-го Белорусского фронта уже обходили Берлин с севера, тогда же наша артиллерия нанесла первый огневой налет по рейхстагу. А 21-го советские солдаты ворвались на северную окраину фашистской столицы.

Что происходило в те дни у соседей? Войска 2-го Белорусского фронта вели напряженные бои на узком и длинном острове между Восточным и Западным Одером. Подавив здесь сопротивление врага, они вскоре форсировали и Западный Одер (Вест-Одер) и стали продвигаться на запад и северо-запад. Ты помнишь, в их задачу входило прикрыть 1-й Белорусский фронт от удара во фланг? Они свою задачу выполнили, сковав 3-ю танковую армию немцев.

Войска 1-го Украинского фронта начали артподготовку тоже 16 апреля, но позже 1-го Белорусского, в 6.15. Чтобы скрыть направления главных ударов, с помощью артиллерии и самолетов на всем протяжении фронта была поставлена дымовая завеса. Под ее прикрытием войска успешно переправились через реку Нейсе, прорвали оборонительный рубеж на ее западном берегу, а затем с ходу форсировали и реку Шпрее...

24 апреля войска двух фронтов соединились юго-восточнее Берлина, окружив 200 тысяч фашистов в лесах у Вендиш-Буххольца. Через день замкнулось кольцо на западе от Берлина, в нем оказалось еще 200 тысяч неприятеля.

25-го же часть войск 1-го Украинского фронта достигла города Торгау на Эльбе и встретилась там с американскими войсками.

До конца войны осталось две недели.

Бои на улицах города

Если бы война кончилась двумя неделями раньше, сколько людей осталось бы жить! Каких бы страданий избежали берлинцы, каких разрушений избежал бы сам город! Но Гитлер, другие руководители фашистской партии и немецкое командование не пошли на прекращение военных действий даже в момент очевидного краха. Они все еще надеялись заключить мир с англичанами и американцами, при условии продолжения войны против СССР. На худой конец — сдать город не советским войскам, а союзникам.

Мы с тобой полистаем сейчас записки Гергарда Больдта, молодого офицера, который в последние дни войны находился не просто в Берлине, а в убежище Гитлера под имперской канцелярией:

«25 апреля... ровно в 5 часов 30 минут утра начался такой обстрел, какого центральная часть города еще не видывала, и только через час он перешел в обычный беспокоящий огонь. После получения утренних сообщений нам было приказано явиться для доклада (к Гитлеру). Прежде, чем Кребс (начальник генштаба) успел начать, выступил Лоренц (советник) и попросил слова.

Утром ему удалось принять сообщение нейтральной радиостанции, которое гласило: при встрече американских и русских войск в Центральной Германии между командующими обеих сторон возникли небольшие разногласия относительно того, кому какие районы занимать. Русские упрекали американцев, что в этой области те не выполнили условий Ялтинского соглашения...

Гитлер загорелся, как от электрической искры, глаза его заблестели снова, он откинулся на спинку стула.

«Господа, это новое блестящее доказательство разлада у наших врагов. Разве германский народ и история не сочли бы меня преступником, если бы я сегодня заключил мир, а завтра наши враги могли бы поссориться? Разве не каждый день и не каждый час может вспыхнуть война между большевиками и англосаксами за дележ Германии?»

Вновь и вновь Гитлер подтверждал свой приказ: сражаться до последнего патрона и солдата. Тех, кто прекращал сопротивление, вешали или расстреливали эсэсовцы. Когда Гитлер узнал, что советские бойцы заходят в тыл к немцам через тоннели метро, он приказал пустить в метро воду из Шпрее, хотя там лежали тысячи раненых немецких солдат.

А в это время советские воины в яростных схватках отбивали у врага одну позицию за другой. Член Военного совета 1-го Белорусского фронта генерал К. Ф. Телегин рассказывает, как нелегко приходилось нам и какими героями были участники штурма города:

«Бой в Берлине распался на тысячи мелких очагов: за каждый дом, улицу, квартал, станцию метро. Бой шел на земле, под землей и в воздухе. Герои штурма продвигались упорно, методически, со всех сторон — к центру города...

Здание министерства внутренних дел — «дом Гиммлера» защищают самые отборные части СС. Весь он опоясан кольцом баррикад, окружен «тиграми», «фердинандами», «пантерами», все окна ощетинились дулами автоматов и пулеметов.

Изучив обстановку в районе «дома Гиммлера», приказываем 150-й и 175-й дивизиям начать с 7 часов 29 апреля очищать это здание от эсэсовцев. Враг дрался упорно, стараясь не допустить советских воинов к дому. Пришлось выкатить пушки и бить прямой наводкой. Через пробитые артиллерией бреши в обороне врага в ночь с 29 на 30 апреля штурмовые группы ворвались в дом. Бой закипел на лестничных маршах, в коридорах, в забаррикадированных комнатах, подвалах.

Гитлеровцы сознательно оставляли отдельные комнаты, где наши воины попадали под огонь автоматов и гранат: проделанные в стенах и потолке отверстия были замаскированы картинами, плакатами или заклеены бумагой.

Одна из штурмовых групп в пылу боя попала в такую ловушку. Уже погиб костромич Павел Молчанов, замертво упал Ромазан Ситдиков, тяжело ранен командир группы Аркадий Рогачев. Малейшее движение прижатых к стене воинов грозило им смертью.

И в эти критические минуты вдруг на верхних этажах раздаются взрывы гранат и громкое «ура». Воспользовавшись замешательством врага, оставшаяся в живых горстка храбрецов бросается на второй этаж. Десятка полтора гитлеровцев сдаются без сопротивления. Потом советские воины врываются на третий этаж, и снова никакого сопротивления. В лужах крови валяются убитые и раненые, а часть живых, побросав оружие, с ужасом смотрит на потолок, в зияющее отверстие.

Все объяснилось просто. Солдат Матвей Чугунов, видя, что штурмовая группа попала в безвыходное положение и промедление грозит ей полным уничтожением, пробрался вдоль стены к окну и под огнем врага по водосточной трубе взобрался на чердак. Обнаружив пролом в потолке комнаты, наполненной фашистами, он, не раздумывая, бросил туда две гранаты».

В рассказе генерала Телегина тебя, возможно, поразило, что штурм одного дома поручался двум дивизиям. Да, огромные здания, стены которых не брали снаряды обычных пушек, были как крепости. И гарнизоны защищали их немалые. 30 апреля в 14 часов 25 минут сержанты М. А. Егоров и М. В. Кантария подняли знамя Победы над рейхстагом. Когда комнаты, коридоры и подвалы этого здания очистили от врага, только пленных фашистов набралось больше двух с половиной тысяч.

Последним очагом сопротивления в Берлине была имперская канцелярия. Под этим зданием находилось железобетонное убежище Гитлера. К моменту штурма Гитлера уже не было в живых, он отравился, страшась людского гнева. Имперскую канцелярию штурмовали тоже две дивизии. Вечером 1 мая она была взята.

Берлин пал 2 мая 1945 года. Во второй половине дня остатки его гарнизона начали сдавать оружие.

Дата «2.5» стоит на нашей карте среди условных обозначений городских кварталов Берлина.

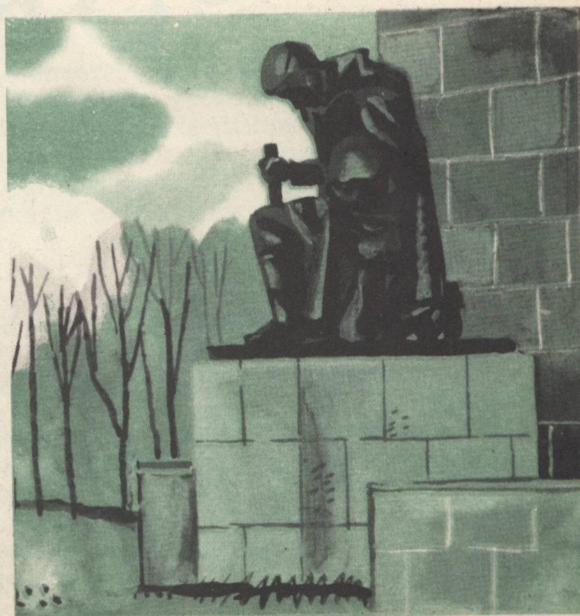
Неприятельский овал перечеркнут крестом. Крестом перечеркнуто и кольцо у Вендиш-Бухххольца. Там дата капитуляции врага «30.4».

Вспомни-ка дни, когда фашисты были окружены: 24 и 25 апреля. Подсчитай, сколько времени понадобилось, чтобы разгромить обе группировки? Неделя. Это ли не доблестный срок! А вся Берлинская операция уложилась в 22 дня. В ходе операции наши войска разгромили 70 пехотных, 12 танковых и 11 моторизованных дивизий, взяли около полумиллиона пленных.

Для нас в минувшей войне не было легких побед. Враг был сильный, жестокий — фашисты. В Берлинской битве три наших фронта потеряли убитыми и ранеными более трехсот тысяч воинов...

❇

Великая Отечественная война окончилась в 0 часов 43 минуты 9 мая 1945 года — в это время представители германского верховного главнокомандования подписали в Берлине акт о безоговорочной капитуляции.

НАША С ВОЛЬКОЙ БОРЬБА

А. КРЕСТИНСКИЙ

РАССКАЗ

Рисунки В. ПЕРЦОВА.

Однажды — в четвертом классе это было, не помню уже, при каких обстоятельствах, — я вдруг полюбил бороться.

А у меня был друг, Ким Ольшанский, очень сильный человек. И вот, как только я полюбил бороться, дружба с Кимом потеряла для меня всякий интерес. Когда я смотрел на Кима, я сразу представлял себя на обеих лопатках. Бороться с Кимом не имело никакого смысла.

А раньше я с ним дружил, я подчинялся ему во всем, я вырезал вместе с ним картинки из книг и журналов, наклеивал их в тетради. Чистых тетрадей нам всегда не хватало, и мы заполняли картинками свои рабочие тетради по русскому и арифметике.

Но все это было раньше, до того, как я полюбил бороться. Как только я полюбил бороться, я понял, что с Кимом мне больше не дружить.

Был у меня еще один друг. Звали его Ратмир. А фамилия Лях. Мы с ним сидели на одной парте, пока нас не рассадили за вечный смех. Мы смеялись. Вечно.

А у этого Ратмира Ляха был знаменитый отец. В молодости он бежал из царской тюрьмы, и, когда его снова арестовали, жандармский офицер ударил его на допросе. С тех пор Ратмиров отец перестал слышать левым ухом. Когда он приходил на пионерский сбор беседовать с нами про те времена, он всегда садился боком.

Ратмир был очень хороший друг. Я любил сидеть за столом рядом с его знаменитым отцом, поедать разные восточные сладости и пить из большой пиалы крепкий, подернутый дымкой чай. Мы с Ратмиром славно проводили время. Разглядывали жуткие медицинские книги его матери, играли в карты, фантики... Но все это до тех пор, пока я не полюбил бороться. Как только я полюбил бороться, мне стало неинтересно дружить с Ратмиром — он был маленький, как первоклассник. Я борол его одной левой и притом опасался, как бы не переломать ему косточки.

И, наконец, у меня был еще один друг — Волька, Воля, Всеволод. Каждый раз, когда мы с ним встречались, мы боролись. Оба нескладные, неловкие, мы пыхтели, шумно ворочались, вокруг падала мебель, если борьба происходила в комнате. И никто никого не побеждал. Силы у нас были равные.

Когда Воля приходил ко мне, мы боролись. Когда я приходил к нему, мы боролись. Мы боролись на диване, на стульях, под столом, в коридоре, в ванной, между входными дверьми. Мы боролись в Александровском саду на траве, пока сторож не высвистывал нас оттуда. Мы боролись на асфальте, на снегу, в песке. Мы боролись в трамвае, но там нам сильно мешали. Мы боролись в вестибюле музея Эрмитаж, куда нас приводила историчка Ксения Владимировна, чтобы показать, как было до нашей эры. Мы боролись за партой, пока нас не рассадили. Меня к Ратмиру, а его — к одной девочке. Кажется, ее звали Наташа, но сейчас это не имеет значения.

Другие играли в футбол, в шахматы, в лапту. А мы боролись, и нам этого вполне хватало. В короткие промежутки между борьбой мы разговаривали про знаменитых борцов, высмеивали неуклюжие приемчики друг друга, хвастались будущими победами. А еще в промежутках мы ели, чтобы набраться сил для следующей борьбы.

Во время борьбы мы многое переломали. Особенно часто ломались статуэтки. Они были на тонких подставках и падали почти что сами.

Домашние не любили нашей с Волькой борьбы и, чуть что, растаскивали нас в стороны, как будто мы дрались.

Так мы дружили и боролись, не в пример другим, без всяких ссор, никто никого не побарывал — вечная ничья. Каждый день мы вставали с мыслью: «Сегодня». Каждый вечер ложились с надеждой: «Завтра!» Это была прекрасная дружба. До сих пор мне радостно вспоминать о ней. Я так и вижу: ковер в Волькиной комнате, на ковре мы катаемся, а еще я вижу Волькин глаз, тот, который так непохож на другой, я уж теперь не помню — правый или левый, да это и неважно. Важно другое: он выделялся своим зеленым оттенком, в то время как другой глаз был просто карим. Когда во время борьбы мне случалось заглянуть в этот зеленый Волькин глаз, он казался странно равнодушным. Весь Волька боролся, кроме этого глаза...

Мы не отступали, не хитрили, не изворачивались. Мы боролись без обмана, а когда изнемогали и один из нас хрипел: «Мир!» — другой тотчас разжимал руки.

Так мы дружили и боролись, пока не началась война. А как только она началась — вы понимаете, — все стало иным. Вся жизнь.

Вольку эвакуировали куда-то в Сибирь. Я остался в Ленинграде. Потом блокада, голод...

В конце войны Волька вернулся. Я встретил его около школы. Оба мы опешили. Да и было от чего. Мы так изменились! На три с лишним года изменились!

Знаете, кто стоял передо мной? Передо мной стоял гигант, красавец, атлет с мягкой челочкой наискосок, в гимнастерке под тугим желтым ремнем. Ворот гимнастерки распахнут, а там — треугольничек застиранной тельняшки. Тонкая талия поскрипывает, а ногам, наверно, так хорошо, так просторно в настоящих матросских клешах!

А знаете, кто стоял перед ним? Дистрофик, жердяй, чучело!

И на нем тоже гимнастерка — братнина, но видели бы вы, как болталась она на его плечах! А ноги... Ноги его обтягивала знаменитая американская помощь с «молнией» на ширинке. Американская помощь, слишком узкая и чересчур короткая, так что икры видны. Зато «молния»... Ах, эта «молния»!.. «Молния» осталась цела, когда помощь истлела. «Молния» осталась цела, когда в клочья сносилась вельветка, на которую перешили эту «молнию» со штанов. Я не удивлюсь, если где-нибудь среди старья по-прежнему лежит эта «молния» и ждет, когда ее снова пришьют.

Маленькое отступление: американская помощь — это ношеная, но еще достаточно крепкая одежда, которую во время войны присылали нам из Штатов. Лучше бы они

там поторопились со вторым фронтом, но раз уж так получилось, одежда тоже пошла нам впрок. Попадались иногда прекрасные экземпляры. Один мальчик из нашей школы получил кожаную куртку на байковой подкладке. Подкладка была на пуговицах. Этот мальчик со своим братом носили по очереди: один — куртку, другой — подкладку.

...Волька, Воля, Всеволод.

Всеволод стоит передо мной и тонко улыбается, глядя на мои штаны. А я все смотрю на него, смотрю и не могу поверить — как это человек так изменился!.. Он задает мне вопросы, я отвечаю. «Ким здесь?» «Да!» «Наташа?» «Приехала». «Ратмир?» «Нет...» Но думаю я в это время о другом. Я думаю: «Если мы станем бороться, он тут же бросит меня на обе лопатки, и ему станет скучно со мной. Да и бросать не надо. Достаточно поглядеть на меня и мысленно бросить...»

Я спрашиваю его: «Вовку помнишь?» А сам думаю: «Помнишь хоть, как боролись-то?...» Он говорит: «Вовку? Которого? Семенова или Кузьмина?» Верно, и такой и такой были. Помнит. Значит, и про борьбу помнит. Думает, конечно: «Плюнь — упадет...»

Я говорю: «Пока...» Он тоже говорит: «Пока...» Я понимаю: если сейчас мы разойдемся — все. Мы и так уже почти чужие. Три с лишним года прошло. К тому же он такой высокий и смотрит сверху вниз...

Я пересилил себя, бросил думать про одежду и прочее и говорю:

— Волька!

Он встрепенулся.

Я встал в позу борца. Правая нога вперед, левая назад и чуть в сторону. Руки настороже. Покачиваюсь. Выбираю момент...

— А-ха-ха-ха! — кричит Волька.— Алегоп!..

...Я повис в воздухе. Я вижу небо, кроны деревьев, косую школьную стену и Волькину хохочущую рожу над собой. Вы подумайте, он держит меня на руках! Он хохочет. Он подбрасывает меня в воздух! И хохочет! Он ловит меня! И снова хохочет!

— Волька, иди к черту!

Хохочет. А тот глаз — зеленый — не хохочет. Тот глаз печальный.

— Волька, отпусти!

Он ставит меня на землю. Протягивает руку. Рот до ушей. Какой же я дурак был! Вот что он мне говорит:

— Ты с кем сидишь?

— С парнем с одним...

— Скажи, чтоб искал себе другое место.

— Он не послушается.

— Я его поборю,— говорит Волька,— пошли.

У могилы партизана

Много раз еще будет
И зима и весна.
Но никто не разбудит
Тебя ото сна.

Не касаются годы
Гранита могил.
Ты за нашу свободу
Сполна заплатил.

И пускай не воскреснешь,
Не поднимешься ты.
Не забудутся песни.
Не увянут цветы.

Много раз еще будет
И зима и весна.
Но никто не разбудит
Тебя ото сна...

Гедиминас АЛЕКНА,
Вильнюс,
школа имени Чюрлениса.

В лагере

Тру-ту-ту! — горн трубит:
Голову не прячь в подушку.
Все встают, никто не спит.
На опушку! На опушку!

Солнце встало. Солнце льет
Свет на клумбу и на грядку.
Тру-ту-ту! — горн зовет:
На зарядку! На зарядку!

Валентина ПЕКАЙТЕ,
Варняйская ср. школа,
Тельшайского района.

Пограничники

Дальнозорки, словно птицы,
Осторожны и смелы,
Стерегут наши границы
Пограничники-орлы.

День и ночь они в дозоре,
Берегут брега морей:
И на Беринговом море
И на Балтике моей.

Тихо спят в кроватях дети
В Риге, в Минске и в Баку.
Пограничники в секрете
Днем и ночью начеку.

В синеве над городами
Мирно голуби парят.
Небо мирное над нами,
Пограничники не спят.

Данутe НАМАЮШКАЙТЕ,
Даугайляйская восьмилетняя школа,
Утенского района

Балтика

Как у нас красиво!
Сосны высоки.
У синего залива
Желтые пески.

Волны-самокатчики
На берег бегут.
Солнечные зайчики
Скачут там и тут.

Нам под ноги брошена
Россыпь янтарей.
Сказочные броши
Собирай скорей!

Медленно смеркается.
Быстро холодает.
С моря надвигается
Туча голубая...

Бите СТЕПОНАВИЧЮТЕ,
5-я средняя школа,
г. Шяуляй.

Рисунок С. ТРОФИМОВА.

надо посоветоваться

Здравствуйте, дорогая редакция!

Напишите, пожалуйста, как можно воспитать свою волю.
Вот я плохо учусь. Но это вовсе не потому, что я глупый, невменяемый и т. д. Просто я не могу себя заставить слушать внимательно на уроке, делать все уроки до конца. Как это можно исправить?
Ответьте, пожалуйста.

Алеша Коленков, г. Москва.

надо посоветоваться

ХА-ХА-ХА

АЛЕШЕ отвечает летчик-космонавт Алексей Архипович ЛЕОНОВ

Мне, Алеша, твое письмо очень понравилось. Это, по-моему, смелое и честное письмо. Письмо человека, который не боится спрашивать вслух о том, что его волнует. Не думает, что вдруг кто-нибудь над ним посмеется или примется его дразнить.

Но ответить на твой вопрос не так-то легко. Хорошо было бы, если бы можно было указать тебе способ простой и ясный. Делай, мол, так да эдак и однажды утром проснешься человеком волевым и сильным.

Но я не знаю такого способа. Я думаю, что такого способа вообще нет в природе.

Беда в том, что воспитание воли — дело не только долгое, но, что всего хуже, скучное. Ничего яркого, увлекательного в нем нет. Кроме одного — кроме результата.

Воспитывать волю — это значит всегда делать не то, что сейчас хочется, а то, что сейчас нужно. И, как правило, делать вещи самые простые, всякие мелочи, которыми даже и не похвалишься. Не гвозди глотать или там горящие угли, даже не с парашютом прыгать, а вовремя вставать по утрам, не тянуть с уроками, до конца выполнять школьные задания. И все это каждый день, не давая себе поблажки. Пустяковое дело — утренняя зарядка. А сколько поводов можно найти, чтобы от нее отвертеться. Сегодня сделал, завтра сделал, а на третий день вспомнил: с вечера вроде коленка болела, придется зарядку пропустить. А назавтра новая беда — проспал. В школу опаздываешь, тут уж не до зарядки. А на послезавтра пришлось воскресенье — надо же человеку хоть раз в жизни отдохнуть! Вот и пришел конец твоим добрым намерениям. А в воспитании воли система — это самое важное. Без системы тут пропадешь.

У меня, когда я был мальчишкой, было такое правило: вставать в шесть утра. Учились мы в первую смену, и времени оставалось до школы чуть больше часу. Как раз хватало на устные задания. До чего не хотелось по утрам — в темень, в холод — вылезать из кровати, это я, поверишь ли, по сей день помню! А когда прочитал твое письмо, стал вспоминать, что же меня выручало, заставляло выдерживать систему? И понял: у меня дело было серьезное. Я занялся спортом. По метанию копья до сих пор держу юношеский рекорд по нашей области, Калининградской. Чтобы копье метать, нужна сила, силу развивает штанга (и я штангой занимался), нужна выносливость — тут помогает велосипед. А для велосипеда нужно много свободного времени — каждый день я гонял по двадцать пять километров. А все вместе — копье, штанга, велосипед — требовалось для того, чтобы поступить в летную школу. Все мальчишки знали, какие там зверские врачебные проверки: чуть что не так, нипочем не примут.

Наверное, все это и было воспитанием воли. Хотя о воле я тогда как-то не думал. Я думал о летной школе.

Ты пишешь, что хотел бы стать человеком сильной воли. И, конечно, ты стремишься быть образованным человеком. Это прекрасные, но очень далекие цели. Они неясно маячат где-то впереди, в незнакомой взрослой жизни, и ради них трудно встать пораньше сегодня и сегодня решать примеры по арифметике. Хорошо было бы свою мечту представить пояснее, а цель придвинуть поближе. Для начала поставить себе такую, чтобы ее и сегодня хорошо было видно, чтоб не только умом к ней стремиться, а чтобы загореться ею от всей души. Это очень важно — сильно захотеть! Тогда все становится вроде бы полегче: страх — не такой страшный, гора — не такая высокая, а дальняя дорога — покороче. Это я еще в школьные годы заметил, была у меня такая история, тоже велосипедная.

Участвовали мы в городских соревнованиях, по три человека от каждой школы. Шел я хорошо и вдруг на лихом повороте полетел со всего маху на шоссе. Коленки, локти ободрал — жуть! Шорты форменные разлезлись в клочки. Ну, думаю, — приехал! Пора сходить с дистанции. Кое-как дохромал до своего коня, отполз с ним в сторонку... И тут на моих глазах на том же повороте еще один загремел, тоже из моей школы, и, видно, ушибся здорово. Третий же из нашей команды сошел еще раньше, с машиной у него что-то стряслось. Значит, школа из соревнований выбывает, полный провал. Только что ни рукой, ни ногой шевельнуть не мог, а как сообразил я это, вроде они у меня заработали. Ногу на педаль, оттолкнулся — и пошел. Сам слегка удивился поначалу. Потом про коленки и думать забыл — только рваные шорты смущали.

К финишу пришел я в тот раз первым. Товарищ мой тоже подтянулся, а тот, что машину сломал, дошел пешком со своим велосипедом — это тоже считалось. Одним словом, в командном зачете заняли мы первое место, со стадиона я угодил прямо в больницу, но своего мы добились.

Я думаю, Алеша, если бы и ты так же сильно захотел чего-нибудь достигнуть прямо в этом году, не откладывая, например, получить разряд по плаванию или смастерить сложную действующую модель, или по всем предметам заработать отметки выше прошлогодних и сумел бы этого добиться, это и был бы лучший способ воспитания твоей воли!

НОЧНОЙ ОБОЗ

(Продолжение. Начало на 4-й стр.)

ши, подлечиваем их. А в твоей комнате девочки постарше собрались.

— А в Шатровой башне у Шурки Кропачева девять мальчишек собралось,— тихо сказала Таня.

— Знаю, знаю. Еще девять ртов!...— вздохнула Ефросинья Тихоновна.— И что ж мы с ними делать будем?

Не успела Таня ответить, как в комнату ввалился дед Силантий, раньше исполнявший в детдоме обязанности сторожа.

Сейчас Силантий изучающе оглядел Ефросинью Тихоновну и Таню.

— Эге... А персонал-то вроде как подбирается. Вот и Татьяна вернулась... Ну что ж, принимайте тогда пополнение: питомцев привел. Три пацана, две девахи.

— Откуда, Силантий?

— Из города, откуда же еще. Ребятню на базаре подобрал, в мусорных ящиках рылись. Такие замурзанные, тощие — страсть! А девчонок просто-таки подсунули мне. Иду по улице, навстречу бабка знакомая, Фомичиха, а с ней две девочки, близнецы, видно. Бабка так и вцепилась в меня. «Коль ты, говорит, вошпитатель из детского приюта, забери у меня сироток. Отец у них в армии, мамашу ночью полицаи забрали, а мне при моих годах и хворях их не прокормить». Я, понятно, толкую, что никакой я не вошпитатель, приюта нет и в помине, а бабка знай свое: «Раз других принимаете, не можете меня, старого человека, обидеть». Ну и сунула мне девчушек. Видала, Тихоновна, какой слух о нас пошел: будто мы детский приют собираем.

— Да ты что, Силантий,— опешила кастелянша.— Куда же нам девать их?

Старик развел руками.

— Ума не приложу. А только, ежели по совести, нельзя иначе... Погибнут же детишки... Ведь те близнецы-то, знаете, чьи? Дочки Фоминой, лекарши из горкома... Ее Семенов выдал.

— Семенов? — вскрикнула Таня.— Это тот самый, что ларьком на базаре заведовал... у которого сад в Заречье?

— Он, мразь! — выругался Силантий.— Прилип-таки к немцам... полицаем заделался. Партийцев выслеживает, комсомолов. А там, гляди, и до детишек доберется. Эх, жизнь наша, все наперекос пошло!

В комнату вошла уборщица тетя Лиза, коренастая, моложавая женщина в сапогах и стеганке. Вошла она бесшумно, словно тень, прислонилась к притолоке двери и окинула всех невидящими, пустыми глазами.

— Лиза, голубушка,—шагнула к ней Ефросинья Тихоновна.— Что с тобой? Полицаи, что ли, обидели?

Тетя Лиза вяло махнула рукой, потом опустилась на стул и закрыла лицо руками.

— Господи! Что же это делается? Что делается? — сквозь слезы забормотала она.— Там по улицам фургон разъезжает. Большой, зеленый, на колесах. А немцы детишек хватают и в душегубку их, в душегубку. Как собачонок бездомных. И за город увозят. А там, говорят...

— Да уймись ты! — побледнев, вполголоса прикрикнула на нее кастелянша.— Дети же здесь...

В комнате наступило долгое молчание.

«Спасать детей, спасать... во что бы то ни стало»,— с отчаянием подумала Таня, проглатывая подступивший к горлу жесткий комок.

Силантий тоскливо поглядел на женщин.

— Так как же с моими питомцами быть? Ну, с мальчишками еще ладно... как-нибудь пробьюсь. А с девчушками что делать?

— Где они у тебя? — спросила Таня.

— В сторожке отогреваются... Холодную картошку прямо с шелухой уминают.

— Мальчишек ведите в Шатровую башню, к Шурке Кропачеву. А девочек...— Таня вопросительно посмотрела на Ефросинью Тихоновну.

— Что уж там...—Вздохнув, кастелянша переглянулась с тетей Лизой.— Девочек сюда давай. Где пятеро, там и семеро в счет.

В комнату ворвался Шурка.

— Немцы из монастыря выезжают! — возбужденно сообщил он.

Приоткрыв штору, все прильнули к окну.

От освещенного здания детского дома отходили груженные доверху и укрытые брезентом машины. В кузовы двух последних грузовиков солдаты втаскивали детдомовские шкафы из-под книг, столы, тумбочки, зеркальное трюмо, часы в высоком деревянном футляре.

— Вот ворюги... все подчищают,— со злостью сплюнул Силантий.

— Хоть бы стены оставили — и то ладно,— сказала тетя Лиза.

Ломая кусты, грузовики еще раз протюжили развороченную клумбу и скрылись за воротами монастырской стены.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Снимок плачущего мальчика в гитлеровской шинели, который вы здесь видите, мог бы стать символом похищенного детства. Он сделан 1 мая 1945 года, когда насмерть перепуганный атакой наших танков Ганс Георг Хенке, бросив оружие, выбежал на шоссе — навстречу советским автоматчикам. Он остался живым, этот мальчишка в форме фашистского солдата, но сотни тысяч его сверстников истребила война...

Живы и те трое (страница 31) из рейнского местечка Бреттгейм, которых весной 1945 года эсэсовцы швырнули прямо под гусеницы американских танков. На их счастье, им повстречался крестьянин (его звали Ганзельман), он отобрал у новоявленных фольксштурмовцев карабины с фаустпатронами и бросил все это в пруд. Обрадованные мальчишки разбежались по домам. Но немецкого крестьянина, спасшего их, озверевшие эсэсовцы повесили...

Лев ГИНЗБУРГ

ПОХИЩЕННОЕ ДЕТСТВО

У немецкого поэта Иоганнеса Бехера есть поэма «Песнь о семи мальчиках» — стихотворный рассказ о том, как в феврале сорок пятого года на последних оборонительных рубежах гитлеровской Германии бесславной смертью погибли семь немецких школьников.

...Сжав кулачки, лежали на рогоже
Семь мальчиков. В глазах погашен свет.
На поседевших гномиков похожи,
И каждому — четырнадцати нет.

В перечне бесчисленных и бессмысленных преступлений германского фашизма значится и убийство немецких детей, которых Гитлер в качестве последнего «резерва» снял со школьной скамьи, наспех обрядил в солдатские шинели и погнал на фронт защищать обреченное на неминуемый разгром фашистское лжеотечество.

К тому времени, когда в отрядах так называемого «фольксштурма» сражались необученные, оцепеневшие от страха и отчаяния мальчики, германские дивизии были уже перемоло-

ты гусеницами наших танков, расстреляны артиллерией, обращены в бегство. Но Гитлер решил принести хищному богу войны еще одну жертву: немецких детей, которых он некогда обещал вырастить «твердыми, как крупповская сталь, жесткими, как кожа, быстрыми, как гончие псы».

Бывая на немецкой земле — в Германской Демократической Республике и в ФРГ,— я встречал кое-кого из этих чудом уцелевших «фольксштурмовцев», теперь взрослых и далеко уже не молодых людей, которые до сих пор с ужасом и отвращением вспоминают свое, как они выражаются, похищенное детство.

Похищение детства начиналось еще с дошкольного возраста: читая букварь, составляя по складам первые слова, ребенок вместе с такими понятиями, как «мать», «отец», «хлеб», «солнце», должен был усвоить и слово «фюрер». С тысяч портретов и фотографий смотрело лицо человека с усиками и спущенной на лоб челкой, и маленький Фриц или Ганс, маленькая Мария или Марта постепенно проникались верой, что именно этот господин с челкой и усиками дает им все: хлеб и солнечный свет, отцовскую любовь и материнскую ласку.

О Гитлере с утра до вечера говорили по радио, его имя звучало в детских стишках, в колыбельных песнях, даже малышам старались внушить: «Будь таким, как твой фюрер!» Откуда малышам было знать, что фюрер, вокруг которого беснуются ликующие толпы, которого встречают радостным воплем на митингах во дворцах нацистских конгрессов и на городских площадях, фюрер, каждое слово которого воспринимается как величайшая мудрость,—всего-навсего бывший полицейский шпик, мелкий полицейский доносчик, ставший самым крупным из всех существовавших в мире преступников!

Впрочем, об этом старались не знать и не думать не только малыши; с самого раннего детства в человека внедряли религию рабства и идолопоклонничества, и больше всего в гитлеровской Германии страшились правды.

Поступая в школу, ребенок попадал в руки фашистских педагогов. В своем большинстве это были вчерашние офицеры: от них так и веяло казармой, солдатчиной, «романтикой» мировой войны. Они и своих учеников готовили прежде всего в солдаты, которым придется однажды отправиться в поход, чтобы завоевать весь мир и покорить чужие народы. Каждый изучаемый в школе предмет был подчинен этой цели. На уроках истории рассказывали о германских полководцах, о древних германских завоеваниях, о германских владениях — главным образом на Востоке. Учитель водил указкой по карте и говорил: «Здесь находились германские поселения, здесь когда-то жили германцы, эта земля принадлежала нам в прошлом, а эта непременно будет принадлежать в будущем»,— и указка ползла по Украине, по Белоруссии, по Прибалтике, по южной и центральной России и упиралась в Уральский хребет.

На уроке географии учитель рассказывал о России. Он тоже водил указкой по карте и говорил: «Видите, сколько у русских земли? Посмотрите, какая у них огромная территория! А теперь взгляните на карту Германии: мы ютимся на клочке, нам очень тесно, мы буквально сидим друг на друге. Без жизненного пространства мы задохнемся!» И указка, пересекая границы, снова ползла по дорогам Польши, Украины, Белоруссии, южной и центральной России и вновь упиралась в Уральский хребет. Еще задолго до начала войны эта учительская указка ползла по маршруту, по которому устремились потом гитлеровские войска. «Вы родились для того, чтобы стать солдатами фюрера,— говорил учитель,— а солдату думать не полагается. За всех нас думает фюрер».

И они не думали.

На заре жизни, в том возрасте, когда бурно пробуждается мысль и происходит открытие мира, человеческую мысль как бы сжимали колодками, а зрение ограничивали шорами. Ежедневно и еженощно в Германии исчезали сотни мужчин и женщин, лучших людей страны отправляли на казнь, запирали в тюрьмы и концентрационные лагеря. Германия переживала величайшее бедствие, а на улицах гремела веселая музыка, громко звучали бодрые песни, дома были украшены флагами и цветочными гирляндами, и людям, отученным думать и рассуждать, искренне казалось, что наступил праздник...

В школе на уроке родного языка учитель говорил: «Угадайте, какое слово напоминает вам слово «Sklave», то есть раб? Оно напоминает слово «Slave» — славянин. «Sklave» и «Slave» происходят от одного корня. Славяне — рабы. Мы, немцы, хозяева».

На уроке биологии учитель тыкал указкой в схемы, на которых были изображены черепа: «Обратите внимание на разницу: одни черепа устроены правильно, другие — нет. Мы, немцы, принадлежим к высшей расе, наши черепа устроены особенно симметрично, в наших жилах течет лучшая в мире, арийская кровь. Те, у кого черепа устроены по-другому, неарийцы, они должны подчиниться нам, людям высшей расы... В человеческом обществе, как и в животном мире, происходит непрерывная борьба за существование. Наиболее сильные, выносливые, жизнеспособные побеждают. Остальные обречены на гибель. Какой народ является наиболее сильным?»

«Немцы!» — хором отвечали несмышленые дети и тайком ощупывали свои черепа. Их уже успели убедить в том, что любой из них обладает самым правильным черепом, особым составом крови и что сама природа предназначила их на роль будущих хозяев планеты.

Так на школьном уроке маленького Фрица или Ганса, маленькую Марию или Марту исподволь готовили к тому, чтобы бестрепетно крошить славянские черепа, навылет простреливать русские, украинские, белорусские, поль-

ские, чешские, словацкие головы, убивать югославов, уничтожать евреев и цыган, всю землю залить потоками «неарийской» крови.

«Фюрер требует, чтобы в ваших глазах сиял блеск хищного зверя!» — говорил очередной воспитатель, и этот хищный блеск уже вспыхивал в миллионах глаз немецких детей.

На уроке литературы учитель издевался над «писаниями» Льва Толстого, Чарльза Диккенса, Виктора Гюго, Генриха и Томаса Манна и рассказывал грязные антисемитские анекдоты о Генрихе Гейне.

На уроке математики школьники решали алгебраические задачи: искомым числом было количество бомбового груза, способного уничтожить вражеский город.

Так война входила в их плоть и кровь, все дышало войной, говорило о войне, но они не подозревали о том, что сами должны стать всего-навсего пушечным мясом.

Они отправлялись в дальние лесные походы с ночевками у костра, не зная, что эти прогулки есть тренировка к будущим переходам по пересеченной местности и маршам-броскам.

Собственно, они уже превратились в «механических людей», организованные в отряды «пимфов», «юнгфолька», «гитлерюгенда», «союза гитлеровских девушек». Их приучали подчиняться множеству ф ю р е р о в — от Гитлера, от «рейхсюгендфюрера» до «фаненфюрера» и «фюрера» школьного класса, назначенного директором и предварительно «согласованного» с гестапо.

Г е с т а п о... Тень этого страшного учреждения, тайной политической полиции, лежала на всей германской жизни. Молодчики в черных мундирах с кокардой в виде черепа на фуражке были кошмаром для миллионов немцев, ожидавших внезапного ночного звонка или стука в дверь. Встречая гестаповцев на улице, люди втягивали головы в плечи, по всей стране полз приглушенный шепот страха: «Гестапо... гестапо... гестапо...» Но страшнее гестаповцев в форме были переодетые шпики, секретные агенты, которые толкались в людных местах, в трамваях, на рынках, в пивнушках, наметанным взглядом выискивая подпольщиков — коммунистов и социал-демократов, недовольных, непокорившихся, осмелившихся сопротивляться.

Яд страха и подозрительности, отравивший страну, проникал и в детские души.

Детей учили шпионить, следить друг за другом, прислушиваться к разговорам товарищей и доносить директору школы или гимназии. Даже за собственными родителями они должны были следить в оба глаза и в оба уха: не дай бог, если отец или мать непочтительно отзовутся о фюрере! И нередко родители опасались своих же детей.

Так маленького Ганса или Фрица, маленькую Марию или Марту готовили к роли профессиональных доносчиков...

В той же «Песне о семи мальчиках» Бехера мы читаем:

Придя домой, они маршировали
Средь тишины нетопленных квартир.
Им чудились знамена. Трубы звали
В кипенье боя. «Нашим будет мир!»

...Они гляделись в ванных в зеркала,
И каждый думал: «Разве не похожи?
Как крупповская сталь, у нас тела,
Быстрее гончих мы и жестче кожи».

И, словно коронуясь на престол,
Они стальные каски надевали...
И в «поле боя» превращался пол.
Взвивались флаги. Трубы завывали...

О ураган огня! О лязг брони!
В каких еще про нас расскажут сказках!..
...Казались безголовыми они
В тяжелых, неудобных этих касках.

А потом игра кончилась, пришла настоящая война, с бомбежками, с похоронными извещениями, с длинными хлебными очередями, с пожарами, с бегством.

И вот «пробил час», их призвали, они стали «воинами» и, вооружившись неуклюжими фаустпатронами, под окрик фельдфебеля приступили к «исполнению долга».

Но на них неумолимо двигались советские танки, лавиной надвигалась советская пехота, и одни умирали, другие корчились от ран, а третьи, плача от злобы, отчаяния, ужаса, бросились врассыпную, полагая, что наступил конец.

Тогда они еще не знали, что этот конец означает н а ч а л о: начало новой жизни, начало новой Германии, возвращения похищенного у них детства.

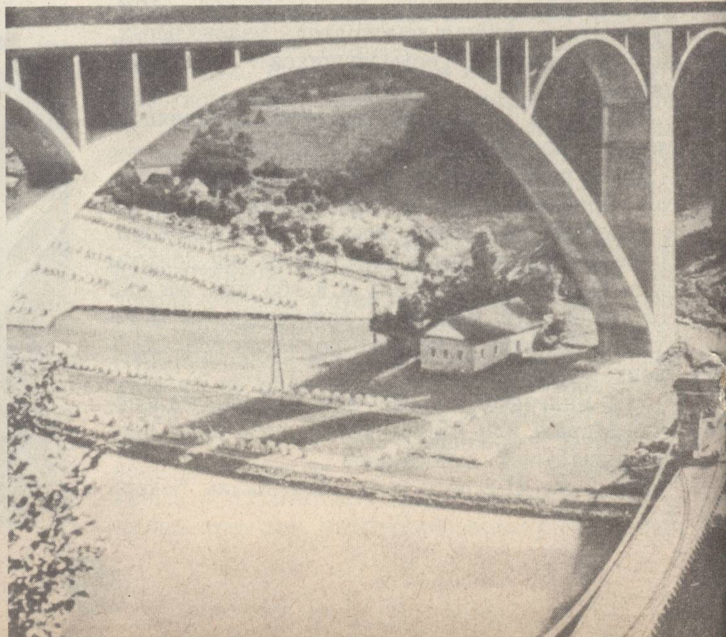
...День, в который мы празднуем Победу над фашистской Германией, в Германской Демократической Республике называется праздником Освобождения.

Цветы, и солнце, и нежная зелень весны, и рдеющие флаги, и свет на лицах людей — это праздник Освобождения.

Четверть века назад завершилась великая битва с фашизмом. Вместе с народами Советской страны сражались с фашистской сворой чешские и словацкие патриоты. В эти майские дни мы горячо поздравляем наших друзей!

НАДПИСИ В ЗАЛЕ КРАСНОЙ АРМИИ В МАВЗОЛЕЕ НА ГОРЕ ВИТКОВ В ПРАГЕ

Витезслав НЕЗВАЛ

Друг мой, бдителен будь на земле, под которой я стыну!
Право требовать это я смертью в бою заслужил.
Я ушел на войну. Я убит в день рождения сына.
Я убит, чтоб он жил. Я убит, чтоб ты жил.

Человек! Я хочу, чтоб с войною повенчан ты не был!
Чтобы кровь моя самой последнею кровью была!
Я, объятья раскрыв, как свобода, летел к тебе с неба,
Парашют мой сгорел, но свобода пришла!

Побеждая, я умер. Я мост наводил через реку.
И по мне, как по мосту, взбежала победы заря.
Если пал человек, чтобы жизнь сохранить человеку, —
Значит, верно он жил. Значит, умер не зря.

Не жалей, что я умер. Я умер, себя не жалея,
За тебя и за мать, за просторы родимых полей!
Хочешь быть, как отец? Стой в бою, где всего тяжелее,
И себя, если надо, как он, не жалей!

Кто там? Брат мой? Сестра? Кто там молча простился со мною?
Я не слышу — я мертв. Твоего я не вижу лица,
Но я верю тебе, что свой долг перед этой страною
Честно выполнишь ты, как солдат, до конца!

Перевел с чешского
К. СИМОНОВ.

ПАМЯТНИК Ленину

Стефан ХЕРМЛИН

В Мансфельде эту историю
знает любой горняк...
Сюда из Кривого Рога
прислали однажды флаг.

Красное знамя Ленина
в то утро вручили нам —
рабочие Украины
немецким своим друзьям.

Но в тридцать третьем нацисты
пришли, как чума, как мрак.
И секретарю приказали
отдать для сожжения флаг.

Он отказался. И вот он,
в тюремную робу одет,
брошен в гестаповский лагерь.
Но и там он ответил: «Нет!»

Они ринулись на Россию.
«Это враг наш!» — вопили
вокруг.
Но знал человек в концлагере,
что Россия наш лучший друг.

Из России статую Ленина
привезли фашистские гады,
чтобы ее переплавить
на орудия и снаряды.

Но есть и в далеком Мансфельде
ленинцы — совесть земли.
Они ту бесценную статую
от варваров уберегли.

Когда нас Советская Армия
избавила от оков,
на площади нашего города
Ильич встречал земляков.

А тот, кто томился в лагере,
был русским освобожден.
Не только красное знамя
спас от позора он.

Сберег он великую дружбу,
не дал нашу честь растоптать.
Зовут его Отто Брозовский,
все должны о нем знать.

А Ленин стоит на площади,
в грядущее взор устремив.
И всюду есть в мире ленинцы,
и Ленин повсюду жив.

**Перевел с немецкого
Л. ГИНЗБУРГ.**

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

Ян КЕМПЕРТ

ПЕСНЯ
восемнадцати казненных

Два метра камера длиной,
два метра шириной.
Но это больше земляной
постели, где со мной
еще семнадцать человек,
молчание храня,
сегодня обретут ночлег
при ярком свете дня.

О воздух вольных берегов
Голландии родной!
Дыханье смрадное врагов
грязнит тебя весной.
И честным людям в эти дни
в кровать свою не лечь.
С семьей прощаются они
и обнажают меч.

Я знаю, как на этот раз
трудна задача, но
еще немыслимей отказ:
в стране моей давно
свобода — с жизнью наравне,
но ценится сильней.
И если враг пришел ко мне,
то он пришел за ней.

Нарушив клятвы и хвалясь
расчетливостью зла,
втоптал провинции он в грязь
и разорил дотла.
Он разделил народ и страх
посеял вдоль межей.
И впрямь велик великий райх
По части грабежей.

Теперь Берлинский Крысолов
дудит в свою дуду.
К его мелодии без слов
свои слова найду:
как мы в тот час, когда рассвет
забрезжит, канем в тьму,
так вы ступайте — не вослед! —
наперекор ему.

Прощай, читатель этих слов:
идет последний час.
Не забывайте наших вдов,
не забывайте нас.
Как не забыли мы, храня
любовь к родной стране,
о том, что ночь короче дня,
в Голландии вдвойне.

5 марта 1941 г.

Перевел с голландского
И. БРОДСКИЙ.

М. ВЛАДИМИРОВ.
Рисунки А. БОРИСОВА.

Скоро, скоро,

Конечно, я немножко завидую Марату Халиеву.

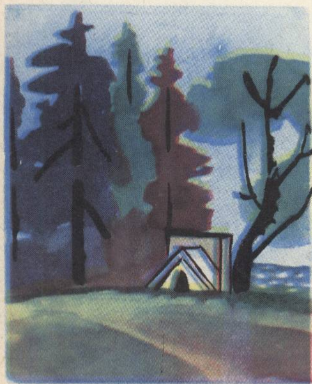
Его проводят к поезду, а на перроне шум, и гам, и песни, и смех, и сто советов в придачу к тысяче просьб.

Дорога через всю страну, соседи по купе гордятся: «Смотрите, с нами едет делегат. Что значит мал? А вы в двенадцать лет имели патент на изобретение?»

В Ленинград никто не приезжает без волнения. А если к тому же тебя здесь ждут, и все тебе рады, и праздник на улицах, огни, цветы, музыка — все это дарится тебе!

Я завидую всем им — всем двум тысячам делегатов слета: им в Ленинграде будет хорошо. Ленинградцы удивительно умеют делать, чтобы всем у них было хорошо.

Когда я был пионером, таких праздников, каким будет для всех ребят пионерский этот слет, не было. Была война. И праздником для детей Ленинграда был каждый маленький ломтик хлеба, прибавляемый к пайку. Двадцатипятилетие нашей победы над фашистской Германией день для нас радостный и потому, что у теперешних ребят совсем другие праздники.

Я понимаю Марата Халиева. Он еще не садился в поезд, чтобы ехать на слет, а уже здорово волнуется. Его только-только выбрали. И он вдруг почувствовал, как бы это точнее сказать, груз, вес доверия. Это ведь не только приятно, когда тебя выбирают из всех одного, пусть даже единогласно, чтобы ты один представлял не только свой отряд, не только свою дружину, а все, сколько их есть в районе. Тебе придется говорить от имени тысяч таких же ребят, как ты, и решать так, как все бы они вместе решили. Надо, как бы вобрать в себя все, что они думают, делают, говорят и хотят, чтобы выступать от всех и за всех. Соглашаясь стать делегатом ребят, ты отвечаешь перед ними.

Это чувство ответственности, наверное, переживают сейчас все, кого уже выбрали.

Уже известно, каким будет IV Всесоюзный слет пионеров нашей страны.

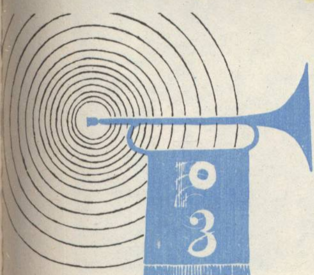
Это будет разговор о том, что сделано. Два года, готовясь к столетнему юбилею Владимира Ильича, участвовали ребята всех пионерских отрядов и дружин в экспедиции «Заветам Ленина верны!».

Превращали уставшее железо в сильные работяги-трактора. Тракторная колонна пополнялась до последнего дня, но пора собраться и посчитать, насколько она велика теперь. Закладывали сады, аллеи, цветники — стоит увидеть, каков же он получился, Ленинский сад. Растет банковский счет на возведение пионерского Дворца на Чукотке. Надо прикинуть, когда можно уже закладывать фундамент...

Два года работали, учились, играли ребята, и все это время внимательно приглядывались к себе, проверяли надежность и крепость своих отрядов, чтобы уверенно сказать: «Да, мы, юные ленинцы, верны заветам Ильича!» Сказать себе и своим старшим товарищам — коммунистам и комсомольцам.

Самый большой сбор — сбор всей пионерской организации будет, конечно, и большим

скоро слет!

советом: как жить дальше, как жить еще дружнее, принести больше пользы стране, что делать, чтобы всем отрядам и всем ребятам в отрядах жилось интереснее.

Слет — это работа. Серьезная и важная. Недаро ı Марат Халиев волнуется.

Слет, посвященный 100-летию со дня рождения Ленина. Слет, проходящий в городе Ленина. Конечно, делегаты прежде всего придут в Смольный. Увидят комнату, в которой жил Владимир Ильич в дни, ставшие для нас легендой, актовый зал, где в ночь на 26 октября родился новый мир.

В Ленинграде людьми владеет необыкновенное чувство: здесь оживает история...

Петропавловка. Сырой холод, навечно затаившийся в ее казематах. Сюда пытались навсегда заточить дух вольнолюбия и свободы.

Старый пролетарий — Путиловский завод. Здесь искра ленинской «Правды» зажгла неукротимую волю к борьбе.

Дворцовая площадь. Сюда шли декабристы, чтобы победить, но они погибли. По Дворцовой площади в ноябре 1917-го прошли отряды революционных рабочих и солдат, чтобы навсегда стать хозяевами этого дворца, и этого города, и всей России.

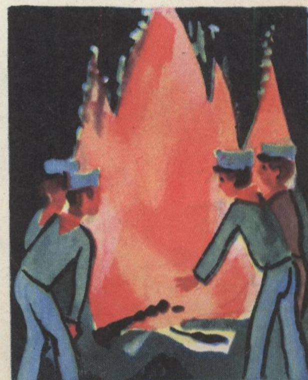
Цветы — это всегда весна, радость и солнце, а значит, жизнь счастливая, с улыбкой. Этот цветок-памятник назвали «Цветком жизни» в благодарность тем, кто погиб в дни блокады, чтобы жили мы...

Так мало дней! Как запомнить все? Придется, наверное, записывать кое-что. Тем, кто любит поспать подольше, в эти дни не повезет.

Утром собираются ребята поговорить о том, что такое настоящий совет дружины. Надо быть. В три — соревнование туристов. Как там наши? Надо посмотреть. А еще встреча с друзьями из Венгрии, а еще закладка цветника, а еще, а еще...

Договорить, доспорить, помечтать, услышать песни, кто какие знает, кто какие любит, — это когда? А это лишь ночью, когда шум уснет и можно посидеть у костра. Только какая же темнота ночью в июне в Ленинграде! Белые ночи! Словом, не повезет тому, кто любит сладко поспать...

Нет, я очень завидую тем, кто в эти дни встретится в Ленинграде!

Спасибо!

Говорят ребята полярного поселка Сого

В первом номере «Пионера» вы поместили наше письмо под заголовком «Нужна твоя помощь». Письмо с просьбой рассказать о других краях нашей советской земли.

Мы получили 15 тысяч посылок и писем, и все они такие теплые, сердечные! Пишут советские ребята, пишут зарубежные друзья. Присылают коллекции растений и минералов, марки, открытки, значки. Мы собрали большой материал о жизни В. И. Ленина.

Пожалуйста, поблагодарите всех ребят от нашего имени.

— Спасибо, молодцы ребята, — говорит «Пионер».

Душистый ураган

Н. СЛАДКОВ

Горы. Мы поспешаем верхами по одной из тех троп, о которых романтически настроенные туристы говорят: «Ты на тропе — как слеза на реснице». А местные горцы попросту: «Пронеси, господи!»

Левое стремя чиркает о камни стены, правое плавно плывет над пропастью. Кони вспотели от страха и дергаются всякий раз, когда из-под копыт выворачиваются камни и скачут вниз. Внизу — глубоко-глубоко, так что дух захватывает — гудит река. И слышно, как по дну ее глухо тукают камни.

Между тропой и рекой курчавый лесок. Лес на каменной стене! В него-то и торопимся мы, судорожно сжимая коленями лопатки коней и успокоительно похлопывая их по горячим потемневшим шеям.

Кажется, пронесло! Лес накрыл нас пятнистой тенью и вымостил тропу паркетом из желтых и лиловых бликов. Но вихрь ударил в лицо, и сразу закружила метель! Белые хлопья залепили глаза, обрушились белым ливнем на головы, плечи. Кони мгновенно покрылись снегом. Но каким снегом—душистым и нежным!

Вихри ветра кружили жасминовые лепестки. Лепестки то текли и струились, то обрушивались водопадами, то закручивались смерчиками и воронками. Словно кто-то швырял и швырял их охапками или вытряхивал из мешков и корзин. Метался ветер, куролесила метель.

Весь склон был в кустах отцветающего жасмина. Все было усыпано пахучими лепестками. Купы кустов, как зеленые тучи, сыпали «снегом». Ветер-сквозняк подхватывал «снег» и закручивал его то в тугой жгут, то расшвыривал, как перо из перины.

У камней намело сугробы из лепестков. Стволы и сучья побелели, словно от инея. Хоть на лыжах катайся или лепи снеговика!

Бушует веселая жасминовая метель. В глазах мельтешит и засвистывает в ушах.

И удивительно и смешно.

ТАНЦУЮЩИЙ ДРАКОН

Когда у тебя нет острых когтей и длинных клыков, а каждый тебя норовит обидеть, бери на испуг! Так всегда делает ушастая круглоголовка — маленький дракон пустыни. Как разинет пасть до ушей, как развернет веером свои красные «уши», как зафыркает, как запрыгает! Разойдись, не подходи! Ух, какая я страшная! Вот схвачу, укушу, проглочу!

А что ей, бедняге, делать?

Серебряный лес

Рисунки П. БАГИНА.

Для нас, северян, привычны леса зеленые. Темно-зеленые — хвойные и светло-зеленые — лиственные. А этот южный лес был розово-серебристый, ни на что привычное не похожий.

Седые раскидистые деревья кажутся заиндевелыми, покрытыми сизым инеем. Под ними — нежно-розовые кусты. Они похожи на копны легкого розоватого пуха. Кажется, дунь — и все улетит!

А какая у этого леса опушка! Понизу розовая полоса, над ней полоса седая. И над всем этим розово-сизым яркое синее небо. Седые деревья — это деревья джиды. Или, как их еще называют, деревья серебристого лоха. Они похожи на нашу плакучую иву: ветви обвисли густыми прядями, листья длинные, узкие, серебристые, как серые рыбки. На ветках желтенькие цветочки. Их очень много, но они крохотные, почти незаметные. Зато запах их слышен издали.

Запах совсем особый: кто хоть раз вдохнул его — никогда уже не забудет. Как вспомнит серебряный лес — так сразу ощутит этот запах.

Кусты, похожие на копны розоватого пуха,— это кусты тамариска. Розовые с ног и до головы — от стволиков до кончиков веток. Сравнивайте их с чем хотите: с розовым инеем, с розовым пухом, с розовой пеной из розовых пузырьков. Пчелы гудят в нагретых ветвях, варят розовое варенье...

У невиданного леса и название неслыханное — тугай. Не бор, не тайга, не дубрава, не роща, а таинственное — тугай...

Тугай пропитался красками юга. Яркие бабочки, яркие птицы, яркие цветы и травы. На солнечные тропинки из тенистых зарослей по утрам выходят фазаны. Перо их багрово вспыхивает и переливается. Это живые жар-птицы. Когда они взлетают, кажется, вспыхивает фейерверк!

На серых сухих сучках любят сидеть щурки. Птички совершенно тропического облика и окраски. Лазоревые грудки, желтые горлышки, золотистые спинки. И красные — как рубины! — глаза. Когда они проносятся над кустами розовых тамарисков — в глазах рябит и пестрит!

Голубые сизоворонки кричат резкими, трескучими голосами. Овсянки, похожие на канареек, поют старательно, задирая клювики в небо. Порхают удоды, похожие на пестрых огромных бабочек. И воробьи тут не обыкновенные, а испанские: очень яркие, очень пестрые, страшно горластые.

Вечера в тугаях тихие, настороженные. Вдруг отчаянно закричит фазан и захлопает быстрыми крыльями. Значит, лиса или дикий кот спугнули его с земли.

Услышишь сердитый звериный рев. Рев никого не пугает: это ревет косуля. У этого безобиднейшего существа почему-то очень страшный голос.

Вдруг шелест тростников, дробный топот — на поляну выбежали кабаны.

Звонко и хлестко свистит соловей.

Желтая луна плывет за корявыми, изогнутыми стволами. Ночь. Пахнет пряной джидой. Незабываемый запах. Незабываемый лес.

Йозеф Лада — знаменитый чешский художник. Когда настанет время читать вам «Швейка», вы сами в этом убедитесь — рисунки Й. Лады раз и навсегда вошли в похождения бравого солдата, и иного, неладовского Швейка теперь трудно себе представить. Но довольно о бравом солдате. У художника Лады были когда-то две маленькие дочки, и обе они перед сном непременно требовали новую сказку! Про принцесс и королевичей им уже надоело слушать, да и их отцу наскучило уже выдумывать истории с волшебниками, феями, замками и привидениями. Однажды он рассказал девочкам про кота. Его имя — Микеш, и... он умеет по-человечески разговаривать! Сказка понравилась неописуемо. Потому что кот жил в деревне, там, где когда-то провел свое детство отец девочек, да и самому ему приятно было рассказывать о себе в облике мальчика Пепика.

Из вечера в вечер потянулись эти сказки. Позже Лада стал делать к ним забавные рисунки, а еще через некоторое время их стали печатать в одном детском журнале, но... Всему бывает конец, и сказочник устал от Микеша и Пепика, от их бесконечных проказ. Так появилась история о том, как кот перевернул горшок со сметаной, испугался и убежал навсегда...

Й. Лада рассказал об этом, и улыбнулся, и тихонько с облегчением вздохнул. Однако не тут-то было. Обе девочки едва не заплакали: так они огорчились. И это было еще полбеды, потому что из детского журнала потянулись письма читателей, а в них общий укор и даже возмущение: «Как же это вы могли сделать: отпустили такого хорошенького, умненького и маленького котика неизвестно куда, и одного, и в такой дождь!».

И Микеш вернулся, и начались новые истории, которых теперь набралось целых два тома — две толстые, интересные и веселые книги, откуда мы выбрали для вас вот эти сказки.

Йозеф ЛАДА

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

ПРО КОТА, который говорил

Уважаемые дети, я бы вам кое-что рассказал, да боюсь вы мне не поверите. А все-таки это чистая правда: был в Грушицах кот. Звали его Микеш.

Я вас, милые дети, прекрасно слышу, слышу, как вы смеетесь: «Подумаешь! У нас дома тоже есть кот!» «А у нас кот да к тому же еще и кошка!»

Все так, дети, но этот кот разговаривал! Хотите верьте, хотите нет, но Пепик Швец отлично понимал его.

Я уже хорошенько не помню, как вышло, что он стал говорить, все потому, наверно, что Пепик все время с ним разговаривал, а может быть, это был какой-нибудь особенный кот? Да и что в этом такого уж удивительного? Вы же слышали, как разговаривают скворец или попугай? Так почему бы коту не разговаривать?

Вот представьте себе: идет дедушка Франтак, с удовольствием покуривает трубочку и вдруг слышит, что кто-то говорит тоненьким голосочком:

— Добрый вечер, дедушка!

Дедушка вздрогнул, оглянулся, но никого не увидел. А тут опять откуда-то с дерева:

— Я говорю, добрый вечер, дедушка!

Дедушка присмотрелся и хлоп себя по голенищу.

— Ах, чтоб тебя! Вы только посмотрите, что делается! Кот котом, а повежливей некоторых мальчишек. И кланяться умеет.

Обычно Пепик с Микешем спали на печке. Бывало, только встанет Пепик на приступочку, а Микеш уже летит откуда-то, словно чертенок; раз — и он оказывается на лежанке раньше Пепика. Потом Микеш забирался под одеяло и, довольный, жужжал, как веретено, Пепику в самое ухо. И пока не уснут, Пепик

рассказывал сказки. Микешу это очень нравилось, но если речь заходила о страшилищах, кот говорил:

— Про это ты мне, Пепик, пожалуйста, не рассказывай! А то я буду бояться ловить по ночам мышей в амбаре!

Однажды Пепик слышал, как старый дед Швигла рассказывал о коте в сапогах. Это так Пепику понравилось, что он потом долго упрашивал отца (тот был сапожником) сшить и Микешу такие же сапоги.

Ну и обрадовался же он этим сапогам!

Дело было зимой, и Микеш как раз вернулся с охоты совершенно озябший. Особенно у него мерзли лапки. Поэтому сапоги привели его в настоящий восторг. Но прошло очень много времени, прежде чем он выучился в них ходить. Он часто падал, потому что Пепик учил его ходить на двух ногах, а кота это ужасно смешило. Теперь не мерзли у него и передние лапы, потому что Пепик раздобыл ему и рукавицы. Такие, знаете, с одним пальцем. И надо бы вам видеть, как удивились другие дети, когда Пепик привел Микеша на каток. Правда, у многих были дома ручные белки, скворцы, ежи и зайчата, но что же в этом особенного? А тут вдруг является на Едличков пруд мальчик, а за ним катит на задних лапах черный кот в рукавицах да сапогами топает по льду, как солдат.

Тотчас их окружили ребята, Пепик сказал Микешу, как кого зовут, и представьте теперь себе их изумление, когда Тонда Тондов спросил у Микеша:

— Ты чей, кот?

А Микеш бойко ответил:

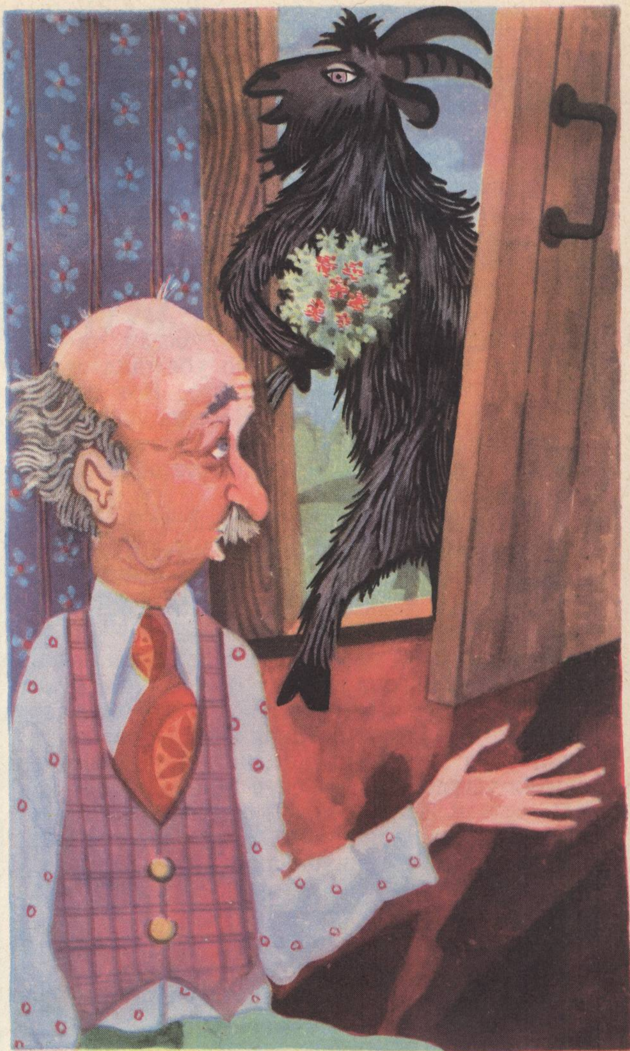
— Я Микеш Швец.

Потом Франтик Бубеник спросил у Пепика, не купили ли они кота у комедиантов, но Пепик гордо ответил, что это он сам выучил Микеша разговаривать. Этот Франтик, простая душа, тут же захотел сменять свою губную гармошку на Микеша! И при этом в глазах его было столько желания, что Микеш крепко схватил Пепика за рукав. Но тот не отдал бы его никому даже за настоящую шарманку!

Пепик показал Микешу, как кататься по льду, и вскоре наш кот гонял по всему катку не хуже любого мальчика или девочки. Но иногда он спотыкался о собственный хвост, кувыркался и ехал по льду, подметая его густой шубой. Вот смеху-то было! А когда Микеш приметил, как это всех веселит, то стал он падать нарочно и чуть ли не на каждом шагу. При этом он еще делал вид, что очень больно ушибся, потирал спину и жалобно подвывал.

— Ну и приложился же я! Придется вечером старой тетке Боудячке спину мне растереть и припарки поставить...

Но вдруг Микеш насторожился, сбросил рукавицы, быстро разулся, запихнул рукавицы в сапоги, сапоги за плечо — и вмиг очутился на тополе, который рос над прудом. И вовремя! Как дьявол, вылетел откуда-то пес Карфик и чуть было не тяпнул Микеша за хвост! Карфик был вне себя от злости оттого, что это ему не удалось. Он долго и хрипло рычал что-то по-собачьи, и Микеш что-то отвечал ему по-кошачьи, а потом рассердился и крикнул:

— Пошел домой!

Ну и перепугался же Карфик! Лаять перестал, весь съежился и, поджав хвост, кинулся со всех ног домой, так что снег полетел во все стороны! А Микеш слез с дерева, обулся, натянул рукавицы и как ни в чем не бывало вернулся на каток.

Козел БОБЕШ

Старый грушицкий пастух был человек добрый и справедливый. Он любил овец, которых пас, и, если одна из них заболевала, умел быстро ее вылечить.

А еще была у него умная собака. Звали ее Форейтка. Она могла бы пасти стадо и без старого пастуха. И про разные травы она знала больше, чем некоторые школьники. Если пастух хотел перегнать стадо на другое место, он говорил Форейтке, и Форейтка исполняла все точно, без разговоров.

А еще у пастуха жил козел Бобеш. Он был страшный грязнуля и безобразник. Просто беда! Пепика он однажды загнал на сухую грушу и часа два держал там. Больше всего Пепика разозлило то, что Бобеш не загнал его на такое дерево, на котором росли бы какие-нибудь фрукты.

Старый пастух потом отстегал Бобеша. Но Бобеш не исправился.

Он скоро сообразил, что мальчишек лучше загонять все-таки на плодовые деревья, тогда ребята швыряли в него грушами, а он подбирал их и сгрызал...

Приходил сторож, Бобеш убегал, а тот мальчик на дереве напрасно убеждал сторожа, что это Бобеш загнал его. Вот почему пастух сердился на козла Бобеша.

А потом многие школьники, которые опаздывали в школу, в один голос стали твердить, что это из-за Бобеша.

Вот тут старый пастух решил, что придется ему такого гуляку-забияку продать или обменять...

Но в этот день в хлеву было необычайно тихо. Ни звука оттуда не доносилось.

Пастух сидел перед своим домиком, вязал веники и приговаривал:

— Кончишь ты у меня свои забавы, черт бородатый? Сидишь тихо, как поросенок во ржи, но это тебе не поможет, придется тебе завтра тащиться со мной в Мниховцы! И как раз кстати, завтра мои именины, уж тебе-то прекрасно известно, что меня зовут Бартоломей, и что в Мниховцах по случаю праздника куплю я себе новую чашечку для трубки!

Но, дети, на следующий день старый пастух все-таки не пошел в Мниховцы, хоть и встал спозаранку и надел праздничный костюм. Он уж и палку взял и большой красный носовой платок, как вдруг кто-то постучал в дверь.

— Войдите! — вежливо сказал пастух. И тут, дорогие мои, ему пришлось сесть на табуретку... В дверь протиснулся козел! Шел он на задних ногах, а в передних держал букет!

Вот так так! Пастух ущипнул себя за нос, проверяя, не снится ли все это ему, но куда там!

А козел пропел человеческим голосом:

— Я с цветочками в руке стою смирно в уголке, вас сердечно поздравляю, быть послушным обещаю!

Желаю вам, хозяин, счастливого и веселого праздника, и вот вам, пожалуйста, от меня букет!

Наконец пастух опомнился:

— Чтоб тебя коза забодала, Бобеш! Ну и удивил же ты меня! Хотя можно было ожидать, что этот Микеш и тебя научит разговаривать, ведь он все время вертелся около твоего хлева. Давай сюда букет, а в Мниховцы, так уж и быть, мы не поедем, раз ты обещаешь исправиться. Я и не думал, что сегодня кто-нибудь обо мне вспомнит, нет ведь у меня никого на свете! Ну ладно, Бобеш, я думаю, что с сегодняшнего дня ты станешь хорошим козлом и утешением моей старости!

Пересказала Н. АРТАМОНОВА.

Франтишек ГРУБИН

Куда так рано...

— Куда так рано ты спешишь
С блестящей острою косой?
— Спешу траву косить, малыш,
Траву, покрытую росой.

— Но для чего косе роса?
Смотри, заржавеет коса!

— Э, нет! Нужна роса косе,
Недаром косят по росе.
Не это гибель для косы,
А зной и травы без росы.

О чем поет мельница

Крестьянин мне привез зерна,
И я тружусь, не зная сна.
И день мелю и ночь мелю,
Послушай песенку мою:
«Мелись, мука, мелись, мука,
Для булочки и пирога
И для пирожных сочных —
Бисквитных и песочных».

Сказка

Принцесса кораллы свои потеряла
Во время большого дворцового бала.

Король скуповатый об этом узнал,
Позвал к себе Гонзика и приказал:

— Найди мне кораллы любою ценою,
Иначе поплатишься ты головою!

Помчался на поле усердный слуга,
Нарыл там картофеля два сапога.

Вернулся и высыпал их перед троном
И так обратился к монарху с поклоном:

— Вот ваши кораллы, крупнее там нет!
Все крупные подали вам на обед!

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Р. РОМА

По путям-дорогам фронтовым

ИЗ ЗАПИСОК АКТРИСЫ

Шла война. Но даже в самые суровые ее дни на передовую приезжал театр. Ухали орудия, и свистели пули, а артисты играли перед солдатами. Не было ни сцены, ни занавеса (откуда это на фронте!), но солдаты чувствовали себя будто в настоящем театре. Где бы ни выступали артисты—на корабле, на батареях, в низеньких блиндажах,—повсюду гремел смех. А как нужен был этот смех воинам! Он вливал в них новые силы и бодрость, он помогал крепче бить врага. И для артистов их концерты были как боевые задания. Под бомбами, под обстрелом спешили артисты к солдатам.

Случай на корабле

Когда командир крейсера «Парижская коммуна», капитан первого ранга Зиновьев поднялся с катера на борт своего корабля, он был поражен необычайным зрелищем: по палубе, лихо перепрыгивая через препятствия, бежала длинноногая стройная женщина, в легких одеждах, сверкающих на солнце.

Когда она полезла вверх по лесенке на мостик, капитан увидел, что впереди нее мимоходом цепляясь за перила хвостом, несется корабельная обезьянка, любимица команды.

— Что это? — спросил он у дневального.

Тот четко, по уставу ответил, что на корабле артисты, что они гримируются, балерина хочет погладить обезьяну, а обезьяна не хочет.

Когда командир корабля Зиновьев снова взглянул на палубу, ни балерины, ни обезьяны там уже не было.

Мы гримировались к спектаклю в кают-компании. Мартышка сидела на серванте и внимательно следила за каждым нашим движением печальными прозрачными глазами.

Было странно, что она молчит и ничего нам не советует. Обезьяна вела себя непосредственно: чихала, зевала, чесалась и вертко оглядывалась.

— Тоже вздумала — догнать зверя, — сказал Каверзин балерине Маше Понне, своей партнерше.

— Какой же она зверь? — удивилась Маша. — Такая хорошенькая! Я только ее погладить хотела.

— Она не кошка, чтобы ее гладить, — сурово ответил Каверзин, надевая блестящий головной убор, от которого мартышка не могла отвести глаз.

Ольга Малоземова фыркнула в пуховку, и пудра взлетела белым душистым облачком.

Обезьянка быстренько перевела глаза на Ольгу и стала наблюдать, как она пудрится. Потом легко и неслышно перешла к Райкину, деликатно села почти спиной к нему на угол стола и, круто повернув голову, стала пристально глядеть ему в глаза.

— Ты что? — спросил Райкин смущенно: уж очень внимательным был неподвижный обезьяний взгляд. — Может быть, хочешь поучиться гриму? Вот видишь, — ласково сказал он, как ребенку, — это я кладу тон. А вот это я пудрюсь. Сначала в пудру, потом на лицо, опять в пудру, опять на лицо...

Обезьяна переводила глаза то туда, то сюда, следя за движениями райкинской руки.

В это время в дверь заглянул матрос и позвал обезьяну по имени. Она сразу доверчиво прыгнула ему на плечо и свесила хвост.

— А мне не далась, — огорченно сказала Маша, прижимаясь ухом к поднятой вверх ноге. — Я ее только погладить хотела, дурочку. Я их очень люблю, зверюшек.

— А у нас еще мишка был, — сказал матрос. — Совсем маленький попал к нам на корабль. Жил, как у себя дома. Потом вырос и однажды ушел с корабля, когда мы у берега

Мартышка внимательно следила за каждым нашим движением печальными глазами.

стояли. Никто не заметил, как он ушел. А ночью домой захотел — вернулся. Затемнение. Не видно ничего. Ему с корабля: «Стой, кто идет?», а он, конечно, молчит и на трап лезет. Ему опять: «Стой, стрелять буду!» А он хоть бы рявкнул, голос бы подал, что он медведь. Ну, конечно, стрельнули по нему. Теперь она одна у нас осталась... Пошли, — обратился он к обезьяне, — не будем мешать артистам.

Потом начался спектакль. Мы нормально доиграли его почти до середины, но во время миниатюры Льва Славина «Говорит господин Морель», очень серьезной, драматической — речь шла о подпольной радиостанции, — в зале вдруг все оживились, послышался смех, не соответствующий содержанию пьесы, сначала сдержанный, потом все более громкий, и, наконец, поднялся откровенный хохот.

Публика наша стала смотреть куда-то в сторону, действие прекратилось, и мы увидели обезьяну. Она сноровисто, как человек, пудрилась райкинской пуховкой. Видно, урок не прошел даром.

Опять к ней подошел тот же матрос, позвал ее, она так же покорно прыгнула на его широкое плечо.

— Ну что ты скажешь, — проворчал он, унося обезьяну из зала, — шкодливая какая, хуже человека!

Но на этом «шкоды» мартышки не кончились.

После спектакля капитан пригласил нас на ужин.

В кают-компании был накрыт стол. На нем лежала скатерть военно-морской белизны. Моряки щедро поделились с нами. Разносолов не было. Самым большим лакомством были пышные котлеты с жареной картошкой и зеленым луком, селедка, конечно, водка в запотевших графинчиках и сушеные финики к чаю.

Принарядившись по возможности, мы сели за стол вместе с офицерским составом корабля. Во главе стола сидел капитан Зиновьев. Райкин остался, как играл, — в черном смокинге и белой крахмальной рубашке.

Только утих первый шумок знакомства и все разобрались в вилках и тарелках, как откуда ни возьмись — просто из воздуха — появилась обезьяна.

Она бесшумно, ничего не задевая, шествовала по столу на своих мохнатых лапках с длинными пальцами. Сначала все остолбенели. А потом никто не решился спугнуть животное, потому что трудно представить себе, что может натворить на накрытом столе рассерженная обезьяна.

Между тем мартышка, шевеля длинным тонким хвостом над спиной, тихо продолжала свой путь среди тарелок, графинов, рюмок, мимо селедки, лука, картошки и котлет. Напротив Райкина она внезапно остановилась и, присев на скатерть, уставилась на него своими виноградными глазами.

— Ты что? — опять спросил он тихо.

А Оля Малоземова робко сказала:

— Кыш...

Обезьяна протянула свою изящную ручку, взяла с тарелки Райкина котлету и быстро запихала ее в рот. Обе щеки у обезьяны туго оттопырились, и шерсть на них встала дыбом.

Не успели мы опомниться, как чистоплотная мартышка вытерла лапки о белую рубашку Райкина, а может быть, просто она хотела потрогать блестящие белые пуговки — это осталось навсегда ее секретом.

А мы все, кроме печальных и трагических случаев, с которыми нам пришлось встречаться на войне, помним и это смешное происшествие с корабельной обезьянкой.

Про девочку на фронте

С нами на фронт поехала девочка. Звали ее Ирочка. Ей было шесть лет. В ленинградскую блокаду умер ее отец, драматург нашего театра, Нестор Сурин, потом умерла бабушка, и она осталась вдвоем с матерью на всем белом свете. Это они тогда так думали. А потом нашлись тетки и брат ее матери, очень хорошей актрисы нашего театра, Ольги Николаевны

Малоземовой. Сейчас Ольга Николаевна — заслуженная артистка республики, а тогда она приехала к нам из блокадного города несчастная, неулыбчивая и в то же время счастливая, что наконец соединилась с театром, где все ее любили и искренне сочувствовали.

Ирочка была типичной блокадной девочкой. Худенькая, прозрачная и голубоватая, как снятое молоко, она часто плакала и обижалась. Большущие каштановые глаза ее под взрослыми черными бровями глядели испуганно и печально. Но самое удивительное, ее круглая лохматая голова была наполнена невероятными фантастическими историями. Она рассказывала их медленно, причмокивая языком перед тем, как набрать дыхание. Голос у нее был низкий, интонации таинственные. Страшные места она говорила громким шепотом, вытянув шею, а хороший конец произносила торжественно, с пафосом, как героиня греческой трагедии. Мы Ирочку за это прозвали Федра Петровна.

Ехали мы на фронт в вагоне, туго набитом людьми и вещами. На трех полках расположились моряки, солдаты и актеры вместе с реквизитом и костюмами. Ночью поезд был затемнен, и Ирочка в темноте рассказывала свои длинные странные сказки, где лешие, ведьмы, короли и принцессы бродили, как неприкаянные, по современным городам и квартирам, попадали в невероятные положения и вообще бедокурили. Одна из этих сказок, помню, была про королеву на хрустальных каблуках. Эта королева отправилась в горсовет жаловаться на то, что у нее отняли слуг и дворец. На ней было длинное платье, сияющее и разноцветное, как заря. А шлейф от этого платья она перекинула через левую руку. В правой у нее был веер. Шла королева неправильно — переходила улицу там, где нельзя было. Ее остановил милиционер длинным свистком...

Тут Ольга сказала:

— Хватит, хватит, конца нет твоей сказке, пора спать. Сама не спишь и другим не даешь.

Тогда сверху, с третьей полки, раздался глухой бас, как будто сама темнота произнесла:

— В самом интересном месте прервали человека. Дайте, мамаша, ребенку договорить. Люди же слушают. Говори, дочка, успеешь поспать, дорога долгая.

Приехали мы в город Поти, к Черному морю. Там стоял военный флот. Запрыгала наша Ирочка по песочку у моря, на южном солнышке, как козочка, удивляясь собакам, кошкам и птицам. В блокадном городе она их долго не видела и забыла.

Из Поти мы выезжали то к подводникам, то

Во время спектакля Ирочка дремала за кулисами на сложенных занавесах.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

к летчикам, то на корабли, и Ирочка тряслась с нами в автобусе по военным дорогам. Во время спектакля спала за кулисами на сложенных занавесах, возвращалась ночью, спящая на наших коленях. Трудная тогда была у нее жизнь.

Вскоре мы получили распоряжение командования флота двинуться дальше по побережью, в сторону Новороссийска, где еще были немцы.

Райкин пришел к Ольге Малоземовой и сказал ей:

— Оленька, дальше тебе с ребенком ехать нельзя. Там опасно. Все может случиться. Ты оставайся с девочкой здесь, в Поти. Будешь получать по аттестату так, как будто ты работаешь с нами. Другого выхода нет.

Тут Оля заплакала и сказала, что никогда не согласится получать незаработанные деньги и сидеть сложа руки, пока все будут на передовой.

— Но что делать? — уговаривал ее Райкин. — Пойми, нельзя рисковать ребенком.

На Олю как затмение нашло. Она металась, доказывала, что ничего не может быть страшнее голода и обстрелов, а это все она с дочкой пережила в блокадном Ленинграде и все время работала.

— Где я, там и она, — твердила Оля плача.

— Нет, не разрешаю, — ответил Аркадий категорически.

Он, конечно, не мог согласиться на то, чтобы на фронт с нами ехал ребенок.

И вдруг совершенно неожиданно нашелся выход.

Молодой ленинградский режиссер Михайлов, приехавший в Поти с небольшим эстрадным оркестром, предложил Оле оставить девочку.

— Оставьте ее со мной, не бойтесь, — сказал он. — Я хорошо знал и уважал вашего мужа, очень вам сочувствую и хочу помочь. Я понимаю, как тяжело расставаться с театром и в такое время бездействовать, но с ребенком туда действительно нельзя. Ваша девочка мне нравится, детей я люблю, люди помогут, поговорю с квартирной хозяйкой. Уезжайте спокойно.

И Оля уехала. Конечно, неспокойно. Она тревожилась и страдала все время, пока мы были на передовой.

Вернулись мы только через два с половиной месяца.

В Поти навстречу нам выбежала веселая, неузнаваемая, загорелая, толстая Ирочка. Все отошли в сторону и смотрели, как Оля и Ирочка обнимают и гладят друг друга. Оля, упав на колени прямо в траву, у дороги, а Ирочка, стоя и застенчиво поеживаясь. Оля отодвинет дочку обеими руками, взглянет на нее, как бы не узнавая, и опять начинает гладить по крепким загорелым плечикам, сияя сквозь слезы и приговаривая: «Все. Больше я от тебя никуда не уеду».

Потом оказалось, что Михайлов тоже отправился со своим оркестром обслуживать части вскоре после нашего отъезда, и Ирочка осталась у его квартирной хозяйки, доброй, заботливой женщины. А опекал девочку начальник Дома флота Малинский. Каждый день Ирочка ходила обедать и ужинать к нему в офицерскую столовую, где сидела среди моряков на стуле, свесив ноги. А моряки ее наперебой кормили, хотя Ирочку не надо было уговаривать, — она уже знала цену каждой ложки супа и каждой крошки хлеба...

Теперь Ирочка — инженер, у нее сын Федя. Голова ее по-прежнему полна интересных историй, да все недосуг ей их записывать.

Томик Пушкина

После ночи на перевале Райкин заболел. Старый его враг — ревматизм дал о себе знать. Пришлось лечь в госпиталь. Я осталась с Райкиным и сразу закопалась в библиотеке бывшего сочинского санатория. Многие книги оказались «скуренными». Нельзя было обвинять раненых солдат: папирос не было, бумаги не было, не во что было завернуть пайковый табак, не терзая книги. А чем курящему человеку заглушить боль от ран, тревогу по близким, досаду на вынужденное бездействие, когда идет война?

И в этих истерзанных книгах я наткнулась на томик Пушкина, зачитанный, но целый.

Я стала снова в который раз читать всегда волнующие строки пушкинских стихов.

И тут, перевернув страницу, я увидела стихотворение, знакомое каждому человеку, говорящему по-русски:

Я помню чудное мгновенье, —
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

А на полях, рядом со стихами, неловким карандашом, косо было написано:

Явись ко мне, моя Дуся!
Где-то ты теперь, моя милая?
Жива ли ты?

До сих пор я не могу спокойно вспоминать об этом бесхитростном призыве, который вырвался у раненого солдата под влиянием стихов Пушкина.

Мария
ПРИЛЕЖАЕВА

ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

ПОВЕСТЬ

Окончание.

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

Когда поет лед

— Едем! — сказала Надежда Константиновна.

— Непременно, Володя! — подхватила Мария Ильинична, в душе опасаясь, что он будет противиться.

Но Владимир Ильич не противился, хотя и соблазнительно было посидеть над статьей в уединенном и особенно тихом по случаю воскресного дня кабинете. И письма важные написать надо было...

Но октябрьское ясное утро манило на волю. Хорошо в такой погожий денек прокатиться за город, позабыть до завтра дела! В календаре красное число как-никак. И они уселись в большую черную машину английской марки «роллс-ройс», и товарищ Гиль повез Владимира Ильича с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной в Горки.

Выехали из Москвы. Владимир Ильич полной грудью вдыхал свежий воздух. Утренняя розовая зорька была так мила! Солнце медленно всплывало, озаряя тихим светом блекло-голубой небосвод. Гиль вел не спеша, осторожно. А Владимир Ильич любил быструю езду. Чтобы ветром резало щеки, кружилось весело сердце!

— Вы, товарищ Гиль, машину ведете, будто каждой курице реверанс делаете, — сказал Владимир Ильич.

Шутки Владимира Ильича веселили товарища Гиля. Но скорости он не прибавил. Нет уж, будем лучше реверансы курицам делать, проезжая деревни, а растрясти

Владимира Ильича по избитой дороге — такого шофер Гиль не допустит.

Горки — старинная усадьба. Прекрасный парк окружил особняк с белыми колоннами и два флигеля. Тенисты аллеи из раскидистых лип и могучих дубов! Привольны лужайки. Есть там удивительные уголки — видно оттуда далеко-далеко, видно даже Подольск.

Владимир Ильич любил вглядываться в зеленоватую даль и угадывать город за лесами и резвой речкой Пахрой. Владимир Ильич приезжал в Подольск молодым, когда вернулся из ссылки. В 1900 году это было, вот когда. Там жила в это время мама с высланным из Москвы братом Митей. И сестры там жили, и Марк Тимофеевич, когда Владимир Ильич приехал повидаться с родными перед отъездом в Швейцарию. Владимир Ильич подготавливал тогда выпуск за границей «Искры», рабочей революционной газеты... Как давно это было — двадцать один год назад!

Машина въехала в парк и мягко, без толчков подкатила к северному флигелю. Владимиру Ильичу не очень нравилось жить в «Большом доме», главном особняке с белыми колоннами. Предпочитал северный флигель, где привычно маленькие комнатки, потолки невысокие, небольшие окошки. При господах здесь, должно быть, были помещения для служащих. После Октябрьской революции господа удрали за границу, подальше, прихватив капиталы, а Советское правительство позднее открыло в Горках дом отдыха. И Председателю Совнаркома порекомендовали здесь место для отдыха, когда после ранения врачи строго-настрого предписали ему чистый воздух.

Верно. Едва Владимир Ильич вырывался из духоты заседаний и московского шума в горкинский парк, голова почти переставала болеть.

— Деревенского воздуха глоток глотнул, сразу щеки и порозовели,— заметила Надежда Константиновна.

— Милостивые государыни, следуем в дальнее странствие, — заявил Владимир Ильич.

Они не зашли во флигель и прямо из машины отправились в парк. Было сухо и холодно. Каменно стучала под ногами земля. Листья с деревьев опали. Весь парк гляделся насквозь, и только кусты сирени скучно стояли в сумрачной зелени пожухлой листвы. Да встретится кое-где рябина с отяжелевшими от красных гроздьев ветвями.

Стая желтогрудых синиц шумно перелетала с куста на куст.

— Эй вы, жилетники! — крикнул Владимир Ильич.

— Что это? — не поняла Надежда Константиновна.

— Погляди, будто жилетки желтые надеты на них, — сказал Владимир Ильич.

Как нравилось Надежде Константиновне его восхищение природой! В эмиграции они часами лазали по горам. Или укатят на велосипедах бог знает куда. Чем глуше лес, круче, нелюдимей тропинки, тем сильней Владимира Ильича брал задор.

— Махнем, Надюша, туда, там скала нависла над озером...

Величавы, роскошны швейцарские озера и горы. А русская, тихая природа ближе. Роднее.

— Смотрите, малый пруд! — сказал Владимир Ильич.

— Вон в какое мы славное местечко притопали, — обрадовалась Мария Ильинична.

Пруд застыл. Синевато-сизый, прозрачный ледок сковал малый пруд. Как бы стеклом его затянуло, и сквозь стекло отражались в пруде опрокинутые стволы и голые сучья деревьев, путаница кустарника на плоских берегах. Темные водоросли видны были под крышей ледка.

Вдруг звенящий мелодический звук разнесся по пруду. Словно на каком-то странном инструменте тронули струну, и она прозвучала нежно и длинно.

Брошенный кем-то камешек проскользнул по льду от берега до середины. Лед отозвался.

— Чудеса! — тихонько ахнул Владимир Ильич.

Тут они увидали отделенных от них кустарником мальчишку и девчонку, лет по десяти. Это мальчишка запустил на лед камешек.

— Как поет! По всему пруду звон, — сказала девочка.

— Поймать надо день, когда его впервой ледком схватит,— ответил мальчишка.— А то покрепчает или снегом закроет, тут он петь перестанет.

— Давай еще, — попросила девочка.

Снова заскользил по пруду камешек, и зазвенело от берега к берегу.

— Ой! — вскрикнула девочка.

Ребята увидели по той стороне кустарника взрослых. Мальчишка снял шапку.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — ответил Владимир Ильич,— приближаясь к ребятам.— Откуда вы?

— Мы местные. Недалече, из Горок. — Мальчишка махнул рукой в сторону деревни Горки, видной от пруда. — А вы, чай, московские?

— Угадал, — засмеялся Владимир Ильич. — Хорошо у вас лед поет.

— А как же! В самый раз надо его уловить, не всякий сумеет, — хвастливо ответил мальчишка.— А вы начальство, небось?

— Ты мне скажи, какая у вас в Горках

жизнь? — поинтересовался Владимир Ильич, пропустив вопрос мальчика мимо ушей.

— А что? Ничего, — солидно ответил мальчишка.

— У нас лампочка Ильича загорелась, — сказала девочка.

— Электричество. Не хуже Москвы. Как вечер, деревня вся так и засветится, — хвастал мальчишка.

— Значит, довольны? — спросил Владимир Ильич полушутя-полусерьезно.

— А что? Дальше-то лучше, чай, будет!

Мальчишка стащил с головы шапчонку, сказал «До свидания», и они побежали куда-то, может, домой, а может, еще подсматривать чудеса и загадки осеннего леса.

А Владимир Ильич с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной пошли глубже в парк, потому что малый пруд от дома не так далеко, а ведь Владимир Ильич позвал их сегодня в дальнее странствие.

Маяк

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.

Гимн гремел. Летел в окна двусветного зала в Большом Кремлевском дворце. Высился к лепным потолкам.

Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.

Несколько сот человек стояли в Кремлевском зале и на пятидесяти языках пели гимн. На французском, немецком, итальянском, турецком, японском, английском, норвежском, финском, эстонском, латышском... русском, конечно.

Владимир Ильич тоже пел. Владимира Ильича всегда волновал международный рабочий гимн. А сейчас, когда сотни коммунистов разных стран собрались на Четвертый конгресс Коминтерна у нас, в Советской стране, и в бывшем царском дворце пели вольно, свободно, сейчас душа его полна была счастья.

Это есть наш последний
И решительный бой,
С Интернационалом
Воспрянет род людской.

Множество иностранных революционеров знал Владимир Ильич в прежние годы, когда был в эмиграции. Ведь пятнадцать лет прожито за границей! Знал талантливого французского социалиста Лафарга, Жана Жореса, того Жореса, который создал «Юманите», знаменитую революционную газету во Франции.

Машина въехала в парк и остановилась у северного флигеля.

А немецкие марксисты! Клара Цеткин, Роза Люксембург, Карл Либкнехт! А в Финляндии Кусинен, основатель коммунистической партии,— его тоже Владимир Ильич знал. А гельсингфорсский «полицмейстер» Ровио, скрывавший в своей однокомнатной квартирке Владимира Ильича от царских шпионов. А швейцарец Фриц Платтен, который помог Владимиру Ильичу с товарищами вернуться на родину, когда в России началась революция. И еще много, много было иностранных революционеров, рабочих и нерабочих, с которыми встречался и дружил Владимир Ильич.

Теперь, когда Октябрьская революция победила в России, марксисты-революционеры образовали в своих странах по нашему примеру коммунистические партии.

— Давайте объединимся для силы и крепости в единый Союз,— сказал Ленин.

Коммунистические партии объединились. Название дали Союзу — Коммунистический Интернационал, Коминтерн.

Владимир Ильич поднялся на кафедру. Сотни глаз были устремлены на него. Владимир Ильич видел нетерпеливое ожидание в глазах. О чем рассказать коммунистам разных стран? Что самое существенное хотят они знать?

Наверное, о жизни советского общества. О новом.

И Владимир Ильич стал рассказывать, как идет у нас хозяйство в Советской стране: чего добились за пять лет, а чего не добились. Войну победили, голод победили. С разрухой справляемся. Лучше стало жить крестьянам. И рабочим получше. Торговать учимся. А машины делаем пока еще плохо, мало. Больше надо машин. Без машин не построишь коммунизма. А перед нами цель — коммунизм. И перед вами, иностранные товарищи, цель — революция.

Вот о чем говорил Владимир Ильич. Он говорил по-немецки. Русский язык в то время мало кто знал за границей.

«Хорошо говорит по-немецки», хвалили немецкие коммунисты.

Доклад окончен. Все встали, огромная армия коммунистов всех стран поднялась.

— Ура, Ленин! Да здравствует Ленин!

Буря бушевала в зале, настоящая буря!

Понятно, Владимира Ильича трогало это море любви. Но овации, такие громкие, смущали его. Он думал, как бы выбраться поскорее из зала. Куда там! Толпа плотно его обступила. Каждый хотел что-то сказать. О чем-то спросить. Или хотя бы поздороваться.

— Здравствуйте, товарищ Ленин!— протиснувшись ближе, громко говорил по-французски кудрявый человек. У него блестели черносливины глаз, он весь сиял и без конца дружелюбно твердил: — Здравствуйте, товарищ Ленин! Камрад, камрад...

И по-русски с трудом, по слогам:

— Ле-нин — вождь!

Ленин улыбнулся.

— Вы, товарищ, из каких местностей Франции?

— Я итальянец. Но вы не знаете наш итальянский...

— Немного,— возразил по-итальянски Владимир Ильич.

— О! Товарищ Ленин все знает! — воскликнул кудрявый итальянец.

И на итальянском, немецком, французском, английском со всех концов неслось:

— Ленин — друг! Ленин — вождь коммунистических партий!

А один иностранный шахтер, в белоснежном воротничке, у которого лицо было усеяно темными точечками угольной пыли, приставил ладони ко рту и, как в рупор, с воодушевлением кричал:

— Советский Союз — наш маяк! Держим курс на маяк.

Вечером под Новый год

Владимир Ильич заболел. Тяжело заболел. Очень опасно. Не мог пошевелить правой рукой. Это был паралич.

Некоторые думали, болезнь настигла внезапно. Нет, давно подкрадывался коварный недуг. Бессонница. Иногда до утра не удавалось сомкнуть глаз. Мучительно длилась бесконечная ночь. Болела голова почти постоянно. Пришел лихой час, Владимир Ильич слег.

Он лежал в своей маленькой комнатке в кремлевской квартире.

— Слишком много работал Владимир Ильич, свыше человеческих сил,— сказали врачи,— необходим абсолютный покой.

Но Владимир Ильич не мог не работать,

не мог! Болезнь опасна. Надо спешить высказать товарищам необходимые мысли. Надо успеть.

Владимир Ильич лежал с вытянутой поверх одеяла неподвижной рукой. Компресс холодил воспаленную голову.

Был вечер. На столе слабо горел ночничок. Предписано Владимиру Ильичу отдыхать после обеда. Он не спал.

Вчера открылся в Москве Первый Всесоюзный съезд Советов. Вчера, 30 декабря 1922 года, на съезде был утвержден договор о создании Союза Советских Социалистических Республик.

Владимир Ильич долго подготавливал этот удивительный день!

Не все сразу поняли, почему важно, чтобы был именно Советский Союз. Почему с такой страстью, так упорно Владимир Ильич добивался.

Ленин добивался, чтобы СССР был совершенно новым государством, совершенно отличным от царской России. Ведь при царе было так. Была Россия. А Украины вроде вовсе и не было. И Белоруссии не было. И Азербайджана, и Грузии, и Армении — они считались всего лишь частью России. Никакой самостоятельности не давали народам. Почти нигде не позволяли учить детей в школах на родном языке. У многих народов даже своего алфавита не было. Малым народам не давали расти. Унижали. Ужасное неравенство было между народами! Ленин ненавидел это неравенство!

Как глубоко он задумался! Надежда Константиновна остановилась у двери, прислушалась: спит?

— Не сплю, Надюша. Готовлюсь к работе.

Надежда Константиновна бесшумно вошла. Погасила ночничок. Зажгла лампу. Комната осветилась. Осветилось бледное лицо на подушке.

— Неугомонный ты мой! — сказала Надежда Константиновна.

Стенные часы в столовой гулко пробили шесть раз. С шестым ударом появилась стенографистка Мария Акимовна Володичева. Хрупкая, лет тридцати, умно-внимательная. Пристроилась у столика вблизи кровати. Карандаш наготове.

— Итак...— сказал Владимир Ильич.

Сегодня врачи позволили диктовать сорок минут. Уйма времени — сорок минут! Тем более, что статья в голове вся написана.

Если бы Владимир Ильич был на съезде, он сказал бы то, что сейчас диктовал. Это был наказ товарищам. Товарищи послушают Ленина, примут его наказ, как строить и крепить СССР. Нельзя ни в чем обездоливать малые народности. Народы нельзя обижать! Советские республики должны быть равны. Дружны. И СССР станет могучим и справедливым государством. И во всем мире пробудятся угнетенные империализмом народы...

Надежда Константиновна в соседней столовой слушала родной голос. Оперлась подбородком на сплетенные пальцы. Исхудавшее лицо светилось тревожной любовью. Уголки губ опустились.

Но диктовка кончилась, стенографистка Володичева ушла. Надежда Константиновна сменила ее у постели больного. И улыбка ее была ясна. Ни горя, ни страха не увидел в ее взгляде Владимир Ильич. Спокойствие Надежды Константиновны Владимира Ильича успокаивало.

— Что мне вспомнилось, Надюша,— задумчиво сказал Владимир Ильич.— Помню, отец бился, открывая школы не для одних только русских ребят в Симбирской губернии. Для чувашей, мордвинов, татар устраивал школы. До отца не было этого.

— Редкий он был человек,— ответила Надежда Константиновна.— С малого начинал. Зато у нас теперь революция дороги открыла большие.

Она видела, Владимир Ильич доволен сегодня работой. Даже глаза разблестелись, как прежде. Компресс снял, значит, легче голове. Может, и поднимется скоро?

«Может? Что это я? — испугалась Надежда Константиновна.— Не может, а непременно! Полгода назад было похожее с ним, отболел и поднялся. Так и теперь».

Она заботливо поправила на Владимире Ильиче одеяло.

— А ведь нынче новогодний вечер, Володя,— вспомнила Надежда Константиновна.— Не зря у тебя настроение хорошее.

Нагнулась к нему, поцеловала.

— С Новым годом, Володя!

Всегда в борьбе

Доктора опасались, не повредило бы Владимиру Ильичу такое диктование статей. «Дайте от-

дохнуть голове, Владимир Ильич! Не думайте о государственных делах. Оставьте деловые статьи».

Ни за что!

Но переспорить докторов не так-то легко.

Пришлось Владимиру Ильичу пуститься на хитрости.

— Буду диктовать не статьи, а дневник.

Провел докторов. Уступили. Впрочем, наверное, доктора понимали: не про погоду будет этот дневник. Разве запретишь Ленину заботиться о судьбе созданного им государства? Владимир Ильич нервничал, совсем уснуть не мог, когда ему не разрешали диктовать. Доктора разрешили. Только осторожно. Полчаса, сорок минут в день. Не больше.

И в назначенный час аккуратно приходила стенографистка Володичева. Записывала иногда страничку в день, а то две или три. В этих страничках был заключен целый план дальнейшего устройства нашего общества. Владимир Ильич критиковал недостатки. Советовал, как лучше наладить государственный аппарат. Как сохранить в Коммунистической партии единство и дружбу. Больше всего боялся Ленин, чтобы в партии не вышло разлада.

В постели, больной, долгие, долгие часы обдумывал Владимир Ильич каждую мысль для своих статей. Каждое слово.

Статьи Ленина печатались в «Правде». Рабочие люди читали, делились между собою:

— Правильно Ильич про нашу жизнь понимает. До самой сердцевины добрался. Чего мы и не видим, все увидал!

И радовались:

— Видно, здоровье у нашего Ильича идет на поправку.

Вдруг... Был мартовский день. Весело светило весеннее солнце. Вовсю чирикали воробьи на бульварах и в скверах. Пенистые ручьи шумно бежали вдоль мостовой. Все в природе говорило о жизни и радости. Но люди, открывая утром 14 марта газету, становились хмуры и пасмурны. Люди толпились на улицах возле щитов и витрин для газет. Всюду выклеены были листы. **«Правительственное сообщение»**.

Если правительственное,— значит, что-то серьезное. Не случилось ли несчастья какого?

Бюллетень о состоянии здоровья Владимира Ильича.

«За последние дни в состоянии здоровья Владимира Ильича Ленина произошло значительное ухудшение...»

Черные буквы кричали: случилось, несчастье случилось... «Значительное ухудшение».

Страшно читать. Люди отходили, понурив головы.

Сумрачно было в этот день в рабочих цехах.

— Ильич-то наш...— вздохнет кто-нибудь из старых рабочих.

Молодые не верили, не хотели верить, что надвигается грозное.

— Дочитайте до конца бюллетень. Что про сердце-то сказано? Пишут, в порядке.

— Нет, не станут зря бюллетень выпускать,—сокрушались старики.—Эх, Ильич!

А Владимиру Ильичу было плохо. Беспощадно наступала болезнь. Он потерял речь. Что может быть горше! Ленин умолк. Не слышно стало живого, немного картавого, быстрого говора.

Круглые сутки дежурили в квартире Владимира Ильича доктора. Наука, талант, искусство медиков вступили в сражение за его прекрасную жизнь.

Вся страна с надеждой следила. Утром люди спешили к газетам прочитать бюллетень.

Вечер. Весенний ветер колышет красный флаг над зданием Совнаркома. А что там, в кремлевской квартире?

Вечер. Кончились дневные труды и хлопоты. Тысячи сердец тоскливо сжимаются: что в кремлевской квартире?

Тихо в комнате Владимира Ильича. Так тихо, что из столовой доносится мерный стук маятника. Там дежурная медицинская сестра.

А возле постели Надежда Константиновна.

Владимир Ильич медленно поднял тяжелые веки. «Ты здесь, Надя?»

Она понимала все, что он хотел сказать и спросить. Говорила с ним, будто слышала ответ.

— Тебе получше сегодня,— уверенно сказала Надежда Константиновна.

И Владимиру Ильичу показалось, что и правда получше.

И глаза его ответили:

«Да».

— Ты вылечишься. Доктора говорят, всю волю надо на помощь позвать. Собери всю волю, Володя.

«Собираю»,— ответил глазами Владимир Ильич.

— Ты целую жизнь боролся за счастье народа. Поборись теперь за себя. Для народа же, для революции. Изо всех сил поборись!

Снова Владимир Ильич ответил понятно для Надежды Константиновны:

«Да».

Нестерпимая жалость внезапно ее пронзила. Слезы больно подкатили к горлу. На секунду она обессилела. Справилась. Проглотила ком в горле.

И ласково:

— А сейчас пора отдохнуть. Поспи, чтобы силы набраться. Все будет хорошо. Усни. Я не уйду. Я буду рядом сидеть.

Владимир Ильич подошел к столу.

Осень 1923-го

Владимир Ильич не сдавался болезни. В середине мая Владимира Ильича перевезли в Горки, в «Большой дом». Самую маленькую комнату выбрал для себя Председатель Совнаркома в «Большом доме». Угловую, с высокими окнами. Из окон виден сад. В яркой зелени, полный птичьего свиста и гама. Орали грачи. С каждой ветки неслось ликование. Весь воздух звенел.

А ночью пели в тишине соловьи. Ночью глядели в окна звезды.

Владимир Ильич вдыхал чистый воздух. Понемногу здоровье его улучшалось. Спасибо Горкам! Владимир Ильич стал спать. Захотелось на деревенском воздухе есть. Прибавилось силы.

Медленно, крохотными шажками двигалась поправка. И все же за лето Владимир Ильич начал ходить, опираясь левой рукой на палку. Учился писать левой рукой. Упражнялся в восстановлении речи.

Учительницей была Надежда Константиновна. Дверь в комнату закрывалась во время урока, как в классе. Они были вдвоем. Никто не слышал, как вела Надежда Константиновна урок.

В доме немного повеселело. А как были счастливы все, когда раздавался смех Владимира Ильича! Ведь он был жизнерадостный человек. И смешливый. А теперь, когда здоровье прибывало, Владимир Ильич и вовсе радовался каждой шутке, умному слову, и приезду друзей из Москвы, и новой книге, и рыжим листьям в осеннем саду. Наступила осень тысяча девятьсот двадцать третьего года.

В октябре однажды Владимир Ильич пришел, опираясь на палку, в горкинский небольшой гараж и дал понять, что желает ехать в Москву. Выводите машину. Едем!

Надежда Константиновна с Марией Ильиничной ужасно разволновались.

— Да разве можно? Да чем это кончиться может?

И доктора были против.

Но Владимир Ильич был человеком настойчивым. Что решил, то решил.

Доктора и Надежда Константиновна с Марией Ильиничной в конце концов согласились.

Черный «роллс-ройс» выехал из усыпанного оранжевыми листьями парка и покатил в Москву. Не очень шибко покатил, остерегаясь ухабов.

Завиднелась Москва. Золоченые главы, белокаменные стены, дымы над фабричными трубами. Владимир Ильич при виде Москвы снял кепку, замахал над головой. Москва! Скорее в Кремль!

Сердце часто и сильно толкалось в груди, когда он перешагнул порог зала заседаний Совнаркома. Все было дорого здесь Владимиру Ильичу. Длинный стол под зеленым сукном. Плетеное кресло во главе

стола. Каждый час в этом зале был памятен!

Нечаянно взгляд упал на печку в углу, и Владимир Ильич рассмеялся. Вспомнил, как прятались за печкой курильщики. Курили, а дымок пускали в отдушину. Владимир Ильич решительно запрещал на заседаниях Совнаркома курить. Вот иному наркому станет невтерпеж, и улизнет за печку, и наслаждается там, пока председатель не застучит по столу карандашом.

Что-то строгое и нежное поднялось в душе Владимира Ильича. Он любил товарищей.

Владимир Ильич постоял, повспоминал и пошел в свой кабинет. И кабинет оглядел. При виде географических карт, портрета Маркса, телефонов на столе, книжных полок снова нахлынули мысли. Но Владимир Ильич не прощался. Нет. Он хотел жить и вернуться сюда.

Постоял. Поглядел. И приблизился к пальме. Большая тенистая пальма росла в кадке возле окна. Ветви у нее похожи были на раскидистые зонтики в жарких краях. Ее берегли. Владимир Ильич просил беречь эту пальму.

В детстве в симбирском их доме было много цветов. Такая же пышная, раскидистая пальма стояла в столовой. Точно такая, с вечнозелеными листьями.

Владимир Ильич притронулся к листьям...

Потом проехались по улицам, поглядели Москву. Потом поехали на Сельскохозяйственную и кустарно-промышленную выставку.

Первая советская выставка! Владимир Ильич непременно хотел ее посмотреть.

Выставку сделали на берегу Москвы-реки, у Нескучного сада. Раньше там были мусорные свалки. Свалки убрали. Разбили на месте их цветники. Построили павильоны. Вырос деревянный городок, хорошенький, словно из сказки.

Слишком еще помнили люди войну, холод и голод. Слишком все это было недавно. Оттого похожими на сказку были деревянные павильоны с узорами.

Еще больше сказкой казалось то, что можно было увидеть в павильонах,— россыпи золотой пшеницы и ржи, пирамиды толстенных капустных кочанов, горы розового скороспелого картофеля, арбузы и дыни — плоды полей и садов.

Было видно, оживает деревня.

И фабрики и заводы прислали свои изделия на выставку. Видно было, что и город оправляется от нищеты и разрухи.

Владимир Ильич возвращался из Москвы усталый, но полный душевного подъема, жизни.

И так остро, так сильно вспомнилось Надежде Константиновне выступление Ленина в Большом театре! Это было 20 ноября 1922 года. Это было последнее выступление его перед болезнью.

Ленин сказал: «...Из России нэповской будет Россия социалистическая».

Любовь к жизни

Сани неслись. Снег брызгал из-под копыт. Полозья визжали по скользкому следу. Солнце только зашло. Вполгоризонта полыхала заря. Но сумерки быстро надвигались, гуще разливалась синева по снежному полю, темнее вдали высился лес. И вот одна во все небо зажглась спокойная, высокая звезда.

Владимир Ильич возвращался с охоты. Ружье он держать еще не мог, лишь наблюдал, как другие охотятся. Но и это доставляло несравненную радость. Он любил охоту и все, что с охотой связано. Бродить по лесу, вслушиваться, вглядываться в лесную жизнь. Выслеживать зверя. И из ружья любил попалить.

Но бывали случаи, когда другой охотник непременно бы выстрелил, а Владимир Ильич нет. Один раз, тоже зимой, охотились на лисицу с флажками. Охотники обнесли значительную часть леса цепью из красных флажков. Там лисица. Она пугается красных флажков, ищет выхода. А выход оставлен, охотники шумом и криками гонят лисицу к выходу.

Владимир Ильич стоял с ружьем. «Эх, кабы повезло, подстрелить бы!» Вдруг просто чудо! Из-за елей прямо на него вышла лисица. Владимир Ильич замер. Она была так красива, ярко-рыжая на белом снегу, с острой мордочкой, великолепным пушистым хвостом! Шла прямо на ружье, все ближе. Владимир Ильич не выстрелил. Уж очень была она хороша! И день был хорош, как сегодня, снежный, яркий, сверкающий.

Владимир Ильич улыбнулся, вспомнив тот случай с лисой.

Как весело звенят полозья саней! Тихо приближается вечер. Заря медленно остывает, а над лесом, против зари, нарисовался светленький серпик.

Этот светленький серпик увидела и Надежда Константиновна дома из окна и сказала Марии Ильиничне:

— Сегодня будто праздник. Взгляни, и луна-то нынче особенная.

— У нас оттого легко на душе, что Володе лучше. Подумай, даже на охоту поехал, совсем замечательно!— ответила Мария Ильинична.

— А помнишь, как он на елке смеялся, почти как в прежние времена?

И они начали вспоминать недавнюю елку, которую зажигали в большом горкинском доме для детей совхозных рабочих и служащих, и Владимира Ильича у елки, его смех и доброту с ребятишками. И игру Марии Ильиничны на пианино, и как хорошо Владимир Ильич слушал. Только приятное хотелось им вспоминать в этот день.

Владимир Ильич возвратился из зимнего леса с румянцем во всю щеку. Чудесно блестели глаза. Морозный воздух, и охота, и езда на санях освежили и взбодрили его. Но полагается отдых. Таков был режим. Доктора глаз с Владимира Ильича не спускали. Пришлось лечь на часик в постель.

Пока Владимир Ильич отдыхал, Надежда Константиновна с Марией Ильиничной не переговаривались, а только остерегали одна другую, приложив палец к губам: «Тсс. Не разбудить бы».

И на душе у обеих была еще робкая, еще несмелая, тихая радость.

Они с надеждой глядели на будущее. Доктора обнадеживали. Один врач недавно сказал:

— Наверняка к весне вылечим.

А вечером Надежда Константиновна читала Владимиру Ильичу. Когда он стал поправляться, она каждый день читала ему «Правду».

А сейчас читала рассказ Джека Лондона.

Владимир Ильич сидел в кресле, задумчиво, чуть сощуренным взглядом глядел в окно.

Там в глубоком-глубоком снегу стоял старый парк. Парка не видно. Мороз заледенил стекла окон. Белые ветви папоротников причудливо распустились на окнах. Волшебные, как в детстве, ледяные цветы...

Рассказ назывался «Любовь к жизни». Через снежную пустыню пробирался человек, умирающий с голоду. Человек ослабел и уже не мог идти и полз по снежной пустыне. Рядом полз больной, тоже умирающий волк. Между волком и человеком завязалась борьба. Кто победит? Неужели волк? Нет. Победил человек. Невероятная жажда жизни влила в него силы. У человека была цель — корабль, видный уже на краю пустыни, у берега моря. Там жизнь. И он полз, полз.

Владимиру Ильичу страшно понравился этот рассказ. Надежда Константиновна понимала, что так взволновало его. Мужество. Упорство. Воля к жизни человека. Нельзя сдаваться. Никогда.

Владимир Ильич никогда не сдавался. Надежда Константиновна понимала его мысли и чувства, навеянные сегодняшним чтением. Мысли о возвращении к жизни, к труду.

Разве могла она в тот январский вечер подумать, что совсем мало осталось Владимиру Ильичу жить?

Страшный приступ болезни сразил внезапно, жестоко. И навсегда.

Ленин умер 21 января 1924 года, в шесть часов пятьдесят минут вечера, в Горках.

Встаньте, товарищи!

Много красноармейцев и партизан во время гражданской войны знало паровоз У-127. Всю войну он возил на фронт бойцов и орудия. А с фронта—раненых в тыл. Трудился без устали. Белогвардейские гранаты и пули нещадно хлестали его и калечили. К концу войны паровоз совсем был разбит. Вышел из строя.

Вспомнили о нем, когда советский народ начал восстанавливать в стране хозяйство. Тогда рабочие нашли на паровозном кладбище паровоз У-127 и решили: давайте-ка, братцы, подлечим его.

Хорошо подлечили. Паровоз У-127 вышел из ремонта, как новый. Рабочие-ремонтники были беспартийные, а новый свой паровоз, сработанный в неурочное время, отдали в дар коммунистам. И Владимира Ильича почетным машинистом избрали. Выписали Ленину расчетную книжку.

В скорбные дни, когда Ленин умер, этому паровозу было назначено везти из Горок в Москву траурный поезд.

Всю ночь, и весь день, и еще ночь из ближних и дальних деревенек и сел шли в Горки крестьяне прощаться с вождем.

Был жестокий мороз. Порывами налетал острый, режущий ветер. В горкинском парке стеклянно стучали, качаясь от ветра, ветви деревьев. Черные с красным полотнища обвили белые колонны «Большого дома». Дороги устлали еловые ветки. На снегу печально лежали цветы.

Гроб от дома до станции четыре версты несли на руках рабочие, крестьяне, коммунисты, товарищи, члены правительства. И паровоз У-127 повез горестный поезд в Москву.

Машинист Матвей Кузьмич Лучин двадцать один год водил поезда. Теперь он вел паровоз У-127. Без остановок шел поезд. Ровно в час надо привезти в Москву гроб с телом Ленина.

По сторонам вдоль всей железной дороги стояли крестьяне. Низко кланялись поезду.

А у одной станции тысячная толпа загородила путь. Хотели люди в последний раз на Ильича поглядеть, проститься.

Паровоз приближался с протяжным, тревожным гудком. Люди не трогались. Стояли без движения на рельсах. Плечом к плечу. Молча. Паровоз не дошел до станции, остановился, тяжело задышал. Машинист вышел из паровоза на лесенку.

— Товарищи! — сказал машинист. — На этом паровозе Владимир Ильич почетным был машинистом, напарником моим. Слово я дал Владимиру Ильичу никогда не опаздывать. Нынче приказано ровно в час быть в Москве. Помогите слово сдержать. Ильичу дано слово...

И заплакал. И люди заплакали. Расступились, открыли поезду путь.

Москва. Снова товарищи взяли на руки гроб с дорогим Ильичем. Медленным шагом сквозь тысячи безмолвных людей несли к Дому Союзов.

Вдруг где-то над крышами возник глухой шум. Нарастал, близился, заполнил все небо. И низко над шествием пронеслись аэропланы. И, словно белые голуби, полетели с аэропланов листочки. Люди ловили. Читали о Ленине.

И еще поставлены были на площадях деревянные щиты с биографией Ленина. Ведь Ленин был очень скромный. Ни за что не позволял писать о себе.

И вот его нет, и народ толпился у деревянных щитов и читал короткий рассказ о великой жизни, о нескончаемом подвиге Ленина.

Холодно, холодно. На московских улицах горели костры. Бесконечными вереницами двигались люди к Дому Союзов. День и ночь. Отогревались у костров. Снова шли. Или топтались на месте, чтоб не обморозить ноги, пока на шажок двинется очередь.

Москвичи и приезжие изо всех концов Советской страны. Русские и украинцы, армяне и казахи, белорусы, грузины... Иностранные коммунисты и рабочие.

В Доме Союзов в море цветов стоял гроб. Тихо звучала музыка. Тихо шли люди.

Похоронили Владимира Ильича в воскресенье 27 января, в четыре часа по московскому времени.

На Красной площади выстроили Мавзолей. Трое суток строили его в лютую стужу. Долбили, взрывали, оттаивали мерзлую землю кострами, копали котлован. И выросло строгое здание. Тогда было оно деревянным. Позже на месте его воздвигается величественный и торжественный Мавзолей из гранита и мрамора.

Утром 27 января сходились и съезжались на Красную площадь делегации от заводов и фабрик, из разных городов и советских республик, от иностранных коммунистических партий. С утра под январским студеным небом стоял на высоком помосте покрытый красными знаменами гроб Ильича.

Замер почетный караул. Замерла Красная площадь.

И вот кавалерийский эскорт пронесся карьером мимо гроба полководца первой в мире социалистической революции. И вот артиллерийские запряжки прошли крупной рысью, отдавая последние воинские почести Ленину.

И потянулись рабочие колонны и, приближаясь к помосту, приспускали до самой земли траурные флаги.

Ровно в четыре часа в городах и поселках, всюду, где было радио, раздался сигнал:

— Встаньте, товарищи! Ильича опускают в могилу.

Остановились станки. Стали машины. Стояли, склонив головы, люди. За границей рабочие прервали работу. Пять минут было молчание. А трубы заводов и фабрик гудели, гудели. Стали на всех путях поезда и гудели. Остановились в морях наши пароходы. Долгий, неутешный несся стон

над полями, и селами, и городами, и всей нашей Родиной.

Ледяной ветер метался по Красной площади. Плескал траурные полотнища и красные стяги. Морозил слезы на лицах.

Прогремел прощальный салют.

Гроб с телом Ленина опустили навсегда в Мавзолей.

Смеркалось. Близилась ночь. Людские колонны все шли через Красную площадь мимо Мавзолея, все шли...

Вишни цветут

Наступила весна. В горкинский парк прилетели грачи. Прилетели на родину и захлопотали над гнездами, устраивая жизнь, оглашая окрестности радостным гамом. И жаворонки прилетели. Высоко в бездонной голубизне неба лилась, не смолкая, песнь жаворонков.

Надежда Константиновна постояла у пруда. Она знала в парке все любимые места и дорожки Владимира Ильича.

Но был один уголок, который Владимир Ильич не успел увидать, а Надежда Константиновна любила сюда приходить. Пришла и сейчас. Села на скамейку. Задумалась, положив на колени руки в морщинах, с набухшими жилками.

Здесь цвели вишни. Они были совсем юные, эти тонкие вишенки с темно-красными, словно облитыми лаком, гибкими ветками.

Вишни цвели в первый раз, Владимир Ильич не успел увидеть их цвета.

В последнюю осень приехали к Владимиру Ильичу в Горки рабочие из Глуховской мануфактуры. Письмо от фабрики Владимиру Ильичу привезли и подарок — вот эти вишневые саженцы из фабричного сада.

Как обрадовался Владимир Ильич встрече с рабочими! Счастливым светом загорелись глаза!..

На прощание один старый рабочий сказал:

— Я рабочий, кузнец, Владимир Ильич. Я кузнец. Мы скуем все намеченное тобой.

И крепко обнял Владимира Ильича. Они постояли обнявшись. Через этого старого кузнеца Владимир Ильич как бы всему рабочему классу горячий привет посылал. А рабочий дал обещание Ленину.

— «Обещаем, Ильич, дорогой наш Ильич!» — повторяла Надежда Константиновна рабочую клятву.

Жужжали пчелы над вишнями...

Много весен миновало с тех пор, много лет.

Вишни в горкинском саду разрослись.

Выросло, возмужало созданное Лениным государство. Выросла созданная Лениным партия.

Бывали трудные времена, лихие и тяжелые годы. Вынесла все испытания Родина! Все крепче, сильнее и краше становится Советский Союз! На сотни тысяч верст в самых дальних краях нашей Родины горят лампочки Ильича. Электростанции, заводы и фабрики, космодромы, колхозы, совхозы, новые города, школы, театры...

Если бы мог увидеть Владимир Ильич!

Но, наверное, Ленин сказал бы:

— Не останавливайтесь. Не все достигнуто. Ведь наша цель — коммунизм.

Коммунизм — это справедливость и правда. Это общий труд на общее благо. Это бесстрашные дороги вперед и вперед в поисках нового. Это наша мечта о счастье и жизни, красивой и благородной.

Ленин показал нам к ней путь.

КОНЕЦ

КОСТРЫ НА ОСТРОВЕ
СТРОИТЬ МИР И САМОГО СЕБЯ
КНИГИ ДЛЯ ВСЕХ
ДЕМУРИ ЕДЕТ В ВЕНУ
КАК ОХОТИЛСЯ ЮРИЙ ГАГАРИН
ЧТО ДУМАЮТ УЧИТЕЛЯ?
ОГРАБЛЕНИЕ ГРАБИТЕЛЕЙ

СТРОИТЬ МИР И САМОГО СЕБЯ

Перед тем как открыться XVI съезду комсомола, газета «Комсомольская правда» напечатала много рассказов о комсомольских вожаках и рассказы комсомольцев о самих себе. Об участии их в больших стройках. О подвигах. Об успехах в учении.

Девятнадцатилетний рабочий Станислав Чекунов написал в газету о самом главном — о воспитании нового человека.

Станислав рассказал о том, как он приехал на громадную стройку и бродил там, беспомощный, непонимающий. Вокруг трудится множество народа; там рычит экскаватор, там взрывают скалу... Он смотрел на себя как бы со стороны и сердился. Какой-то он неприкаянный...

Станислав устроил себе строгий допрос: что ты знаешь? Чем интересуешься? И ему стало ясно: живет он не так, как надо. Уйди он завтра со стройки, никто этого не заметит. Значит, немногого он стоит, раз люди не ощущают его влияния, его присутствия.

Станислав наметил «план преобразования Станислава Чекунова в личность содержательную и полезную». Он исходил из верной мысли: человек — хозяин своей судьбы и волен строить самого себя.

Прежде всего Станислав решил стать нужным и полезным как можно большему числу людей. Пошел в комитет комсомола и попросил дать ему какое-либо важное дело. Ему поручили заниматься с подростками, а на стройке их 360 человек. Станислав взялся.

Подумал он и о том, что ему обязательно нужны знания. Он поступил в техникум, составил себе список книг, которые надо прочитать. Стал даже посещать университет искусств, хотел приобщиться к живописи, музыке. Жаль, что этот университет закрылся, и свое намерение Станислав исполнить не смог.

Станислав сказал себе: **«Скидки на возраст не делаю. Считаю унизительным оправдывать свое несовершенство молодостью. Поэтому всякий раз спорю, когда слышу якобы доброжелательное утешение: вырастешь — поймешь, куда, мол, спешить. Это утешение для ленивых и душой и мыслью».**

НА СЧАСТЬЕ ЛЮДЯМ

Демури едет в Вену

На международный конкурс работ молодых архитекторов представили свои проекты архитекторы из двадцати четырех стран. Главный приз получил Демури Элошвили, воспитанник Грузинского технического института имени Ленина. Он создал проект горного городка в жарком климате. Удобные, уютные дома лепятся по склонам гор, не заслоняя друг друга.

По условиям конкурса Демури, кроме премии, получил право в течение двух лет стажироваться в Австрии, в Венском проектном институте.

Библиотека одной семьи

В деревушке Тустатово (Мордовская АССР) всего тридцать домов. Жителей мало, поэтому своего клуба и библиотеки у них нет. Вскоре, правда, жители переедут на центральную усадьбу колхоза, там им будет хорошо. Но пока что скучно без книг.

У колхозника Кудашкина есть своя библиотека, и он решил ее открыть для всех. На его доме появилась вывеска, приглашающая всех, кто хочет, посетить его «общественную библиотеку». Сначала книги выдавал сын Павел. Когда Павел уехал учиться, библиотекарем стала дочка Валя. А когда Валя вышла замуж, ее обязанности взял на себя самый младший сын, Иван, помощник комбайнера.

Такая это хорошая семья...

КАК ОХОТИЛСЯ ЮРИЙ ГАГАРИН

Однажды старый егерь Константин Михайлович Куликов охотился вместе с Юрием Алексеевичем Гагариным. Они стояли рядом. Вдруг послышались крики загонщиков, загремел один выстрел, другой. Недалеко от Юрия Алексеевича пробежала лосиха с лосенком. Гагарин пропустил их. Затем на поляну выбежал сохатый с большими ветвистыми рогами. И на него Гагарин не поднял ружья.

Вслед за сохатым на поляну легкими, неслышными прыжками выскочила рысь. Гагарин выстрелил навскидку, и зверь упал замертво.

После охоты егерь спросил:

— Почему же, Юрий Алексеевич, вы не стреляли в рогача?

— Жаль было. Уж больно хорош!

Об этом случае егерь недавно рассказал журналисту Л. Гаврилову, а тот написал об этом в газете «Лесная промышленность».

ЧТО ДУМАЮТ УЧИТЕЛЯ?

В Новосибирске ученые недавно исследовали труд учителей. Среди вопросов, которые задавали учителям, был и такой: что новое появилось в вашей работе?

Одна учительница ответила так: **«Раньше ученики поднимали руки, когда мы повторяли пройденное. А теперь поднимается лес рук, когда я начинаю изложение нового материала. Каждый из них уже что-то слышал из того, что я собираюсь им рассказать».**

Ребята сейчас стали более развитыми, чем раньше.

за границей

Ограбили грабителей

Самолет английской компании «Селекшен траст» доставил во Фритаун драгоценный груз — алмазы, добытые в недрах африканской земли, в Сьерра-Леоне. Как только самолет приземлился, к нему поспешили полицейские и офицеры специальной службы безопасности.

Вдруг около автомобиля, куда перенесли груз, появились налетчики в масках. Раздались выстрелы, налетчики напали на конвой и, захватив ценнейшую добычу, умчались в автомобиле компании.

«Алмазное ограбление» наделало много шуму. И тут выяснилось, что сама-то почтенная «Селекшен траст» ограбила правительство Сьерра-Леоне. Алмазов, украденных на аэродроме во Фритауне, было в два с половиной раза больше, чем было объявлено компанией. Капиталисты скрыли, сколько на самом деле они добывают алмазов.

Только за один месяц они обокрали Сьерра-Леоне на целых семь миллионов долларов.

Так капиталисты грабят открыто и тайно.

Американские войска в Азии и Европе

Большая половина американских войск находится не в Америке, а в разных концах мира. В одном только Вьетнаме более полумиллиона американских солдат и офицеров. В тридцати трех странах стоят войска США. Военные базы США занимают сейчас площадь свыше четырех тысяч квадратных миль.

Это показывает, какую политику ведут США. Они душат свободу народов, силой навязывают им свою волю.

Вот поэтому американский империализм и называют международным жандармом.

Сведения эти сообщил американский журнал «Пэрейд».

Костры на острове

Остров Алькатраз — клочок скалистой земли в заливе Сан-Франциско. На нем стоит тюрьма. Несколько лет назад она была закрыта, потому что от времени пришла в негодность, разрушилась. Остров опустел, и там единственным жителем остался сторож Джон Харт.

Однажды он увидел, как из тумана, накрывшего бухту, выплыл катер. Несколько человек прыгнули с борта в воду и поплыли к острову.

Вылезшие на берег люди дрожали от холода. Подойдя к ошеломленному сторожу, один из них сказал:

— Мы представители индейцев.— И он начал представлять своих спутников:— Большая Голова — из племени навахо, Острая Стрела — мохаук, Волчий Глаз—пуэбло, Длинный Нож — ирокез, Светлая Вода — шошон, Воробьиная Лапа — юта... Этот остров теперь будет собственностью индейцев.

— Вы не имеете права,— сказал сторож,— это земля США.

— Имеем! Согласно договору, заключенному когда-то между племенем сиу и президентом США, если эта земля, купленная у индейцев, шесть лет не используется, она переходит опять во владение индейцев.

Тут же индеец предложил вернуть плату, которую они когда-то получили за этот остров: на 24 доллара бус, полотна, безделушек.

Об этом узнали тысячи индейцев. Со всех концов США они устремились к мрачному острову. Через три дня здесь уже было более трехсот человек — мужчин, женщин, детей. Они переправились на моторных лодках, плотах, надувных матрасах.

— Это первый клочок земли,— говорили они,— куда нас не загнали в принудительном порядке. Мы сами выбрали его и отсюда не уйдем.

Индейцы зажгли сотни костров. Это их ответ береговой охране, которая требует, чтобы индейцы очистили остров,— нет!

Сюда их пригнала нужда и отчаяние. Ведь все лучшие земли, которыми владели индейцы когда-то, американцы отняли у них. Индейцев сейчас и осталось-то всего полмиллиона. Их жизнь вдвое короче, чем жизнь белых,— так тяжелы условия, в которых они живут. Из полмиллиона индейцев только пять тысяч получили школьное образование.

Как развернутся события на острове Алькатраз, узнаем в дальнейшем.

Юрий СОТНИК

РАССКАЗ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

«На тебя вся надежда..»

Из-за переезда в новый дом мы не сняли дачу. Я, правда, побывал в пионерском лагере, но родители мои лето провели в городе. Только два раза они выезжали на природу, и каждый раз со мной в это время что-нибудь случалось.

Про историю с козлом я уже рассказал. Вторая история случилась в середине августа, когда папа только что получил отпуск. Знакомые предложили родителям отправиться дней на десять в байдарочный поход. Папа с мамой никогда на байдарках не ходили, им очень хотелось узнать, что это за удовольствие, но взять меня с собой они отказались.

— Дай мы сами научимся весла держать,— сказал папа.— Тогда купим на следующий год байдарку — будешь с нами плавать.

Снова родители стали советоваться, на кого меня оставить. В этот раз такой человек нашелся быстро. Мама поехала зачем-то в центр города и вернулась очень довольная.

— Все устроилось! Тетя Соня у нас поживет.

— Тетя Соня? Тихомирова? — слегка удивился папа.

— Ну, да! Я ее в автобусе встретила. Она сказала, что с восторгом переберется к нам и присмотрит за Лешкой.

— С восторгом? — тем же тоном переспросил папа.

Я тоже был несколько удивлен тем, что за мной будет присматривать именно тетя Соня и что она будет делать это с восторгом. Она была замужем за приятелем моего покойного дедушки. Папа знал ее с

детства, мама — тоже очень давно, но после смерти дедушки родители бывали у Тихомировых редко, а я последний раз виделся с тетей Соней, когда мне было лет шесть или семь.

Мама объяснила, почему тетя Соня пришла в такой восторг. К ее мужу приехала куча родственников из Хабаровска, и она вынуждена была готовить на них, да мыть посуду, да водить их по магазинам. Теперь она скажет, что у нее заболел кто-то из близких, что она должна уехать, и пусть эти родственники сами моют посуду.

— Она уверена, что поладит с Лешей,— добавила мама.— Она говорит, что у нее прирожденный педагогический талант.

— А у самой детей не было,— заметил папа.

— Хорошо! — рассердилась мама.— Что тебе, собственно, не нравится? Ну, пусть она преувеличивает и у нее нет педагогического таланта. А у кого из наших близких он есть?

Папа не ответил, а мне было все равно, кто за мной будет присматривать и есть ли у него педагогический талант. Я слишком был огорчен, что меня не берут в поход.

Всю вторую половину дня накануне отъезда папа с мамой ползали на четвереньках среди разложенных по полу вещей, все время что-то теряли, то и дело ссорились. Я тогда не читал еще «Трое в одной лодке» и не знал, что все туристы так собираются в путь.

Часов в восемь раздался звонок.

— Тетя Соня,— сказала мама, и мы все пошли в переднюю.

Я слышал, что тете Соне около шестидесяти, но выглядела она моложе. У нее были светло-желтые, кудряшками, волосы и короткое пестрое платье. Молча сжав красные губы бантиком, она подставила маме для поцелуя одну щеку, папе — другую. Затем она наклонилась ко мне и ткнула себя пальцем куда-то рядом с узким напудренным носом.

— Целуй сюда! — сказала она и снова сжала губы бантиком.

Я вяло чмокнул ее. Тетя Соня прошлась по передней, заглянула в одну комнату, в другую.

— Блаженство,— сказала она без всякого выражения.

— Что? — не понял папа.

— После того кошмара, который у нас в доме, здесь рай.

Мы вошли в комнату. Тетя Соня села на стул, вынула из сумочки плитку шоколада.

— Алеха!.. Это тебе.

Я взял шоколад, поблагодарил. Тетя подняла указательный палец.

— Но только, Леха, уговор: пока я здесь, ты будешь получать сладкое только после обеда и после ужина.— Склонив голову набок, она посмотрела на меня круглыми светло-серыми глазами.— Ну как, лады?

— Угу,— промычал я. Что-то не понравилось мне это «лады» и вообще манера тети Сони разговаривать со мной. А она протянула руку и сказала:

— Молодец! Давай лапу на уговор!

Это мне тоже не понравилось, но я пожал ее руку. Покосившись на папу с мамой, я заметил, что они переглянулись.

Больше в тот вечер тетя Соня со мной не разговаривала. Меня послали гулять с Шумкой, а потом уложили спать.

На следующее утро тете Соне было не до меня. Она спрашивала маму, где лежит мое белье, как варить кашу «геркулес» (ей никогда не приходилось этого делать), по какому адресу сообщить, если со мной случится что-нибудь особенное. На это мама сказала, что она сама будет звонить из каждого поселка, где есть переговорный пункт.

Папа сходил за такси и приехал в нем во двор к нашему подъезду. Антошка Дудкин, Аглая и рыжие Зинка и Васька Брыкины подошли к машине и стали смотреть, как в нее засовывают рюкзаки, авоськи, удочки и таксу Шумку. (Родители решили ее взять с собой.)

— Лешк! Куда едешь? — спросил Дудкин.

— Никуда,— ответил я.

— Опять один остаешься? — спросила Аглая.

— Нет, голубчики,— сказала мама. — Теперь мы ученые, больше вы нам в квартиру козла не притащите.

— А мы и не собираемся,— буркнула Аглая, и все четверо отошли от машины.

Родители поцеловали меня, тетю Соню... Такси двинулось и скоро исчезло за воротами.

Вот тут тетя Соня за меня и принялась.

— Лешка! Пошли к Антону,— сказала Аглая.— Ему белых крыс подарили.

Машинально я двинулся к ребятам, но тут услышал за спиной очень негромкий голос тети Сони:

— Алеша, можно тебя на минуточку?

Я вернулся, подошел к ней.

— Понимаешь, какое дело, Алеха,— почти шепотом проговорила она.— Нам нужно серьезно потолковать. Идем, а?

Я сказал ребятам, что скоро вернусь, и пошел за тетей Соней наверх. В кухне она села спиной к окну, положила ногу на ногу, чиркнула спичкой, затянулась сигаретой и заговорила:

— Слушай, Леха... Ты парень взрослый, голова у тебя работает — во! (Она показала большой палец.) Значит, мы можем говорить как человек с человеком. Ага?

— Ага,— промычал я.

— Так вот, я хотела тебя спросить: как ты расцениваешь свой поступок?

— Какой поступок?..

— А вот сейчас, во дворе...

Я молчал, обалдело глядя на эту странную тетку. А тетка отвела руку с сигаретой далеко в сторону, и тоже молчала, и тоже смотрела на меня круглыми светлыми глазами со слипшимися от краски ресницами.

— Я... я не помню никакого поступка,— пробормотал я.

— Очень жаль! — молвила тетя Соня и снова застыла, сжав губы бантиком.

Я взмок от напряжения, но так и не понял, что ей от меня надо.

— Хорошо. Я тебе подскажу,— смилостивилась, наконец, тетя Соня.— Вот тебя ребята позвали смотреть белых крыс. Я понимаю, крысы, конечно, дело важное, но я-то все-таки не пустое место. А?

Тут я молча кивнул.

— А как же ты поступил? Тебя позвали, и ты, не оглянувшись на меня, не спросив, как я к этому отнесусь, взял да и пошел к ребятам. Словно и нет меня. По-товарищески это, как ты полагаешь?

Я совершенно не понимал, что в моем поступке могло быть нетоварищеского, но на всякий случай качнул головой.

Тетя Соня затянулась сигаретой, выпустила дым.

— Так что же, по-твоему, теперь надо делать?

— Попросить прощения,— в страшной тоске промямлил я.

— Умница! — воскликнула тетя Соня.— Давай лапу! Я была уверена, что мы с тобой душа в душу заживем.

— Лешка! Ну, скоро ты? — донеслось со двора.

Я уже знал, как надо себя вести.

— Тетя Соня, можно я пойду?

— К этим самым... крысам? — Тетя Соня помолчала.— Крысы, я понимаю, это очень интересно, только знаешь, что я тебе скажу? Давай такой уговор: сначала дело, а потом развлечения. Ага?

Я спросил, какое дело она имеет в виду.

— А дело оч-чень, оч-чень важное. Мы сейчас займемся составлением распорядка дня.

Я не стал возражать. Я пошел в комнату, лег на подоконник и сказал ребятам, что к Антону не пойду.

— Эта... длинноносая не пускает? — приглушенно спросила Аглая.

Я молча кивнул.

Тетя Соня так увлеклась составлением распорядка дня, что забыла приготовить обед, и мы пообедали «геркулесом», сваренным, правда, на молоке. Теперь, согласно «распорядку», я мог гулять только два часа перед обедом и столько же перед ужином, а остальную часть дня мне предстояло заниматься «осмысленным времяпровождением». Под этим тетя Соня подразумевала утреннюю гимнастику (я ее и так делал), уборку своей комнаты, мытье чайной посуды (столовую посуду тетя Соня взяла на себя), повторение пройденного в школе, чтение художественной литературы (два часа), послеобеденный отдых (один час). Где-то между этим отдыхом и вечерней прогулкой тетя Соня написала: «Свободное время». Но потом она спросила меня, чем я люблю в свободное время заниматься. Я сдуру ответил, что люблю мастерить, что сейчас клею из картона фрегат. Тут тетя Соня зачеркнула «Свободное время», а сверху написала: «Труд».

Я попытался объяснить, что уже сделал всю домашнюю работу, которую получил на лето, пытался втолковать тете Соне, что я люблю читать, но привык это делать, когда мне захочется, пытался я возразить и против пункта о прогулках... Тетя Соня долго смотрела на меня, склонив голову набок, потом проговорила:

— Лешка!.. Ты слышал когда-нибудь о знаменитом русском ученом Павлове?

— Слышал,— сказал я.

— Что же ты слышал?

— Он делал опыты с собаками... и еще там... эти... рефлексы всякие.

— Правильно! — сказала тетя Соня.— Так вот этот академик Павлов в журнале «Здоровье» недавно написал, что для человека имеет колоссальное значение строго размеренный ритм жизни.— Тетя Соня закурила очередную сигарету.— Леха! Ты же совершенно взрослый парень! Совершенно! Ты же не можешь не понимать, что папа с мамой тебя немного разболтали. Верно ведь? Да?

Я промолчал.

— Так вот, давай устроим папе с мамой сюрприз. Они вернутся и не узнают своего сына: подтянутый, дисциплинированный, словом — во человек!

Я спорить не стал. Я не додумался, а просто почувствовал, что это бесполезно.

Из-за составления распорядка дня мне перед обедом погулять не пришлось. Не удалось и почитать: это положено было делать перед дневной прогулкой. Зато сразу же после обеда я начал жить в строго размеренном ритме: мне пришлось достать подушку, плед и лечь на диван. Читать в это время не разрешалось.

Я лежал, смотрел в потолок и думал об академике Павлове. Почему-то мне казалось, что он давно умер, а он, выходит, жив и пишет в журнале «Здоровье». Я удивлялся: неужели и он читает художественную литературу только в строго определенные часы, даже тогда, когда читать ему совсем не хочется? Что-то, казалось мне, здесь не так.

Через час в комнату вошла тетя Соня; вскинув голые руки к потолку, она весело закричала:

— Подъе-о-ом! — И тут же спросила: — Итак, чем сейчас будем заниматься?

— Трудом,— вздохнул я.

— Умница! — сказала тетя Соня и исчезла.

Убрав подушку и плед, я сел за маленький столик, над которым висели кое-какие инструменты и на котором стоял остов моего фрегата.

Как сделать его, меня научил папа. Я уже вырезал из картона киль и приклеил к нему округлые картонные шпангоуты. Края шпангоутов были часто надрезаны и загнуты так, чтобы к ним можно было приклеивать обшивку, состоящую из множества узких тоже картонных полосок. Часть обшивки была уже готова, оставалось доделать примерно две трети.

Без всякого удовольствия наклеил я одну полоску, другую... Но потом я вспомнил, что мне надо еще сделать в бортах люки для пушек. Мне стало вдруг интересно, и я принялся за работу уже с увлечением.

Дверь открылась, вошла тетя Соня.

— Молодец малый! — сказала она и, придвинув стул, подсела к столику.— До чего приятно смотреть на человека, который не собак гоняет, а что-то такое создает, соображает что-то такое...

Я скрючился над своим столиком. Тетя Соня долго рассказывала, какие ценные качества развивают в человеке занятия трудом, а я все макал да макал кисточку в клей и все водил да водил этой кисточкой по одной и той же картонной полоске, лежащей на старой газете.

Вдруг тетя Соня переменила тон:

— Между прочим, Леха, я подметила в тебе одну слабую черту.

— Какую? — не поднимая головы, спросил я.

— Ты работаешь старательно, но уж очень медленно. Ты подумай: я уж сколько здесь сижу, а ты все мажешь, мажешь эту штучку... А когда же приклеивать? Надо так: намазал — приклеил, намазал — приклеил!.. Ну? Ты согласен со мной?

Я перестал мазать и начал приклеивать полоску картона к этому распроклятому кораблю.

Когда я вышел гулять, во дворе на лавочке сидели Аглая и Антошка Дудкин. Дудкин спросил меня, почему я все время торчу дома.

— Небось, эта тетка не пускает,— сказала Аглая.— Кто она тебе?

Как я ни сдерживался, а все-таки начал всхлипывать. Аглая и Дудкин встревожились.

— Чего это с ним?

— Лешка! Ты чего?

— Из-за вас все это...— проплакал я.

— Что из-за нас?..

Я напомнил им, как родители попробовали оставить меня на целый день одного. Если бы тот день прошел благополучно, они убедились бы, что я прекрасно могу жить самостоятельно, но Аглая уговорила меня спрятать в квартире живого козла, предназначенного для спектакля, и вот теперь родители мне не доверяют. Я поведал, как «эта тетка» мне вздохнуть не дает, рассказал про распорядок дня, про занятия трудом. Увлекшись, я даже приврал, что тетя Соня ходит за мной по пятам, подглядывает и все время читает мне нотации.

— Чокнутая какая-то! — сказала Аглая.

— А у тебя что, языка нет? — спросил Дудкин.

— Какого языка?

— А вот такого! Чтобы сказать: «Я вам не маленький, и нечего вам командовать. Буду жить, как при родителях жил, и все! И не привязывайтесь!»

Этот совет засел у меня в голове, но ни в тот день, ни на следующий я не решился его выполнить. Я взбунтовался лишь на третий день после отъезда родителей.

Утро началось как обычно. Тетя Соня усадила меня за повторение пройденного. Я положил перед собой учебник географии, которую знал назубок, и, как только тетя Соня ушла в продуктовый магазин, взялся читать «Приключения Тома Сойера». Тетя Соня вернулась, проверила меня по учебнику, похвалила и ушла в кухню, напомнив, что теперь я должен заниматься чтением художественной литературы.

Я не возражал. Я как раз дочитал до того места, где Том и Гек решают отправиться ночью на кладбище сводить бородавки. До сих пор «чтение художественной литературы» было для меня самым приятным пунктом в распорядке дня. Тетя Соня готовила в это время обед и ко мне не заходила. Однако на этот раз все получилось иначе.

...По спине у меня ползали мурашки, в животе было холодно. Я читал, как на кладбище, где притаились мальчишки, явились гробокопатели: индеец Джо, Мефф Поттер и доктор Робинсон. «Теми же лопатами они подняли крышку, выволокли мертвеца и бесцеремонно бросили его на землю»,— прочел я.

— Умница! — послышался голос тети Сони. Она стояла в дверях, скрестив руки на груди.— Я вот уже минут пять наблюдаю за тобой и вижу, что ты читаешь не абы как, а внимательно, с интересом... Вот так всегда читай! Чтение только ради чтения никакой пользы не приносит.— Она подсела к столу (совсем как тогда, с фрегатом!) и взяла книгу.— «Приключения Тома Сойера». Должно быть, очень интересно. Да?

— Ты, Леха, ничего не замечаешь? — спросила тетя Соня.

Я понял, что тетя Соня «Тома Сойера» не читала, а она полистала книгу и спросила:

— Ну, кто тебе из героев больше нравится: Бекки Тэчер или этот... как его?.. — Она снова полистала книгу.— Или индеец Джо?

— Бекки Тэчер,— прохрипел я, начиная дрожать от злости.

Тетя Соня положила книгу, поставила локти на стол и подперла подбородок тыльной стороной ладоней.

— Ну, давай расскажи мне содержание. Мне хочется знать, как ты усваиваешь прочитанное.

Я молчал. Я слова не мог вымолвить.

— Погоди! Не рассказывай! — вдруг воскликнула тетя Соня. Ее осенила новая идея. Она велела мне взять чистую тетрадку и надписать: «Дневник чтения». Когда я выполнил это, она поднялась.— Теперь я пойду готовить обед, а ты продолжай читать. Когда дочитаешь, запиши фамилию автора, название и краткое содержание. Идет?

Я слез со стула и тихо сказал:

— Не буду я записывать.

— Что? — переспросила тетя Соня.

— Ничего я не буду записывать,— повторил я уже громче.—И... и вообще я сейчас пойду гулять.

Тетя Соня слегка попятилась, сцепила пальцы перед грудью и уставилась на меня.

— Алексей!.. Я хотела бы знать, что за тон и что это значит: «Я пойду гулять?»

— А то и значит: пойду гулять, и все!— Крикнув это, я выбежал в переднюю и там обернулся.— И вообще... и вообще буду делать, что хочу. Вот! И не привязывайтесь!.. Вот!

Тетя Соня повернулась в сторону передней, но ничего не ответила.

Ребята во дворе вполне одобрили мой бунт. Всю первую половину дня я проболтался вместе с ними, но так и не запомнил, во что мы тогда играли, о чем говорили. Я думал о том, как вести себя, когда вернусь домой.

Однажды Аглая зашептала:

— Лешк! Смотрит. На тебя смотрит!

Оглянувшись, я увидел в окне тетю Соню. Она вытирала тарелку и смотрела на меня с каменным лицом. Я поспешил отвернуться. Когда я снова покосился на окно, тети Сони уже не было.

Но вот ребята разошлись: настало время обедать. Поплелся домой и я. Открыл дверь своим ключом, вошел в переднюю на цыпочках, надеясь проскользнуть к себе в комнату бесшумно, только ничего не получилось.

— Можешь идти обедать,— сказала тетя Соня из кухни.

Вымыв руки, я вошел в кухню и сел перед тарелкой с красным борщом. Тетя Соня сидела напротив. Перед ней тоже стоял прибор, но в тарелке у нее ничего не было.

Ел я без аппетита. Прошло, наверное, минут десять, пока я одолел полтарелки. Все это время тетя Соня сидела напротив меня, подперев подбородок руками, и не шевелилась. Но вот она негромко спросила:

— Ты ничего не замечаешь?

Я посмотрел на нее, на ее пустую тарелку и ответил:

— Замечаю.

— Что же именно ты замечаешь?

— Что вы ничего не едите.

После этого тетя Соня молчала еще минуты две, потом заговорила:

— Так вот, Алексей: я никогда детей не наказывала и наказывать не стану. Таков мой принцип. Но имей в виду: я до тех пор ничего не буду есть, пока ты не извинишься передо мной и не начнешь вести себя, как мы уговорились. Дошло?

Я так и застыл с полной ложкой во рту. Уж казалось, я испытал на себе все приемы, к которым прибегают взрослые, воспитывая детей: мне делали ласковые замечания, читали строгие нотации, со мной часами не разговаривали, меня наказывали по-всякому, папа раза два даже угостил ремнем... Но чтобы из-за меня объявляли голодовку, такого я еще не знал.

Я проглотил наконец ложку борща и стал думать, как быть. Не извиняться, согласиться на то, чтобы тетя Соня продолжала голодать, что-то в этом было нехорошее. Но если я попрошу прощения, мне сегодня же придется в обязательном порядке клеить фрегат. И вдруг меня осенило. Я вылез из-за стола и сказал:

— Я тоже не буду есть.

Тетя Соня выпрямилась и приоткрыла рот. Как видно, такого хода с моей стороны она не ожидала. Но она очень скоро пришла в себя и холодно отчеканила:

— Не ешь.

У себя в комнате я лег на диван и натянул плед на голову. Это я проделал на тот случай, если тетя Соня вздумает войти и завести разговор. Но она не вошла.

Я лежал и подсчитывал, сколько же мне еще осталось терпеть. Выходило: не меньше недели. Я представил себе три байдарки, скользящих вдоль зеленых берегов водохранилища, а в одной из них — папу с мамой. Они плывут себе, переговариваясь с друзьями, по вечерам ставят палатки и, наверное, подолгу болтают у костра... И, небось, они воображают, что мне очень даже хорошо с этой шалой теткой, возомнившей себя великим педагогом. Они там развлекаются в свое удовольствие, а мне вот мучайся из-за них.

Я всхлипнул. Я почувствовал, что сердце мое ожесточилось. Мне захотелось выкинуть что-нибудь такое, что мама с папой надолго бы запомнили. Одним словом, мне захотелось проучить своих родителей и эту самую тетю Соню.

Я откинул плед, посмотрел на часы. Прошло минут тридцать, как я лег. В квартире не было слышно ни звука. Нет!.. Какой-то звук все-таки доносился из соседней комнаты: вроде бы похрапывание... Я встал, прошел в одних носках в переднюю. Дверь в соседнюю комнату была приоткрыта...

Так и есть! Тетя Соня лежала на тахте и спала. Рядом с ней на полу валялась книга и стояла пепельница, в которой еще дымился окурок.

Примерно еще через полчаса я вышел из подъезда. На мне было драповое пальто, зеленая вязаная шапка и шерстяные брюки. Под мышкой я держал школьный портфель. В нем навалом лежали шесть котлет, граммов триста колбасы, «Приключения Тома Сойера», полбатона, полпачки сахара и куча сухарей, которые мама сушила в духовке на котлеты. Сухарей было так много, что портфель из-за них не запирался.

Под аркой ворот я встретил Аглаю. Она несла в авоське пакеты с молоком. Увидев меня, она застыла, поставив исцарапанные ноги носками внутрь.

— Чего это ты? Как на Северный полюс...

Я всегда чувствовал, что Аглая относится ко мне свысока, считает меня размазней или маменькиным сынком. Вот теперь она поймет, с кем имеет дело! Я остановился и, понизив голос, сказал загадочно:

— Ничего! Зато вот ночью мне не будет холодно.

— Как это... ночью?

— А вот так! Никому не скажешь?

— Чего не скажу? Вот тебе честное — никому! А что такое?

— Я из дому убежал.

Аглая неподвижно смотрела на меня черным глазками. Одна растрепанная коса свисала ей на грудь, а другая была за спиной.

Под аркой ворот я встретил Аглаю.

— Вот... да-а-а! — протянула она тихо.— Насовсем?

— Насовсем. То есть... пока родители не вернутся.

— Тебя эта тетка довела?

Я кивнул. Аглая разглядывала меня так, словно мы только что познакомились.

— Вот... да-а-а! — снова протянула она в раздумье.— А где ты жить будешь?

Я сказал, что днем буду скитаться по улицам, а ночевать в парке на лавочке. Не зря я так тепло оделся.

— Тебя в милицию заберут.

— Ну и пусть. Так ей и надо.— Я имел в виду не милицию, а тетю Соню.

— А если простудишься и помрешь?

— И пожалуйста! В другой раз они будут знать.

— Кто они?

— Родители.

— Во дурной! Да ведь другого раза тогда уже не будет: ты ведь помрешь!

Я промолчал. Я почувствовал, что тут не все до конца мной продумано.

Аглая замотала головой.

— Лешка, не! В парке на лавочке — это все глупости... Гляди, какая туча, и еще по радио говорили — сегодня похолодание и дождь. Лешка, знаешь что? Иди пока в «ущелье» и там жди. Я молоко снесу, ребят позову, и мы что-нибудь придумаем... Мы над тобой шефство возьмем: спрячем и будем тебе пищу носить и все такое...

Аглая убежала, а я остался под аркой, слегка ошеломленный.

Уходя из дому, я рисовал перед собой такую картину: вечер... людная, освещенная фонарями улица... куда-то спешат веселые, беззаботные прохожие... А недалеко, в пустом и темном парке, лежит на скамейке бесприютный мальчик. У меня даже в горле першило от очень приятной жалости к себе. Теперь все получалось не так трогательно, зато куда интересней. Вся Аглаина компания узнает, какой я отчаянный. Все они будут волноваться из-за меня, хлопотать, шушукаться, и сама Аглая будет заботиться о моем пропитании.

«Ущельем» назывался узкий тупичок между бетонным забором нашего двора и большой трансформаторной будкой. Я пробрался в него через весь двор, держась под самой стеной дома, чтобы тетя Соня не увидела из окна. Во дворе сидели на лавочках старушки, перед ними играли малыши, но никто не обратил на меня внимания.

В «ущелье» стоял какой-то старый ящик. Я положил на него портфель, снял пальто, шапку и стал прохаживаться, ожидая ребят. Я решил держаться перед ними очень хладнокровно, как будто побег из дому — для меня самое плевое дело.

Прошло минут двадцать. Я забеспокоился: вдруг Аглаю почему-либо задержали родители? Но только я об этом подумал, как в мой тупичок вбежало четверо: Зина и Васька Брыкины, Аглая и Антошка.

— Лешка, порядок! — объявил Дудкин.— Аглая мне сказала. У меня сразу мозги завертелись, и я в момент все придумал.

— У тебя квартира будет шикарная,— пояснила Аглая.— Четыре комнаты, кухня и два телефона.

— Только ты смотри, ничего не трогай,— сказала Зинаида.

— Ага! — кивнул Васька.— А то нам, знаешь, как попадет!

Он и его сестра были двойняшки и очень походили друг на друга: оба рыжие, круглолицые, оба в веснушках и почти без бровей. Но характеры у них были разные: Зина властная, деловитая, а Ваську ребята часто звали «лопухом»: он только поддакивал сестре да во всем подчинялся ей.

Я ничего не понял. Какая квартира? Какие комнаты? Какие там еще телефоны?.. Но постепенно мне все объяснили. На одной площадке с Брыкиными была квартира профессора Грабова. Сейчас профессор с семьей жил на даче, а ключи от его квартиры были оставлены Брыкиным, которые взялись поливать цветы в горшках на подоконниках. Вот в этой квартире мне и предлагали поселиться. Поливкой цветов занимались Зина и Вася. Два ключа, связанные тесемочкой, болтались сейчас на указательном пальце Зинаиды. Она сказала:

— Я бы ни в жизнь не согласилась, если бы не Антон. Он говорит, что ты из-за нас страдаешь.

— Ага,— кивнул Вася.— Из-за козла.

Я как-то скис. Ночевать в пустой чужой квартире показалось мне страшнее, чем ночевать в парке. Но признаться в этом не захотел и попытался выкрутиться другим способом. Я поблагодарил и сказал, что не хочу подводить Зину и Васю: ведь им может попасть из-за меня.

— Да откуда им попадет! — воскликнула Аглая.— Ты, главное, сиди тихо, свет не включай и ничего не трогай. Тогда никто ничего и не узнает.

Услышав «свет не включай», я еще больше скис. Я сказал, что тетя Соня может обратиться в милицию, оттуда пришлют собаку-ищейку, и она найдет меня по следам. Зинаида помрачнела.

— Тогда отец с меня шкуру сдерет.

— С меня тоже,— сказал Вася.

— Придумал! — вскричал Антон.— Ни одна собака его не найдет! Мы с Васькой его на руках отнесем, и он никаких следов не оставит.

— На четвертый этаж? — усомнилась Аглая.

— А чего? Мы только до лифта. А там — чуток подержать его на руках, и лифт нас поднимет.

Всем понравилась эта идея, и я понял, что мне уже не отвертеться. Девочки взяли мой портфель и пальто. Вася и Антон скрестили руки, и я сел на них, обхватив мальчишек за шеи. Они двинулись по двору мелкими шажками. Девочки шли рядом, загораживая меня от малышей и старушек.

— Как бы в подъезде... как бы в подъезде на кого не нарваться!— прокряхтел Дудкин.

Дверь подъезда, как всегда, была открыта только на одну створку. Антону с Васькой пришлось попыхтеть, втаскивая меня боком. Нам повезло: в подъезде мы никого не встретили, и кабина лифта оказалась внизу. Зина побежала наверх пешком, Антошка с Васькой внесли меня в лифт, за нами вошла Аглая. Она закрыла двери и нажала кнопку. Зина взбежала на четвертый этаж почти одновременно с нами. Тяжело дыша, она открыла сначала внутренний замок, потом английский.

— Тащите!— прошептала она.

Дудкин с Васькой снова запыхтели, протаскивая меня боком в дверь. Войдя в переднюю, Антон споткнулся о резиновый коврик для ног, и мы все трое грохнулись на пол. Девчонки юркнули за нами и бесшумно закрыли дверь.

— Вроде тощий, а какой тяжелый!— заметил Дудкин, подымаясь и потирая голову над ухом.

Отдышавшись, мы пошли осматривать мое новое жилище. Тут действительно было четыре комнаты: кабинет профессора, спальня профессора и его жены, комната их взрослой дочери и ее мужа и еще большая общая комната вроде гостиной. Мебель везде была новая, низкая, и только в спальне стояли две старомодные кровати никелированными спинками к двери. На них Зинаида обратила мое особое внимание:

— Ты, если услышишь три звонка, не бойся: это значит, я пришла или Вася. А если услышишь, кто-то без звонка входит, сразу под кровать ныряй: это значит, мама пришла или еще хуже — отец.

Получил я и другие инструкции. Мне велено было держать пальто и провизию где-нибудь под кроватью, чтобы в случае тревоги не оставить где-нибудь на виду. Меня предупредили, чтобы я не зажигал электричества даже в передней и в коридоре, потому что двери в комнатах застекленные и свет будет заметен со двора. Потом все собрались уходить.

— Я тебе сегодня горячий ужин принесу,— сказала Аглая.— Я сразу пять звонков позвоню, и ты открой. А то для желудка вредно без горячей пищи.

Оставшись один, я присел на тахту в большой комнате. Конечно, это очень здорово, что Аглая принесет мне горячий ужин, но сидеть одному было скучновато, и вообще меня смущала мысль о том, что я буду тут делать, когда стемнеет. Когда же я подумал о ночи, которую мне придется провести, не зажигая света в этой огромной квартире, мне совсем стало тошно.

Я решил еще раз осмотреть квартиру, заглянул в кухню, в комнату дочки профессора, зашел в его кабинет. Там две боковые стены от пола до потолка были заняты некрашеными полками с книгами. Я прошел вдоль левой стены, читая названия на корешках. Там все было что-то научное, как я понял, медицинское. Я перешел к полкам на противоположной стене и начал двигаться от окна к двери. Здесь попадались книги, которые были и у нас: Достоевского, Чехова, Паустовского... Я стал высматривать, не попадется ли что-нибудь приключенческое. Нет, ничего не попалось.

Двери из гостиной были распахнуты внутрь кабинета. Одна из створок закрывала от меня самые крайние книги. Я потянул к себе створку и... тут же скакнул назад. В углу на полке, вровень с моей физиономией, стоял грязно-желтый человеческий череп. Нескольких зубов у него не хватало, а во лбу над черной глазницей чернела неровная дыра.

Даже когда я был маленьким, меня нельзя было напугать ни Бабой-Ягой, ни Кощеем Бессмертным, ни другими сказочными страшилищами. Но всего, что связано с мертвыми, я боялся до судороги.

Я выскочил в большую комнату. Я знал теперь одно: надо сматываться отсюда. Но только я об этом подумал, как услышал, что кто-то открывает входную дверь без всяких предварительных звонков. Я влетел в спальню и так стремительно бросился на паркет, что на полтуловища въехал под кровать юзом. Едва я заполз туда целиком, послышались шаги и знакомый голос:

— Лешка! Эй! Это мы пришли.

Я вылез и увидел Зину с Васькой. Они объяснили, что не позвонили нарочно: хотели проверить, как я умею прятаться.

— Топаешь очень,— сказала Зина.— Ты ботинки сними.— Она присмотрелась ко мне.— Во, бледный какой! Испугался, да?

— Ага!— кивнул Васька.— Он испугался, когда мы вошли.

— Нет, я не испугался,— заговорил я быстро, осененный прекрасной идеей.— Я, знаете... Мне что-то очень нездоровится... У меня, наверное...— Я помолчал, стараясь придумать такую болезнь, чтобы ребята сами поняли: мне надо немедленно вернуться домой и лечь в постель. Но придумать я ничего не успел: один за другим прозвенели пять звонков.

— Наши!— сказала Зина. Брат и сестра побежали открывать.

Я за ними не последовал, а только вышел в большую комнату.

Это пришли Аглая, Дудкин и еще один мальчишка — Юра Кузнецов. Взрослые говорили, что это самый интеллигентный мальчик в нашем доме. Он был чуть постарше меня, всегда спокойный, вежливый, аккуратно одетый. Когда наши решили похитить козла для своего спектакля, он единственный отказался участвовать в этом мероприятии.

— Лешка!— возбужденно заговорила Аглая.— Мы рассказали все Юре... И он такое придумал!.. Ты, может быть, уже сегодня вернешься домой, а тетка эта самая будет перед тобой на задних лапках ходить!

— Ультиматум ей надо послать,— вставил Дудкин.

— Что? — не понял я.

— Ультиматум,— повторила Аглая.— Юр!.. Объясни ему!

Юра стал прямо передо мной и заговорил как можно убедительней:

— Слушай! Чего ради тебе торчать в этой квартире целую неделю?

У меня сразу стало очень хорошо на душе. Две минуты назад я ломал себе голову, под каким бы предлогом унести отсюда ноги, а тут меня самого убеждают, что торчать мне здесь вовсе не нужно. Но я промолчал, а Юра продолжал меня уговаривать:

— Во-первых, ты здесь умрешь от скуки. Да еще без свежего воздуха. Во-вторых, что если профессор возьмет да и приедет с дачи!.. Ты прогноз слушал? Похолодание и дожди до последней пятидневки месяца.

— Ой, граждане!— заговорила Зина.— Профессор наверняка приедет, если дожди... Лешка! Ты уж, так и быть, эту ночь переночуй, а завтра иди еще куда-нибудь. А то нам такое будет!

— Да он сегодня еще уйдет. Не мешай! — сказал Антон, и Юра продолжал:

— Ну, вот! А с другой стороны, твоя тетка тоже не заинтересована, чтобы ты пропадал. Ты пойми ее положение: ей поручили присматривать за ребенком, а ребенок взял да смылся!

Короче говоря, когда Юра объяснил мне, что такое ультиматум, я понял, что передо мной могучего ума человек. Зина сказала, что у нее просто гора с плеч свалилась, а Васька поддакнул:

— Ага. И у меня тоже... гора...

У Юры все было готово для написания этого важного документа. Он дал мне листок бумаги и ручку. Я присел на низкий круглый столик, на котором стоял телефон.

— Заглавие написать — «Ультиматум»? — спросил я.

Юра сказал, что не надо. Как видно, он

Антон споткнулся о резиновый коврик, и мы все трое грохнулись на пол.

и содержание ультиматума уже обдумал, потому что продиктовал его мне почти без запинки.

«Уважаемая тетя Соня!

Я категорически не согласен с Вашим педагогическим методом, которым Вы меня воспитываете. Я привык жить, как ме-

ня приучили мои родители, а Вы только и знаете, что нарушаете мою свободу и вмешиваетесь в мои дела. Вы думаете, что все это очень педагогично, а на самом деле Вы только потеряли для меня всякий авторитет. И вот результат! Мне пришлось бежать из дому, потому что лучше быть бесприютным бродягой, чем жить в Ваших невыносимых условиях.

Но для Вас еще не все потеряно. Если Вы дадите честное слово, что дадите мне свободу, как при маме с папой, я готов вернуться домой.

Если Вы согласны на мой ультиматум, вывесите в форточку белое полотенце.

С уважением — Леша Тучков».

Несколько минут мы только и делали, что расхваливали Юру. Особенно поразила всех великолепная фраза: «Но для Вас еще не все потеряно». Решено было, что Аглая бросит ультиматум в щель для почты на двери нашей квартиры, а Юра позвонит тете Соне по телефону и скажет измененным голосом: «Возьмите письмо от Леши».

Я был уверен, что тетя Соня вывесит полотенце еще до наступления вечера. Я так приободрился, что мне захотелось пофорсить перед ребятами.

— Хотите посмотреть одну забавную штучку? — сказал я небрежным голосом и повел ребят в кабинет профессора.

Увидев череп, Аглая вся передернулась.

— Ввввввв!

Антошка Дудкин и оба Брыкиных молча попятились. Один Юра ничуть не испугался.

— Пуля, наверное, круглую дыру бы сделала,— сказал он.— А это... возможно, его холодным оружием убили: копьем какимнибудь или чем-нибудь еще.

— Ввввввв!— снова сказала Аглая и пошла из комнаты.— И как Лешке не страшно с ним в одной квартире!

— Я бы ни в жизнь не осталась бы!— сказала Зинаида.

Я промолчал. Форсить мне что-то больше не хотелось. Я понял, что сейчас все уйдут, а мне-то придется «с ним» остаться еще на несколько часов.

— Мы, как увидим полотенце, сразу тебе сообщим,— сказал на прощание Дудкин.

Я поплелся провожать своих гостей. В переднюю я за ними не пошел, а остался за углом длинного коридора. И хорошо сделал. Когда ребята выходили на площадку, я услышал, как распахнулась дверь квартиры Брыкиных и сердитый мужской голос громко спросил:

— А это еще что за визитеры?

Секунды три длилась полная тишина. Потом Зинаида залопотала:

— Папа... я... мы... мы им только цветы... Я им только цветы хотела показать...

— Они... цветы...— пропищал Васька.

— «Цветы»! Тебе ключи для того дали, чтобы ты весь двор водила? (Голос папаши Брыкина донесся уже из передней, и я на цыпочках пустился в спальню.) Давай сюда ключи! А с матерью я еще поговорю. Ее люди об одолжении попросили, а она это дело соплякам перепоручила!

Я слышал, как отец Зины и Васьки обошел всю квартиру, как зашел в спальню, постоял тут немного.

— Черт их носит!— сказал он негромко и удалился.

Хлопнула входная дверь, потом чуть слышно дважды щелкнул ключ в замке. Страшная догадка потрясла меня. Подождав немного, убедившись, что настала полная тишина, я вылез из-под кровати и пошел в переднюю. Там я повернул ручку английского замка и потрогал дверь. Так я и знал: папаша Брыкин запер меня на внутренний замок.

Вернувшись в комнату, я машинально остановился перед большим зеркалом. Тогда я не обратил внимания, как выглядит мое отражение, а сейчас припоминаю: что-то вроде близкого к обмороку небольшого червячка с взъерошенной челкой над белым лицом.

Прошло некоторое время, прежде чем я начал что-то соображать. Может, Зина проследит, куда отец положил ключи, а потом утащит их?

Я прикрыл дверь кабинета и сел подальше от нее на уголке тахты. Не знаю, сколько времени я так просидел. Послышалось пять звонков. Я пошел в переднюю и прошептал:

— Кто там?

Металлическая крышка над щелью для почты приподнялась, и за дверью зашелестело:

— Лешка! Это я, Антон... Тебя на внутренний замок заперли...

— Знаю,— прошептал я.

— Лешк!.. Мы твой телефон разведали. Будем по-особому звонить: сначала один звонок дадим и сразу положим трубку... А когда снова позвоним, ты подходи... А если просто будут звонить, ты не подходи. Понял?

— Понял,— прошептал я и услышал, как Дудкин понесся по ступенькам вниз.

Минут через десять зазвонил телефон и умолк. Когда он снова зазвонил, я взял трубку.

— Леш!.. Это я говорю, Аглая. Во какая ужасная вещь получилась! Зинкин отец ключи забрал и к себе в ящик запер... А ключ от ящика всегда у него.

— А... а как же я?

— А ты... ты, Лешка, пока потерпи... Мы потом что-нибудь придумаем... Сообразим что-нибудь...

— А... а сколько мне терпеть?

— Леша!.. Мы пока еще ничего не зна-

Я потянул на себя створку и... тут же скакнул назад.

ем. Если бы Зинкин папа на работе был, он бы ключи матери оставил, а тогда мы уж как-нибудь... Но только Зинкин папа отгул взял на четыре дня: ремонт в квартире делает.

— А я?.. Вы меня, значит, не выпустите?

— Не!.. Леш!.. Выпустим. Только не сегодня.

— Завтра?..— с ужасом в сердце спросил я.

— Не, Леш!.. Не завтра и не послезавтра... Аглая объяснила мне, что цветы поливают через два дня на третий, а сегодня их уже поливали, значит, только после-послезавтра. Зинин папа отдаст Зининой маме ключи, и тогда их можно будет попытаться стащить.

Я молчал. Я просто не знал, что мне сказать на все это.

— Леша, ты слушаешь? — спросила Аглая.

— Слушаю.

— Леш, ты только не подведи, в окна не выглядывай и свет не зажигай. А то, знаешь, что Зинке с Васькой от отца будет? Они сейчас сидят у нас в подъезде и ревут оба. Леша, и нам всем попадет, на тебя вся надежда. Не подведешь? Леша, пока! Мама из гастронома вернулась...

Послышались частые гудки.

В другой раз я лопнул бы от гордости, услышав, как Аглая сказала: «На тебя вся надежда». Но сейчас я никакой гордости не испытывал. Я вернулся на уголок тахты. Мне хотелось плакать, но я почему-то сдерживался и только тихонько кряхтел, не замечая, что у меня течет из носа.

За окном что-то стало тихо постукивать. Это пошел дождь.

Через какое-то время телефон снова зазвонил, умолк и зазвонил опять. На сей раз это был Дудкин.

— Лешка! Твоя тетка ходит по квартирам и спрашивает, куда ты мог деваться.

— А про ультиматум она говорит?

Дудкин ответил, что про ультиматум тетя Соня ничего не говорит, хотя он наверняка ею получен: Аглая отнесла его, как было условлено, а Юра позвонил и лично разговаривал с тетей Соней.

— А полотенце она вывесила?

— Не. Не вывесила. Она говорит, что если до вечера тебя не найдет, в милицию заявит.— Антошка помолчал.— Леш! А вдруг такое дело получится: дадут ультиматум понюхать ищейке, и она Аглаю найдет... А та с перепугу и признается...

Антошка не подозревал, как меня обрадовали эти слова. Не то чтобы я верил в ищейку, но я верил в милицию вообще. Ее работники не такие тайны раскрывали, уж, наверное, они сумеют быстро узнать, куда меня запрятали.

После разговора с Дудкиным у меня даже аппетит появился. Я съел три котлеты, запил их водой из крана и стал ждать дальнейших сообщений.

Но телефон молчал, а на дворе быстро темнело. Скоро сделалось так темно, что я мог подойти к окну, не боясь, что меня увидят. Уже светились окна в двухэтажных бревенчатых домишках напротив нашего нового дома, вот зажглись яркие фонари в нашем большом дворе. Я придвинул к подоконнику стул, забрался на него коленями и принялся смотреть вниз: не появится ли там милиция? Я смотрел так внимательно, так напряженно, что даже забыл на некоторое время про череп, но съежившиеся фигуры, которые иногда пробегали под дождем, на милиционеров не походили.

И вот опять зазвонил телефон.

— Лешк!— почему-то встревоженно проговорил Дудкин.— Твоя тетка полотенце вывесила. Уже часа два как висит.

— А как же в милицию?.. Не заявила?— разочарованно спросил я.

— Не... Похоже, не заявила. А чего ей заявлять? Она знает, что ты живой и здоровый... Где-то поблизости прячешься.— Голос у Антона снова зазвучал тревожно.— Лешка, слушай! Меня и Глашку уже родители допрашивали... «По лицам,— говорят,—видим, что вы в этом деле замешаны... Если,—говорят,—узнаем, что это так...» Лешка, одним словом, сам понимаешь: мы из-за тебя можем все пропасть. Ты, главное,

не зажигай. Лешка, ну, пока... Я из автомата... Тут очередь...

Я уже собрался положить трубку, как из нее послышалось:

— Лешка! Эй!

— Ну? — спросил я грустно.

— Лешка. Аглая велела тебе передать, чтобы ты этого не боялся... Ну, который у профессора на полке... Чего его бояться! Ну, кость и кость... Ты что, костей не видал? Лешка, пока! До завтра! Тут стучат...

Я остался в темноте и в тишине. Теперь я уже не мог не думать о «кости», которую мне предлагал не бояться Дудкин. Я потоптался возле столика, потом снова сел в кресло и почти ощупью набрал номер нашей квартиры. Я не знал, о чем буду говорить. Мне просто хотелось услышать человеческий голос.

— Да! Слушаю!

— Тетя Соня, это вы?

— Лешка! Ты... ты жестокий, бесчувственный мальчишка!.. У меня больное сердце! Я из-за тебя «неотложку» собиралась вызывать. Где ты находишься?

Мне представилась моя светлая, такая уютная комната, моя полка с книгами, мой недостроенный фрегат... Но тут же я вспомнил о Зинке с Васькой, которые ревели от страха в подъезде у Дудкина, вспомнил слова Аглаи: «На тебя вся надежда». И я почувствовал, что в этот момент решается вся моя судьба: или я промолчу, или навсегда сделаюсь самым последним человеком. И я промолчал.

— Где ты находишься, тебя спрашивают!

— В одном месте... — почти плача ответил я.

Тетя Соня не заметила моего жалобного тона.

— Впрочем, мне наплевать, где ты находишься. Кончай свои глупости и немедленно являйся домой.

— Тетя Соня... я сейчас не могу...

— Что «не могу»?

— Домой прийти не могу...

— Почему это «не могу?»

— По... по одной причине.

— По какой причине? Алексей! Я, кажется, полотенце вывесила. Когда ты явишься, наконец?

— Тетя Соня... я... явлюсь... Только не сегодня и не завтра...

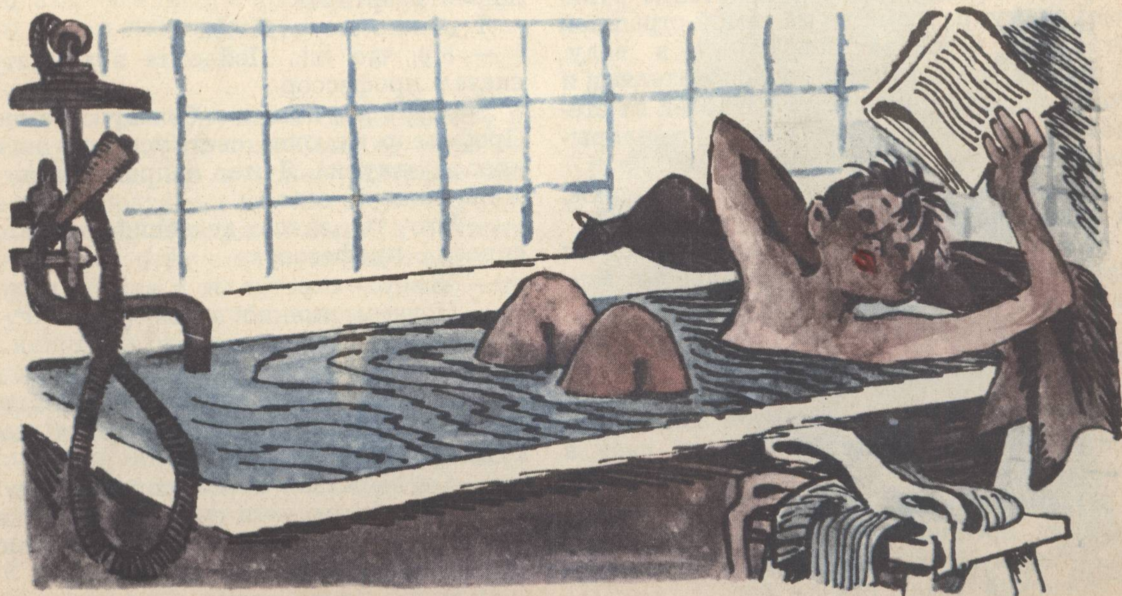
— Будь я трижды проклята за то, что связалась с этим кретином! Алексей! Ты понимаешь, что я отвечаю за тебя перед родителями? Ты хочешь меня до сердечного приступа довести?

Мы разговаривали очень долго. Я был бы рад, если бы наша беседа продлилась до утра, но голос тети Сони с каждой минутой становился спокойней. Наконец она сказала:

— В общем, спасибо за то, что позвонил! Теперь я вижу, что с тобой ничего не случилось, а ты попросту хулиганишь. Скорее всего сидишь у какого-нибудь своего дружка. Интересно, где только его родители?

Поговорив с тетей Соней, я пробрался по коридору, нащупал выключатель рядом с дверью ванной. Уж здесь-то я мог зажечь свет. В ванной было очень хорошо: яркая лампа, белые кафельные стены, белый ящик для белья, белая табуретка рядом с ним. Я сел на эту табуретку, однако спокойней себя не почувствовал. Здесь-то было хорошо, светло, но я знал, что недалеко в темном кабинете профессора стоит на полке череп с пробитым лбом. Я старался не думать о нем, но у меня ничего не получалось.

Я раскрыл книгу на самой страшной странице и снова погрузился в воду.

И вдруг я понял, что мне поможет отвлечься. Ведь у меня в портфеле лежит «Том Сойер»! Очень долго я собирался с духом, чтобы выйти из светлой ванной. Наконец вышел, оставив дверь чуть приоткрытой, пробрался, весь дрожа, в спальню, нащупал под кроватью портфель и, схватив его, сломя голову бросился обратно, рассыпая по дороге сухари.

В ванной я запер дверь на задвижку, отдышался, извлек «Тома Сойера» из кучи съестных припасов, открыл книгу на заложенной бумажкой странице и тут же прочитал: «В этот момент луна выплыла из-за туч и осветила бледное лицо мертвеца». Я захлопнул книгу, положил ее на ящик для белья и остался сидеть, почти не дыша.

Не знаю, сколько я просидел: может быть, двадцать минут, а может быть, час. Меня била дрожь. Неожиданно я услышал, что где-то за стеною шумно льется вода. И тут же мужской голос отчетливо произнес:

— Я тебе потом крикну. Спину потрешь.

Я понял, что моя ванная примыкает к ванной другой квартиры, дверь которой выходит в соседний подъезд, понял, что там, совсем близко от меня, люди.

Меня осенила такая идея: я наполню свою ванну тоже. Залезу в нее. Лежа в теплой воде, зная, что за стеной — совсем близко от меня — человек, я прочитаю самое страшное место в книге, а потом смогу читать «Тома Сойера» хоть целую ночь.

Я отвернул краны как можно сильнее, чтобы моя ванна успела наполниться, пока в соседней квартире шумит вода, и стал раздеваться.

Удивительная вещь — теплая вода! Погрузившись в нее, я почувствовал, как из меня выгнало весь мой страх. Я даже стал «назло» думать о черепе и нисколечко не боялся. Я встал, вытер о полотенце руки, взял книгу, раскрыл ее на самой страшной странице и снова погрузился в воду. Я прочел всю историю с гробокопателями и тоже ничуть не испугался. Человек за стеной плескался, то пускал воду, то закрывал ее и с кем-то переговаривался:

— А? Что? Да не похоже. Он, наверное, в кино пошел. Чего?.. В кино, говорю.

И вдруг я услышал еще один голос. Он звучал уже не за стеной, а за дверью ванной. Это был густой спокойный бас:

— Я думаю, тут метеоспутники все-таки свою роль сыграли в прогнозировании: за это лето было очень мало ошибок.— Человек за дверью помолчал, потом заметил: — Интересно, какой дурак оставил свет в ванной?

Я замер. Дверь дернули снаружи. Тот же бас произнес:

— Черт! Почему-то она еще и заперта.

Женский голос сказал:

— Что заперто?

— Да дверь вот заперта. По-видимому, кто-то хлопнул ею, и задвижка сама собой заскочила.

Я встал в ванне, вода с меня полилась, и это услышали.

— Кто там? — тревожно крикнул бас, и дверь снова дернули.— Людмила! Там кто-то есть!

— Ну что с тобой, Ираклий! — раздраженно сказал женский голос.

Я стал вылезать из ванны, и вода негромко заплескалась.

— Кто там? — уже в полный голос загремел бас.

Дверь снова дернули, на этот раз очень сильно. Я понял, что надо заговорить.

— Одну минутку... Я сейчас...

За дверью воцарилось такое молчание, словно там никого не было. Потом женский голос произнес, на этот раз совсем тихо:

— Ираклий!.. Что все это значит?..

— Шут его знает! — так же тихо произнес Ираклий и снова повысил голос: — Кто там?

Я открыл дверь. Перед ней, сунув руки в карманы брюк, стоял гражданин лет шестидесяти в черном костюме с белым воротничком. Он был весь какой-то квадратный: невысокого роста, но очень широкий в плечах. И голова его мне показалась квадратной: широкий угловатый подбородок и седые волосы, стриженные бобриком...

За спиной профессора (я, конечно, понял, что это он) стояла дородная пожилая женщина. Она попятилась, сцепив руки на груди, и тихо произнесла:

— Господи ты боже мой!

— М-да! — промычал профессор. Он дал мне застегнуть последнюю пуговицу и спросил: — Каким образом ты очутился в нашей квартире?

Я ничего не ответил.

— Ну, что ж!.. Пойдемте в комнату,— сказал профессор.

Все трое мы пошли в большую комнату. Профессор включил свет, уселся в низкое кресло, закурил. Я стал напротив него. Его жена тоже не села.

— Что ты здесь делаешь? — спокойно спросил профессор.

— Живу,— ответил я.

— Почему именно здесь?

— Так...— сказал я.

— Господи! Ираклий!—воскликнула жена профессора.— Да это же из двадцать второй квартиры. Ну, помнишь, он козла к себе в дом пустил?

— А-а! — сказал профессор и затянулся сигаретой, продолжая смотреть на меня.— Так кто же тебя сюда поселил? Зинаида? Или Василий?

— Никто не поселил... Я сам...

— Что «сам»?

— Поселился,— с трудом выдавил я.

— Так! Значит, сам. А каким же образом ты попал в квартиру? Кто тебе открыл дверь?

Я хотел было сказать, что случайно увидел дверь открытой и вошел, но тут же подумал, что Зинке с Васькой и за это может попасть.

— Я... я сам дверь открыл.

— Сам, значит. Отмычкой? Или подобрал ключи?

— Подобрал...— сказал я чуть слышно.

— Господи ты боже мой! — снова прошептала жена профессора, но сам он остался невозмутимым.

— Так! Подобрал сразу два ключа. И где же они?

Я оглянулся по сторонам.

— Тут где-то... Я, кажется... кажется, я их где-то потерял...

— Так! Потерял.— Профессор придвинулся вместе с креслом поближе ко мне.— Слушай! Но что все-таки тебя заставило обосноваться в нашей квартире да еще принимать тут ванну?

Тут я заплакал.

— Ну, довольно тебе его мучить! — вскрикнула профессорша.— Не видишь, он весь трясется? Ему валерьянки надо дать!

Она ушла из комнаты. Профессор побарабанил пальцами по ручке кресла.

— Так-так, старый взломщик! Ну, а дома у тебя кто-нибудь есть?

— Есть...— ответил я.

Профессорша принесла мне рюмку с валерьяновыми каплями, заставила подобрать рассыпанные по коридору сухари, и мы все трое пошли ко мне домой. Я сразу юркнул к себе в комнату и не слышал толком, о чем разговаривали взрослые. Тетя Соня говорила приглушенно, но очень взволнованно, а профессор и его жена то и дело смеялись.

*

И ночью (я вернулся в одиннадцать) и на следующее утро тетя Соня со мной не разговаривала. Но в конце завтрака она все-таки обратилась ко мне:

— Алексей! Так уж и быть, я о твоих художествах отцу с матерью не скажу, но в таком случае и ты не проговорись, а то получится, будто я тебя покрываю.

Я кивнул, а сам понял: тете Соне не хочется, чтобы родители узнали о ее педагогических «успехах».

Дождь на некоторое время перестал. Выглянув в окно, я увидел, как возле мокрой скамейки стоят Аглая, Дудкин и оба Брыкиных. Они взволнованно о чем-то говорили, указывая то на окна профессорской квартиры, то на мои. Я решил выйти и объяснить им, что я никого не выдал.

Когда я появился во дворе, все они повернулись в одну сторону и уставились на меня.

Я не чувствовал за собой никакой вины, но все-таки приближался к ним с опаской: уж больно хмуро глядели на меня Дудкин и Брыкины. Но вдруг они повернулись и стали смотреть куда-то в другую сторону. Посмотрел туда же и я.

Из своего подъезда вышел профессор. Он был в плаще и в берете, с сумкой для продуктов в руке. Он собирался пройти мимо, но вдруг увидел ребят, увидел меня и направился к нам.

— Василий и Зинаида! — сказал он строгим голосом.— За то, что вы добросовестно поливали цветы, вам полагается по плитке шоколада. Если подождете с полчаса, я их принесу.

Он подмигнул мне и пошел к воротам.

Вот и все!

Тетя Соня перестала меня воспитывать, зато и утратила ко мне всякий интерес. Наскоро приготовив обед, она исчезала до вечера, а раза два и ночевать не пришла, сказав по телефону, что плохо себя чувствует. В такие вечера Аглая, Брыкины, Дудкин и Юра собирались у меня и пили чай.

Дождь теперь лил, почти не переставая, и папа с мамой вернулись из своей поездки на четыре дня раньше срока.

На этот раз в квартире у меня был полный порядок.

Весь день сегодня солнце усердно трудилось, посылая жаркие майские лучи. Один на траву — и она вырастала сразу на ладонь. Семнадцатый — на девчонок, скакавших через веревочку, и они начинали так быстро скакать, что сразу становились чемпионками школы. А сто первый луч был послан на Речную улицу, дом 5, квартира 18, на балкон, где сегодня Марина посеяла васильки.

Вот на этом попутном луче и домчалась Калинка к знакомому дому и, кувыркнувшись в распахнутую балконную дверь, сманеврировала в кухню, откуда слышались громкие голоса.

Что там творилось! В белом мучном тумане смутно виднелись Алеша, Лёка и Марина. Нестерпимо пахло горелым маслом, а на полу сверкала разбитая банка.

«Динь-дон-динь!». Калинка сняла свою шапочку-невидимочку.

— Здравствуй, Калинка! Ты не представляешь, что произошло!

— Мы вспомнили, что из песочного теста для пирога «8 марта» можно испечь печенье. Даже купили ванилин, чтобы добавить в тесто. Алеша сказал, что будет шеф-поваром, а сам банку со сметаной разбил, масло зачем-то растопил на сковородке.

— А они муку рассыпали и яйцо на пол уронили.

— Похозяйничали! Что теперь будете делать?

— Сковородку помою,— вздохнул Алеша,— и домой пойду.

— Эх, ты, а еще шеф-повар! Во-первых, ничего страшного не произошло. Все начинают так хозяйничать, муку рассыпают, банки бьют. Во-вторых, надо поскорее забыть, кто в чем виноват, и печь печенье, как решили. Шеф-повар, мы ждем распоряжений.

Калинка хлопнула в ладоши и мгновенно получила из окна свой белоснежный фартук и наибелоснежнейший поварской колпак, который торжественно отдала Алеше. Алеша даже порозовел от удовольствия — в колпаке он стал настоящим шеф-поваром, большим и важным.

— Марина будет сбивать масло, Лёка просеивать муку, а Калинка...

— Ты забыл, что ли,— возмутилась Лёка,— масло... ты... мы... оно сожглось, сметану ты... она разбилась, а мука... просто испарилась.

— С мукой очень просто, мы ее соберем,— засмеялась Калинка, дунула в пустой мучной пакет, и он сразу оказался полный.— А без сметаны и масла вкусного печенья, пожалуй, не испечь. Что делать, шеф-повар?

— Какие продукты у нас есть?

— Сахар, три яйца, мука и подсолнечное масло!

— Я думаю! — Алеша пристально посмотрел на Калинку.— Я думаю, мы будем жарить хворост.

— Очень люблю,— сказала Лёка.— Вкусный, хрустящий! Но ведь хворост очень трудно делать.

— Первый раз, может быть, и трудно,— важно сказал Алеша,— но зато сами. Мы будем все делать, а Калинка рассказывать.

Вкусный, хрустящий хворост

2 целых яйца и 1 желток разотрем с $1/2$ стакана сахара, столовой ложкой подсолнечного масла, $1/4$ чайной ложки соли и 1 столовой ложкой уксуса. Постепенно высыпаем туда 2 стакана просеянной муки. Замесим крутое тесто, выложим его на доску, посыпанную мукой, и еще помесим руками минут пять. Вот тесто и готово, получился тяжелый, как глина, увесистый гладкий ком. Тесто присыплем чуть мукой, накроем чистым полотенцем и дадим полежать 30 минут. Теперь разделим его на 3—4 части и каждую часть тонко раскатаем, совсем тонко, как только можно. Получился тонкий большой блин. Режем его на узкие полоски. Теперь начинается самое интересное. Фантазируйте сколько угодно. Полоски можно, надрезая середину, перевязывать бантиком, можно скручивать жгутиком, завивать розой. Сделали хворостинки из одной части теста, и сразу надо жарить. Хворост не пекут в духовке, а жарят, вернее, варят, в масле.

Поставим глубокую сковородку или алюминиевую миску на огонь, вольем $3/4$ стакана подсолнечного масла, дадим ему хорошенько разогреться и будем бросать в него по 3—4 хворостинки. Масло не должно быть чрезмерно горячим, чтобы хворостинки не горели и не темнели. Видите, хворостинки на глазах растут, становятся пузырчатыми, большими и золотисто-розовыми. Вилкой будем их переворачивать, стряхивать с них масло и складывать на блюдо, пересыпая сахарной пудрой. Каждая хворостинка жарится минуту.

— Что я вам говорил? — сказал Алеша.— Совсем нетрудно. Вот какая гора получилась! Удивительно, теста было так мало.

— Это тесто называется лапшовое, оно в горячем масле увеличивается в 2—3 раза. Мы приготовили сладкий хворост к чаю, а можно сделать без сахара — к бульону. Следующий раз попросим шеф-повара приготовить хворост не сладкий.

— Ах, Калинка, мне нужно не хворост, а кашу готовить.

— Почему кашу?

— Мы с классом в поход идем!

— А ты будешь шеф-поваром? Очень хорошо. Следующий раз в «Академии» у нас будут походные науки: как костер разжигать, кашу варить, рюкзак собирать. А сейчас мы будем...

Шить красивые платья

Калинка таинственно улыбнулась и достала из кармана своей клетчатой юбки листок бумаги величиной с ее ладонь.

— Вот что я привезла из Города яблок — Алма-Аты. Смотрите.

— Нам с Мариной и не разобрать ничего. Очень мелко.

— А сейчас? — Калинка быстро-быстро стала хлопать по листку бумаги ладонью, и он с каждым хлопком все увеличивался и увеличивался. И, наконец, на стол лег огромный лист бумаги, на одной стороне которого было нарисовано платье для Лёки, на другой — платье для Марины.

— Есть в Алма-Ате художник-модельер Ирина Доброхотова. Мы с ней долго обсуждали, какие платья лучше всего шить девочкам к вечеру «окончания учебного года», и решили, что они должны быть только такие.

Лёке будем шить платье из этой ткани в мелкую черно-белую клетку. Лиф и рукав кроятся по прямой нитке, юбка расклешена и скроена по косой. Планка, воротник и манжеты из белого пике, отделаны красным кантом. Пуговицы и пояс тоже красные.

Маринино платье комбинированное, лиф красный, а юбка клетчатая, черно-красная. Лиф отрезной, но талия на 5—8 см занижена. Юбка кроится по прямой и закладывается крупными встречными складками. Бант у ворота

из черной репсовой ленты. Пуговицы и пряжка металлические, анодированные. Марине по возрасту уже можно добавить к платью скромное украшение — металлическую цепочку с брелоком.

Быстро нагрели утюг и разгладили ткань для платьев, быстро сделали большие выкройки из газеты и мелком наметили крой на ткани. И защелкали ножницы, и. замелькали иголки, и зажужжала машинка. Наконец, разгладили все швы и складочки, и девочки надели платья.

— Очень красивые платья и очень вам идут,— сказала Калинка.— Теперь надо подумать о прическах. Я думаю, Марину надо подстричь вот так, совсем коротко, а Лёкины волосы надо гладко зачесать назад, без всяких челок, гривок и начесов и завязать сложным бантом. Кстати, вы хорошо расчесываете волосы?

— У меня короткие,— сказала Марина,— и совсем не густые, их можно и не расчесывать.

— Не станешь расчесывать волосы — они будут становиться все хуже и хуже. Видите, какая у меня толстая косичка?

За косичкой надо ухаживать

Расчесывайте волосы утром и вечером 5—10 минут пластмассовой или роговой расческой с нечастыми и неострыми зубцами. Расчесывать надо от макушки ко лбу, ушам, по кругу. Ни в коем случае нельзя расчесывать волосы железной расческой. Лёке надо вначале расчесать волосы с концов, а потом перейти к макушке. Еще надо не забывать о том, что расческу надо обязательно мыть раз в неделю. Вы причесываетесь одной расческой?

— У нас много расчесок, но мы их все время путаем.

— А зубные щетки тоже путаете?

— Что ты, Калиночка, ни в коем случае.

— Расчески путать тоже нельзя. Каждому надо иметь свою собственную. А волосы моете часто?

— Лёка редко, у нее косы, а я люблю мыть волосы через четыре дня,— похвалилась Марина.

— То-то у тебя такие плохие волосы. Голову надо мыть пеной из детского мыла и споласкивать кипяченой водой или настоем ромашки не чаще раза в неделю, а лучше один раз в две недели.

— Калиночка, а мои волосы могут стать гуще? — спросила Марина.

— Вот начни с сегодняшнего дня и увидишь, что будет к концу лета. Перед мытьем сделать вот что: возьми один желток, взбей его вилкой и влей туда ложку касторки. Расческой отделяй прядки и кисточкой для бритья смазывай этой смесью кожу. Потом быстро заверни голову пластиковой косынкой, газетой и сверху еще теплым платком. Через 2 часа помой волосы.

— А может быть, еще и лекарство какое-нибудь есть?

— Конечно. Молоко с черным хлебом.

— Тоже мазать?

— Нет, пить.

— А как?

Калинка даже засмеялась.

— Как пить? Очень просто. В одну руку берешь самую большую кружку с молоком, в другую — поджаристую горбушку черного хлеба. Очень вкусно... Марина, а что у тебя с руками? Ногти покусаны, а на запястье чернильное пятно. Что бы ты ни делал, руки должны быть чистыми и ухоженными.

— И у мальчиков тоже? А то у наших мальчишек такие руки!

— И у мальчиков тоже. Вот что надо сделать. Совсем несложно.

Что делать с руками?

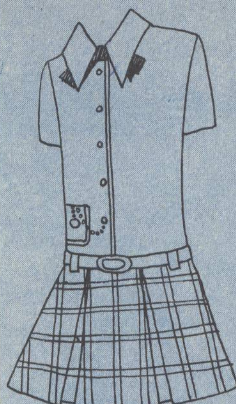
Пятна от чернил потереть головкой спички или кусочком лимона. Ногти подстричь ножницами и подпилить пилочкой, заусенцы осторожно, не обрывая, подрезать и смазать йодом. Потом налить в тазик горячей воды, добавив немного соды и несколько капель глицерина, и подержать руки в этой воде минут 10—15, так чтобы кисти были покрыты водой. Затем, не вытирая, смазать «Детским кремом».

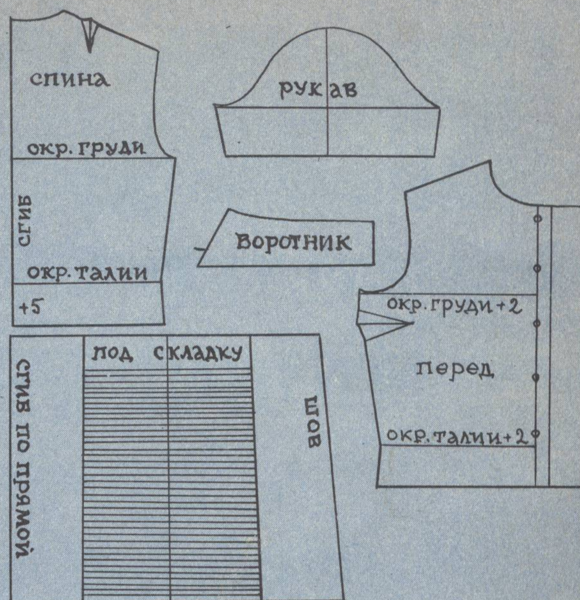
— Калинка, прошу тебя,— сказала Лёка,— расскажи мне все это сначала, я запишу в свою тетрадку. У одной девочки в нашем классе очень тоненькие косички, я ей обязательно все расскажу.

— Хорошо, — сказала Калинка, — записывай.

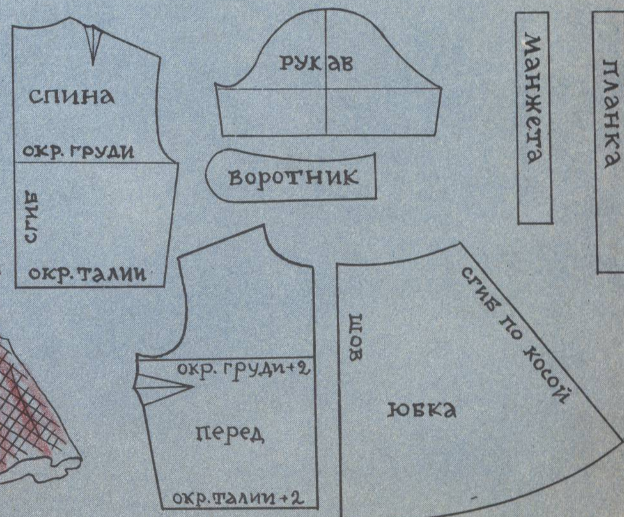
Платье для Марины

Платье для Лёки

На манеже ОЛЕГ ПОПОВ

В цирк спешат ребята. С афиши улыбается человек в большой клетчатой кепке. Каждый хотя бы на минуту задерживается у афиши:

— Олег Попов!

— Олег Попов?!

— Ура! Олег Попов!

А один мальчишка долго стоит перед афишей и хохочет. Наверно, вспоминает самый смешной номер Олега Попова: тот, когда он играет на саксофоне и вдруг мундштук инструмента оказывается сочной морковкой, и Олег с удовольствием ее съедает; или тот, когда Олег прохаживается по проволоке, как по тротуару, и при этом еще жонглирует тросточкой; или тот, когда Олег выезжает на арену на печке собственной конструкции и бросает ребятам в зале конфеты-великаны.

...Если бы мы не видели на репетиции Олега Попова, мы бы ни за что не узнали его в человеке, который сидит на диване в маленькой гардеробной. У человека сильные руки, и мастерит он что-то очень интересное. Перед ним кусок каната, в него вставлены маленькие батарейки, к батарейкам подведены тонкие провода, а рядом лежат разноцветные лампочки.

— Что вы делаете? Для чего это? — спрашиваем мы. И тут сразу вспоминаем цирковое правило. Здесь не принято спрашивать: что, как, для чего? Ведь волшебники не рассказывают про свои волшебства: тогда они сразу бы стали неинтересными.

Олег Попов все свои номера придумывает сам. Мы видели у него на репетиции самоходную кровать или чудо-машину, у которой свой, капризный, норовистый характер. Хочет — она заводится. Не хочет — не заводится. Хочет — едет вперед, а хочет — только назад. А захочет — всех, кто в ней сидит, вытряхнет и поедет одна кататься по арене. Так вот эту машину Олег придумал и смастерил сам.

Кроме того, Олег Попов не любит, когда ему мешают перед премьерой. Сколько бы раз артисты ни выходили на манеж, все равно они всегда волнуются.

Когда мы подарили Олегу Константиновичу свежий номер «Пионера», он с интересом стал его рассматривать. Олег сам раньше работал в комбинате «Правды», в типографии, и ему даже приходилось набирать наш журнал.

...Олег Константинович надевает парик, клетчатую кепку, накладывает грим. А мы спешим в зал.

Цирк зажег огни. Сейчас прозвенит третий звонок, и на арене появится самый веселый клоун. И все в зале будут хохотать до упаду, хлопать, отбивая ладоши.

Если вы когда-нибудь увидите Олега Попова в жизни, не удивляйтесь, что он немногословен, редко улыбается. Просто он всегда занят важным и серьезным делом, потому что смешить людей — это дело очень серьезное.

Фото С. КАРАСЕВА.

Никто не знает точно, что послужило причиной великого раздора между карандашами и резинками. Известно только, что вражда эта началась в незапамятные времена.

Главный Совет Пеналов много раз поручал мне, капитану ПЕРО, разбирать жалобы враждующих сторон. Немало пришлось мне распутать загадочных историй, и я охотно познакомлю вас с некоторыми из них. Надеюсь, что расследование доставит вам такое же удовольствие, какое, не буду скрывать, я испытывал сам, вникая в хитроумные козни карандашей и каверзы резинок.

1. Это произошло в дни Седьмого перемирия. Я видел, как одна из резинок спокойно прошла в школу.

2. Следом за ней прокрались два карандаша.

3. Я поспешил за ними в школу. На третьем этаже в коридоре я увидел на полу лежащую без сознания резинку.

4. Три карандаша сидели в кабинете черчения и читали газеты. Я сразу обвинил одного из них в нарушении перемирия. Какой же из карандашей это был?

Во что играют белки

Фото Живживки.

СООБЩЕНИЕ ЖИВЖИВКИ, НАШЕГО ЛЕСНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

На лесной полянке я увидел двух белок.

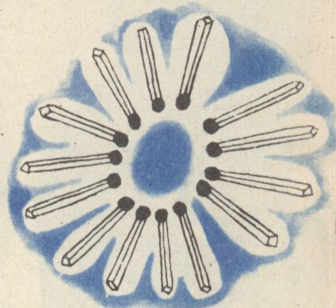
— Вы что, на ромашках гадаете?—спросил я.

— Нет, в игру «любит—не любит» мы не играем,— ответила одна из белок,— наша игра гораздо интереснее. Вот смотри. Я буду держать ромашку, а ты оторви от нее один лепесток или два смежных. Теперь я оторву один или два лепестка, потом опять ты. Выиграет тот, кому достанется последний лепесток.

Мы начали играть, и белка обыграла меня десять раз подряд! Весело фыркнув, подружки прыгнули на дерево и исчезли.

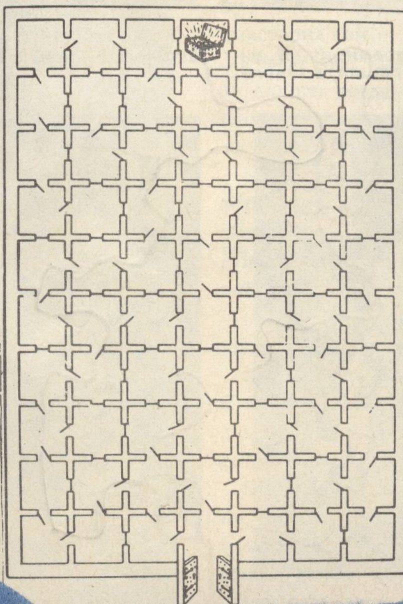
Дома я сложил несколько ромашек из спичек так, как показано на рисунке, и стал вспоминать, как играла белка, и наконец догадался, почему она всегда выигрывала.

ПОТРЕНИРУЙТЕСЬ НА РОМАШКАХ ИЗ СПИЧЕК, И Я УВЕРЕН, ВЫ РАЗГАДАЕТЕ ХИТРОСТЬ БЕЛКИ.

ЛАРЕЦ

Во дворец принес гонец
С изумрудами ларец.

Перед вами план дворца.
Отыщите путь гонца.

Слова-невидимки

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

— За мной бежит от лодки след,
— Я всюду там, где света нет.
— Мой тонкий нос острей кинжала,
Потрогайте, не нос, а жало!

— Я неприятный гость в диктовке,
— А я зверек, разбойник ловкий,
— А я стою на берегу,
Но в море прыгнуть не могу.

— о — — —
— — — —
— о — — —

— Ужасно я боюсь щекотки.
— А у меня характер кроткий.
— А я на грядках все окучила
И отдыхаю возле чучела.

— — як — —
— — — — а
— — а — —

— — — — —
— р — — — —
— — — — —

ПРАВИЛА ЭТОЙ ИГРЫ СМОТРИ В «ПИОНЕРЕ» № 4

Рисунки А. БОРИСОВА.

Него и Пози

У бабушки Фотографии два внука-близнеца—Негатив и Позитив. Бабушка ласково называет их НЕГО и ПОЗИ. Мальчишки больше всего на свете любят рисовать. Характеры у ребят совершенно разные, и это сразу видно по их рисункам, особенно если они рисуют одно и то же. То, что на рисунке у Него справа, у Пози слева. То, что Него раскрашивает черным, Пози оставляет белым. Но иногда они отступают от этого правила. Имейте это в виду, когда будете сравнивать отдельные мелкие детали на рисунках.

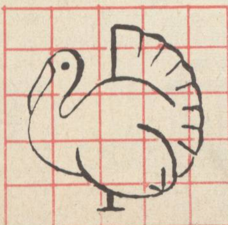
Вы без труда обнаружите различия. Сосчитайте, сколько на рисунках несовпадающих деталей.

ПОЧИНИТЕ ТЕЛЕВИЗОР

На экране должно получиться вот что:

Ответы на задачи из № 4

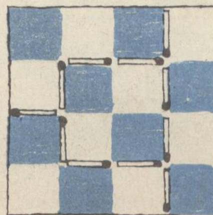
ВНУЧКИ БАБУШКИ ПЕЛАГЕИ
Валя играет на арфе и говорит по-итальянски.

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА
А ВЫ ТАК МОЖЕТЕ?
Последняя фраза четверостишия звучит так: «Утром первого апреля!»

СЛОВА-НЕВИДИМКИ
1. Лотос, стол, ствол. 2. Корона, сорока, корова. 3. Ириска, редиска, абрикос—все эти слова-невидимки спрятались в стихотворениях.

ОСТОРОЖНО! ИГРАЕМ СО СПИЧКАМИ

Вот как нужно расположить 11 спичек внутри квадрата:

СОДЕРЖАНИЕ

Шестнадцатый.— Е. Рубцова 1
Ночной обоз.— Повесть А. Мусатова. Рисунки С. Трофимова 4
Взятие Берлина.— А. Митяев. Рисунки А. Борисова 16
Наша с Волькой борьба.— Рассказ А. Крестинского. Рисунки В. Перцова 22
Кораблик 25
Надо посоветоваться. — Летчик-космонавт А. А. Леонов. Рисунок С. Трофимова . . 26
Похищенное детство.— Лев Гинзбург 29
Поздравляем друзей! — К 25-летию освобождения Чехословакии 32
Надписи в зале Красной Армии в Мавзолее на горе Витков в Праге.— Стихи В. Незвала. Перевод К. Симонова 33
Памятник Ленину.— Стихи С. Хермлина. Перевод Л. Гинзбурга 34
Песня восемнадцати казненных. — Стихи Я. Кемперта. Перевод И. Бродского. Рисунки И. Галанина 35
Радиостанция «Здравствуй!». Скоро, скоро, скоро слет! — М. Владимиров. Рисунки А. Борисова 36
Душистый ураган. Серебряный лес.— Н. Сладков. Фото автора. Рисунки П. Багина . 38
Про кота, который говорил. Козел Бобеш.— Сказки И. Лады. Пересказала Н. Артамонова. Рисунки И. Галанина 40
Куда так рано... О чем поет мельница. Сказка.— Стихи Ф. Грубина. Перевели с чешского Ю. Вронский и М. Обручев. Рисунки Н. Доброхотовой 42
Случай на корабле. Девочка на фронте. Томик Пушкина.— Рассказы Р. Ромы. Рисунки А. Вовиковой 43
Жизнь Ленина. — Повесть М. Прилежаевой. Окончание. Рисунки О. Верейского . . 47
О чем пишут взрослые газеты 58
На тебя вся надежда...— Рассказ Ю. Сотника. Рисунки Е. Медведева 60
Академия домашних волшебников.— Рисунки Н. Доброхотовой 74
На манеже Олег Попов.— Фото С. Карасева . 76
Ума палата.—Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Борисова . . . 77
Неизвестные раскрывают свои тайны . . . 80
На обложке:
Будущие трактористы. Рисунок А. Борисова.

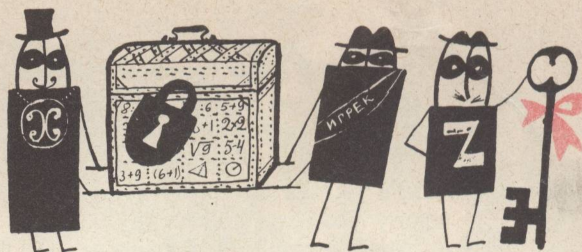
Адрес для писем: Москва, А-15, ГСП
Бумажный проезд, 14.
Телефон 251-04-27.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор **В. П. Назарова.**

Сдано в набор 27/II 1970 г. А 00039.
Подписано к печати 3/IV 1970 г.
Формат бумаги 84×60¹/₈. Объем 9,33 усл. печ. л.
11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 375 000 экз.
Изд. № 859. Заказ № 683.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Неизвестные раскрывают свои тайны

Ответы на задачи
Олимпиады Трех Неизвестных
из № 3

Сегодня — только решения. Имена победителей, премии за самые красивые решения — в следующем номере.

Просим учесть: изложить подробно каждое решение мы не могли, и если что-то с первого раза тебе покажется непонятным — подумай.

И еще: правильные решения могут быть разными, могут они и отличаться от наших.

Жюри Олимпиады Трех Неизвестных.

Считаем ноги!

Ноги естественно считать парами. Перевяжем красной ленточкой по одной паре ног у каждого из «присутствующих». Тогда неперевязанных ног останется 13— по одной паре у каждой собаки и по две у каждой мухи. Понятно, что мух не меньше двух и не больше шести. И если в комнате 2, 3, 4, 5, 6 мух, то собак соответственно 9, 7, 5, 3, 1. Первые два случая не подходят (люди-то есть!), остальные дают три решения: 1 человек, 4 мухи, 5 собак; 2 человека, 5 мух, 3 собаки; 3 человека, 6 мух, 1 собака.

Футбольный чемпионат

Пусть в чемпионате участвовало X команд. Каждая команда играет (X—1) матчей. В произведении X(X — 1) каждый матч учитывается дважды (играют **две** команды), значит, сыграно $\frac{X(X-1)}{2}$ матчей. В одном матче разыгрываются 2 очка — их получает победитель, или, при ничьей, команды получают по одному очку. Значит, общее число очков, набранных всеми командами, равно X(X — 1), и в среднем на долю одной команды приходится $X(X-1):X=X-1$ очков. Если $X=4$, то общее число очков $X(X-1)=12$. В нашем случае общее число очков не меньше, чем $7+5+3=15$, значит, команд не меньше пяти.

3 призера получили 15 очков, в среднем по 5 очков на команду. Каждая из остальных команд набрала не больше 3 очков, поэтому в среднем на долю каждой команды приходится меньше 5 очков, X — 1 меньше 5, X меньше 6, значит, команд 5, они набрали $X(X-1)=20$ очков.

Последние 2 команды набрали вместе 5 очков, значит, команда, занявшая последнее, 5-е место, заработала всего 2 очка.

Потерянная спица

Требования задачи выполнены, если у Оли есть спицы с длинами 60, 61, 62, 63, 64, 65, 4, 6, 7, 8 сантиметров. Проверьте это.

Весы и монеты

Занумеруем монеты числами 1, 2, 3, 4, 5, 6. Среди них есть пара фальшивых монет. Это или пара 1, 2, или 1, 3, или 1, 4, или 1, 5, или 1, 6, или 2, 3 и т. д.— всего 15 возможных пар (выпишите их все). Будем записывать слева от тире номера монет на левой чашке, справа — на правой.

Первое взвешивание 1, 2, 3—4, 5, 6, второе —1, 2, 4—3, 5, 6. Если хотя бы при одном взвешивании равновесие нарушилось, то на чашке, которая перевесила, две из трех монет фальшивые, а на другой чашке все монеты настоящие.

Докажем, что для выделения фальшивых монет достаточно двух взвешиваний. Пусть, скажем, на чашке, которая перевесила, лежат монеты 1, 2 и 3. Из них можно образовать 3 пары: 1, 2; 1, 3 и 2, 3, и обе монеты одной из этих пар фальшивые. Сравним пары 1, 2 и 1, 3 с «хорошей» парой 5, 6. Если перевесила пара 1, 2, то фальшивые монеты 1 и 2, если же 1, 3,— то 1 и 3. Если в обоих случаях равновесие, то фальшивые монеты 2 и 3.

Если при первых двух взвешиваниях равновесие не нарушалось, то обе монеты «фальшивой» пары при обоих взвешиваниях находились на разных чашках. Значит, «фальшивыми» могут быть лишь пары 1, 5; 1, 6; 2, 5; 2, 6 и 3, 4.

Сравним вес пар 1, 5 и 2, 6, а затем вес пар 1, 6 и 2, 5. Если одна из пар перевесит, то она фальшивая, в противном случае фальшивые монеты 3 и 4.

Загадки 6-го класса

В этом классе 12 скрипачей. Плавают, но не разводят хомяков 2 ученика. Ребят, разводящих хомяков но не играющих на скрипке и неплавающих, может быть 0, 1, 2....22. Полное решение этой задачи будет напечатано позже, когда в «Пионере» откроется Школа Трех Неизвестных.

Кащей Бессмертный против Ивана Царевича

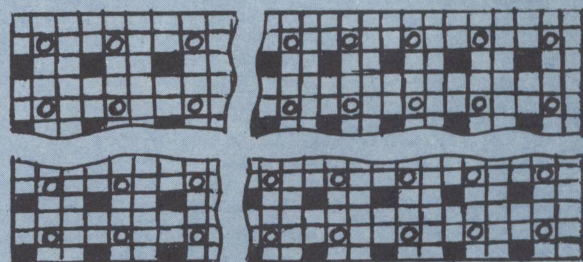
Иван может назвать числа 100, 10 и 1. Ответ К. Бессмертного — трехзначное число, в котором а — число сотен, в — число десятков, с — число единиц.

„Битва" шахматных королей

Одна из возможных правильных расстановок показана на нашем рисунке. Самое трудное здесь — доказать, что нельзя расставить меньшее число королей. Попробуем это сделать.

Начиная с левого нижнего угла будем штриховать клетки доски через две на третью, как показано на рисунке. Так как $1970 = 3 \times 656 + 2$, то в нижней горизонтали заштрихованы 657 клеток, а на всей доске $657^2 = 431\,649$ клеток. Никакой король не может бить сразу две заштрихованные клетки, значит, королей не меньше 431 649. На нашей доске их как раз 431 649 — столько же, сколько и заштрихованных клеток.

Дорогие и уважаемые друзья!

Счастливы сообщить, что 3 месяца и 9 дней (1 782 часа!) изучали мы ваши письма, рисунки и даже одну посылку.

458 мальчиков и девочек помогли нам выбрать название. Спасибо всем!

Итак, ранее необитаемый остров по желанию большинства участников конкурса (293 письма) отныне носит название **«Остров Трех Неизвестных».**

Прощаемся до осени

Ваши *Икс игрек Зет*

Цена 25 коп.
Индекс 70694

ВНИМАНИЕ—ОВРАГИ!

Зловещими трещинами они перерезают поля, и по этим трещинам весной вместе с талой водой, с водой после дождей уносится размытый плодородный слой почвы. Достаточно малой рытвины или ямки где-нибудь на уклоне поля, и вот уже водяной поток роет себе дорогу. Сначала рытвина небольшая. Потом новые дожди, ежегодные весенние воды углубляют ее. Образуется небольшой овражек, который, постепенно разветвляясь, превращается в целую сеть оврагов.

Растут овраги иногда очень быстро. При мягком грунте их длина увеличивается на восемь, а то и на двадцать пять метров в год!

Бывает, что овраги незаметно подползают прямо к постройкам и рушат их. Овраги отнимают у земледелия много плодородной земли, разрушают дороги, железнодорожные насыпи, берега рек.

БОРОТЬСЯ С ОВРАГАМИ МОЖНО И НУЖНО.

Внимание!

Ребята из Замостянской школы Курганской области, ребята из Корсунской школы Орловской области и из Резинской школы Саратовской области давно уже борются с оврагами.

Как? А вот как. Первым делом ребята взяли на учет все старые и новые овраги в своих местах и наблюдают за ними. С осени ставят они поперек русла оврагов прочные плетневые изгороди, сажают по склонам кустарники и деревья, а если овражек маленький, то просто берут лопаты и засыпают его.

А в ваших местах, там, где вы живете, есть овраги?

НЕ ТЕРЯЙТЕ ВРЕМЕНИ, БЕРИТЕСЬ ЗА ДЕЛО!

Этим вы поможете сохранить много ценных плодородных земель.

